

ALFRED KOTZ

führen
und
folgen

А Л Ь Ф Р Е Д К О Т Ц

**ВЕСТИ
И
СЛЕДОВАТЬ**

Фюрер! Отдай приказ – мы выполним его!
Обращение к солдату Гитлера

Издание 15-е, переработанное и дополненное Предисловие к изданиям с 1-го по 13-й тираж

Время, опалённое стальной грозой Первой мировой войны, имело одно неоспоримое преимущество: там, где рвались снаряды, среди нас не было тех, кто целиком и полностью не был бы связан с нами узами фронтового товарищества. Тем, кто по причине своей трусости был озабочен спасением собственной шкуры и искал возможности укрыться от опасности, среди нас места больше не было.

Камрады! Мне близки Ваши сегодняшние тревоги. Вы озабочены тем, чтобы сложившиеся между Вами в былые годы отношения сохранялись и впредь, Вам совершенно не хочется, чтобы среди марширующих в одной с Вами колонне вдруг оказался тот, кто смог бы чем-либо опозлить нашу общность. Вспоминая, что некогда было дорого для Вас, всё то, что Вам сейчас заменяет ваше боевое подразделение, Вы тоскуете по теплу домашнего очага, по частичке своей малой Родины. Вы хотите, чтобы командир Вашего подразделения был действительно таким офицером, о котором отзываются, как о настоящем фронтовике. Наряду с этим Вы обеспокоены тем, что в один прекрасный день случится то, чего ни в коем случае нельзя допустить – в наши ряды может очень осторожно и неуловимо прокрасться нечто, не имеющее ничего общего с нашей внутренней сущностью. Вы остерегаетесь не сохранить то, что некогда присутствовало в нас в мгновения смертельной опасности, когда от разрывов снарядов как бы становился плотнее сам воздух. Вас тревожит мысль о том, что мы можем лишиться завоёванного нами с таким трудом под знамёнами победы Гитлера.

В то время, когда волны захлестнувшего Германию красного потопа откатывались назад, также был один положительный момент: нам было известно друг о друге всё, что мы должны были знать. И вновь мы твёрдо знали в те дни самое главное: среди нас не было ни одного, кто не был бы предан нашему делу до конца.

В самом деле, так ли давно это было, когда мы стояли на площадках теннисных кортов, по пять часов не двигаясь с места и глядя на нашего Фюрера, который медленно шёл от одного к другому, чтобы прямо посмотреть каждому из нас в глаза? Представители

властей заставляли некоторых из наших камрадов стянуть сапоги, считавшиеся деталью некой «униформы», ношение которой, по их мнению, представляло опасность для тогдашнего режима. Но камрады не отступали. Они продолжали стоять босиком, несмотря на то, что была зима. Мы были вынуждены прятать даже свои синие спортивные шапки, поскольку они тоже были запрещены как «форменная одежда». Полиция, огромное количество полиции снаружи – и внутри плотные колонны молчаливых, исполненных твёрдой веры людей... Голод пытался принудить встать на колени, но никто не сдавался, и камрады, выполнявшие обязанности санитаров, уносили некоторых из нас. Биение всех сердец сливалось там в одно. Там не было никаких «ЕСЛИ» и никаких «НО».

Что Адольф Гитлер говорил нам тогда? «Мои камрады! Я точно знаю одно – что среди вас не ни одного труса!» И это, вопреки всем невздам тех лет, были радостные и счастливые часы. Мы знали, что все, кто там присутствовал, составляя единое целое, нерушимо связаны друг с другом не на жизнь, а на смерть.

Камрады, теперь Вы видите, что Ваши надежды сохранить сложившиеся между собой отношения являются оправданными. Так должно быть, и так будет, коль скоро в наших сомкнутых плечом к плечу рядах царит былой фронтовой дух! Нам только нужно, чтобы мы все – каждый на своем месте – не забывали об этом.

Побывавший на фронте человек не так сильно боится смерти, сколько ненавидит фальшь жизни: высокомерие и наглость, спесь и надменность. Хвастливый выскочка, почувствовавший, что опасность миновала, может легко оттеснить в сторону и занять место настоящего бойца, до конца выполнившего свой долг.

Ещё сидя в 1918 году в блиндажах, мы видели преследовавшую нас несправедливость и не знали, как от неё избавиться. Все эти болезненные переживания до сих пор дают о себе знать. В нас сразу просыпаются старая тревога и недоверие, лишь только мы чувствуем, как каким бы то ни было образом обращает на себя внимание что-либо фальшивое.

Но времена сильно отличаются одно от другого. Ноябрь 1918-го: мы наблюдали, как разрастались ядовитые плоды, порождённые господством множества политических партий и процветающей коррупцией. Мы стояли на пороге развала государства, гибели народа и нации. И – у нас не было единого вождя...

Январь 1933-го: мы своими глазами видели начало гибели многопартийного бардака. С коррупцией и спекуляцией было покончено разом. Государство заложило прочный фундамент для преобразования народа и нации. И было ещё одно, самое главное обстоятельство – то, что лучше всего характеризовало отличие между ушедшими временами бедствий и этим годом наступившего прорыва: нас возглавлял наш Фюрер!

Итак, мы констатируем: атмосфера фронта, в которой мы некогда находились, была хороша тем, что благодаря ей мы точно узнали, кто мы такие на самом деле и научились понимать, что в действительности с нами происходит и оценивать всю пользу организованного руководства. И сейчас мы можем с уверенностью сказать, что если между этими полюсами есть еще нечто такое, что требует исправления, то Фюрер справится с ним точно так же, как он справился с разложением и с гнилью. Самое основное сделано. Мы смотрим вперед, полные доверия к Адольфу Гитлеру. Мы всегда и всюду готовы помочь всеми силами довести до конца начатое им великое дело, сохранить его и защитить, не щадя собственной жизни.

Наше решение непоколебимо. Теперь остается выяснить, как нам следует действовать, чтобы окончательная победа не обошлась нам излишне дорогой ценой. Мы быстро найдём общий язык и сможем во всем разобраться, поскольку я говорю о сущности методов и стиля управления только то, что Вы сами не раз ощущали на себе и о чём не раз думали. То, о чём я говорю, является азбучными истинами, но не каждому, увы, эта азбука знакома...

Предисловие к 14 изданию

Брошюра «Вести и Следовать» вовсе не писалась с намерением обеспечить подготовку почвы для осуществления нашего великого дела, ибо эта почва была уже подготовлена в процессе серьёзной работы, и именно сделанные в ходе этой работы некоторые выводы и послужили основанием для написания этой брошюры. В первом её опубликованном варианте был изложен материал, который преподавался слушателям учебного курса занятий младшего командного и управленческого состава в моем партийном подразделении.

Наши политические занятия – «служащие делу Национальной революции идеологические манёвры» – были, собственно, ничем иным, как приведением доказательств нашего превосходства над противником, свидетельствующих о том, что мы нравственно чище, мужественнее и сильнее его, благодаря нашей вере в Германию, в Адольфа Гитлера и в его призвание. Многое на нашем пути было порой невыносимо тяжело, но достижение всех трудных целей, к которым мы стремились, неизменно оказывалось легче осуществить, когда мы устремляли взгляд на нашего Фюрера. Он всегда и всюду был примером для нас. То, что вынесли мы, было ничто по сравнению с нагрузками, которые преодолел этот человек. Кто вставал с ним в строй, кто разделял наше самопожертвование и шёл вместе с нами навстречу всем опасностям – того мы считали своим камрадом, своим боевым товарищем не жизнь, а на смерть: он был солдатом Гитлера...

Сила Фюрера вновь и вновь вырывала новых людей из как из лагеря противника, так и из вязкой трясины безразличия. Армия солдат Гитлера неуклонно росла до тех пор, пока не взошло солнце того долгожданного дня, когда в Германии солдатами Гитлера оказалась не сравнительно малочисленная группа его соратников, но весь германский народ.

И поэтому изменять подзаголовок брошюры «Вести и Следовать» не стоит – она как была, так и остаётся адресованной солдатам Гитлера, ведь солдатами являемся мы все – и те, кто трудится у станка, и те, кто сжимает в руках оружие. Сегодня в Германии нет ни одного достойного человека, на которого нельзя было бы распространить это понятие. Мы все хотим быть людьми, которым присущи солдатские качества. Следовательно, мы хотим, как настоящие и ничем себя не запятнавшие солдаты, жить с открытой

душой, честно и благородно. Мы стремимся, проявляя, когда это необходимо, суровую прямоту, быть внимательными и проявляющими товарищескую взаимовыручку в отношениях с окружающими нас и вплоть до самой смерти хранить верность Германии.

Прочные успехи никогда не бывают случайными – они возникают только из ценных качеств характера людей, из их усердия и самоотверженности. Создавать же эти ценные качества является целью воспитания. Успехи, которые одерживает единое целое, являются и успехами составляющих это целое отдельных частей. Поэтому необходимо, чтобы эти составные части подлежали соответствующему воспитанию.

Примеры, приводимые в брошюре «Вести и Следовать», почти всегда показывают мир воинской жизни, ибо такие понятия, как долг и самопожертвование, представлены наиболее ярко именно в ней. Практическое же применение этих примеров, естественно, важно и для всех других германцев – как для руководителя производства, так и для рабочего, как для учёного, так и для студента, для преподавателей и учеников, для матери и ребёнка. При этом чётко определено: всё то, что мы делаем, является всего лишь малой благодарностью тем людям, что проливая за нас свою кровь, стояли до конца.

Когда я в Период Борьбы по просьбе своих камрадов в кратких формулировках фиксировал темы, которые были предметом наших занятий, то намеренно не записывал все сказанное мною, оставляя в конспекте место для того, чтобы к моим основным мыслям можно было ещё добавить замечания слушателей. В новой редакции часть этих сознательно оставленных пробелов устранена, поскольку задача, стоящая перед брошюрой «Вести и Следовать» значительно расширилась. Если первоначально она была задумана, лишь как предназначенная в качестве руководящего документа при проведении партийных занятий, то теперь она стала более доступной для широкого круга читателей и рекомендуется также для повседневного чтения. Вместе с тем, ни в коем случае даже словом не упоминается о прекращении нашего старого обычая зачитывать отдельные главы вслух, ведь громко произнесённое устное слово имеет преимущество над прочтённым в тишине. В предлагаемом редакционном варианте читателю также оставлено достаточно простора для изложения его собственных достойных подражания примеров осуществления руководства. Основная же суть брошюры

осталась неизменной; и тот, кто ищет необходимый ему материал, найдёт его здесь предоставленным в значительном объёме.

Картина современности воспринимается как собираемое из мозаики панно, глядя на уже готовые сложенные из блестящих камешков фрагменты которого, мы без предубеждения смотрим на ещё незаполненные места. Они непрерывно напоминают нам о том, что ещё предстоит сделать. Развитие событий несет печать великого, героического времени. Оказаться достойными его – наша задача; неукоснительно исполнить требования будущего, не утратив прежних сил – наш долг.

Важны качественные характеристики имеющегося у нас оружия. Важнее, чтобы это оружие находилось в руках лучших воинов. Но самое важное – это нерушимое единство народа, сыновья которого являются не только лучшими солдатами, но и лучшими рабочими, надёжно стоящими за спиной солдат!

Исполнять самую ответственную и важную миссию на этой земле – руководить и властвовать – подобает наиболее достойному человеку. Вести за собой всегда должны лучшие. Скверно, когда обстоятельства складываются иным образом, и мы знаем это из собственного горького опыта. Каждый, кто хочет стать руководителем, должен мобилизовать все свои лучшие человеческие качества. Но качества эти ни у кого из нас не возникают безо всякого на то старания и сами по себе – их появления необходимо добиться и заслужить. Никто из нас не является сверхчеловеком. И поэтому, если мы хотим быть лучшими – а быть ими мы должны, проявляя благодарность навеки оставшимся лежать во вражеской земле – в этом случае мы охотно будем прилагать все свои усилия, которые требуются от нас в процессе воспитания, совершенствования подготовки и повышения образования для того, чтобы мы верно управляли людьми и действительно вели их за собой, коль скоро мы должны руководить, и, вместе с тем, оказывая полное доверие своему руководителю, следовали его распоряжениям, когда мы находимся в положении подчинённых.

Ведущие в суровое время за собой по верному пути и преданно следующие за ними их соратники воздвигают неподвластные времени памятники вечной славы подвигам, свершённым Павшими и Живыми.

Германия

Вся наша деятельность и все наши заботы всегда сводятся к мысли о благе Германии. Надо постоянно помнить о необходимости твёрдо стоять на этой раз и навсегда занятой нами позиции. Иначе мы подвергнемся опасности, что, может статься, вследствие давления личных забот мы будем уделять недостаточное внимание нашей великой идее или совершенно забудем, что отдельный человек – это составная часть общего целого, и что его жизнь только тогда является жизнью в подлинном смысле этого слова, если он причисляет себя к высшей совокупности своего народа, его характера и языка, его чувств и мыслей, его прошлого, настоящего и будущего.

Ко мне до сих пор возвращается воспоминание о некогда пережитом мной событии, которое сперва показалось мне не таким уж и значительным. Много лет тому назад я со своими сыновьями отправился на воскресную прогулку. Мы совершали небольшую поездку по железной дороге, и самый младший, под глубоким впечатлением от увиденного им в первый раз в своей жизни, спросил меня, лишь только наш поезд миновал берлинский район Тегель: «А я ещё в Германии?» Сначала мы расхохотались над ним. Но потом до меня дошло, что ребёнок вовсе не заслуживал нашего смеха по поводу заданного им вопроса. Наоборот! Ведь у малыша уже начало, ни много ни мало, формироваться представление о своей Родине, о Германии! Я знаком с соплеменниками, которые не покидали своей деревни в течение всей жизни. И эта деревня и была для них Германией. За пределами же деревни начинается чужой для них мир. Но не иначе дело обстоит и у многих родившихся в больших городах. Даже мы, сражавшиеся за Великую Германию, слишком часто оставались в этом отношении всего лишь взрослыми детьми, недавно покинувшими свой родной уголок.

Освободить себя от привязанности к прежним ограничивающим представлениям тяжело. Ведь каждый из нас с самого начала видит окружающий мир под таким углом зрения, каким его однажды сформировали его собственное происхождение, социальные условия, состояние духа и профессия.

Газеты и радио определённо создали в этом плане некоторую перемену, но, тем не менее, наши представления о Германии вновь и вновь при сопоставлении с масштабом своей малой Родины и собственной жизни неизбежно испытывают ущерб и оказываются

неверными, если не искажаются совершенно, вследствие недоверия и ревности, порождаемых местным патриотизмом.

Совершенно излишне пытаться определить, насколько велика оказалась польза от того, что теперь германцы получили возможность ближе познакомиться с Германией, что германские рабочие, которым раньше при их заработной плате нечего было и думать о совершении поездок и путешествий, сейчас могут видеть красоту германских природных ландшафтов, что они могут наблюдать, как в других германских областях живут их соплеменники. В результате они обретают новые силы не только благодаря ощущению радости, но и благодаря знанию того, что Германией являются не только их родные деревня или город, что у нас у всех – одно Отечество, великое и прекрасное, и что все мы – сыновья и дочери единого, энергичного, усердного и целеустремленного народа.

Величественные события современности предоставляют возможность германским людям, которые неся воинскую службу, находятся в самом центре исторических преобразований, в полном объёме увидеть сущность и характер нашей общей Родины. Находясь вдали от неё, они в состоянии самостоятельно произвести бесчисленные сравнения и сопоставления. Они могут признать ту или иную страну прекрасной и даже, вероятно, найти, что она в большей мере благословлена природой, поскольку её земля приносит урожай два раза в год. Наряду с этим, они увидят, что каждый человек любит свою Родину и считает её прекрасной, даже если она бедна. Одна только эта мысль – о любви к Родине – уже указывает на правильность подобной точки зрения. Германский солдат учится не только из книг, теперь он видит свидетельства подъёма и упадка многих народов собственными глазами. Он знакомится с гордыми, полными достоинства людьми северных стран и видит в других странах, что великие некогда народы не имеют ни силы, ни воли выйти из того запущенного состояния, в котором они оказались на сегодняшний день.

Сражающегося в чужой стране всюду и везде постоянно окружает живая расовая, культурная и социальная история. Ему известно, что ныне он принимает участие в таком великом переломе, какие до сих пор мировая история видела весьма редко. Но мысли его вновь и вновь при этом возвращаются в Германию, которой он гордится – и по праву – после сделанных им сравнений. Теперь ему гораздо легче заявить о своём соответствии требованиям благородства и чистоты. И

теперь он также знает, что нам предстоит не только отстаивать наши ценности, но что более глубокий смысл нашей жизни заключается в непрерывной борьбе за лучшее, в поиске более прекрасного, в свершении более благородного.

Насколько подобные размышления о Германии необходимы, сразу обнаружится, если Ты, являясь руководителем, внезапно поинтересуешься у кого-либо из тех, кто, подчиняясь Тебе непосредственно, трудится на благо Германии: какие мысли приходят к нему, когда он рассуждает о понятии «Германия»? Попробуй провести такую беседу! Когда Твой подчиненный будет отвечать, помоги ему, задавая новые вопросы по существу ведущейся между вами беседы. И хотя при этом зачастую речь может идти только о наводящих вопросах, поскольку на более глубокий анализ затронутой темы у вас вряд ли будет много времени, но, тем не менее, уже сам по себе ваш разговор даст достаточное количество пригодного для воспитательных целей материала к размышлению.

Сам же Ты, благодаря этой инициативе, добьёшься весьма ценного результата – Твой камрад окажется подведённым к самым источникам того, на что он, возможно, прежде и не обращал внимания, не замечая в силу совершенной его очевидности.

Твоя с ним беседа может быть построена, например, таким образом:

Вопрос: «Как ты думаешь, что такое – Германия? Это – та территория, что очерчена на политической карте границами соответствующего цвета?»

Ответ: «Но разве мы прекращали, рассматривать, например, Саар как часть Германии, когда границы на картах были указаны иначе, чем сегодня? Или, может быть, мы иначе воспринимали Австрию, Судеты и Данциг?»

Вопрос: «Наверное, тогда Германия – это природные ландшафты, города, деревни, реки, мосты, памятники и всё другое, что можно увидеть в пределах этих границ?»

Ответ: «А разве не ходят германские корабли по чужим морям? И не заявляют ли достижения нашей техники по всему миру о германском мастерстве, германском духе и германском усердии?»

Вопрос: «Тогда, может быть, Германия – это сами люди, живущие в пределах германских границ, обладающие характерными германскими внешними чертами и говорящие на германском языке?»

Ответ: «А наши соплеменники, живущие среди других народов, получается, ни к нам, ни к Германии отношения не имеют?»

Вопрос: «И если мы теперь соберем всё то, что нам принадлежит и имеет к нам отношение – и германских людей, где бы они ни жили – в том числе, является ли теперь всё это вместе взятое Германией?»

Ответ: «Но разве не связано с Германией и всё то, что в ней некогда произошло, все, что случилось с нашим народом и нашей страной, что появилось на свет в непрекращающейся борьбе за само существование Германии, все те исторические события, что до сих пор напоминают нам о себе и налагают на нас определённые обязанности?»

Вопрос: «Когда мы говорим о Германии, то имеем ввиду современный германский народ – народ, который живёт и трудится сегодня?»

Ответ: «А откуда же взялись мы сами? И появились ли бы мы на свет вообще, если бы не те, кто нам предшествовал? Что было бы с нами, если бы наши предки не боролись, надеясь и проявляя заботу не только о своей судьбе, но и о нас? Кто имеет более значительные заслуги перед Германией: мы, те кто трудится сейчас, или те многие, кто жил и созидал перед нами?»

Вопрос: «Итак, Германия – это всё то, что было вчера и существует сегодня?»

Ответ: «Но разве мы не несем в самих себе то новое становление, что зарождается в нас? Разве благодаря нам не возникает новая жизнь? Разве не мы являемся отцами и матерями грядущего поколения, которому принадлежат наша любовь и верность, наша забота и наш долг – кто захочет, чтобы с его детьми когда-нибудь случилось несчастье? Многое новое в Германии ещё только формируется, сооружается и создаётся. И разве не принадлежат Германии эти труды, которым суждено завершиться в будущем?»

Проведи, как руководитель, примерно такой разговор со своим подчиненным! Отвечая на Твои вопросы, он ощутит, что им движет

любовь к тем, кто придёт вслед за ним. Эта любовь поможет ему осознать долг по отношению к тем, кто ещё не появился на свет. И, тем более, ему будет понятно, что он в долгу перед теми, кто с ним живет, что называется, бок о бок, кто рядом с ним любит и страдает. Решающее для его собственной жизни значение приобретет ставшее ему совершенно ясным обстоятельство, что его дети и внуки будут однажды в том же положении, в каком сейчас находится он сам, что они когда-нибудь будут пожинать то, что им посеяно теперь – точно так же, как мы вынуждены навёрстывать упущенное нашими предшественниками, и так же, как мы можем радоваться тому великому, созданному некогда нашими отцами.

Германия – это сумма всего того, что германским было и что германским будет. И мы, находясь в центре всего этого, только тогда действительно достойно проживём нашу жизнь, если проявим глубокое почтение и благодарность как людям, сошедшим перед нами в могилу, так и плодам их труда, которые они вручили в наши верные руки, и если мы осознаем высокую ответственность, которую обязаны нести перед грядущими нам на смену германскими людьми и обстоятельствами, в которых им предстоит жить.

Кто из нас, будучи в здравом уме, захотел бы когда-нибудь быть проклят своими собственными внуками?

Германия и германская нация подобны могучему потоку, берущему начало в глубочайшей древности и устремленному в Вечность.

Нация – это находящаяся на марше огромная колонна, которая движется по мосту, соединяющему берега прошлого и грядущего. И когда мы видим находящихся на этом мосту своих германских современников – тех, кто идёт по нему, мыслит и чувствует, тех, кто стремится вперёд и созидает – мы знаем, что наша нация – это не только они одни. К нации также принадлежат и те, кто уже преодолел переправу, скрылся вдали, и те, кто ещё только вступает на мост современности.

Насколько велики ширина и мощь этого потока, этой совершающей марш колонны, в высшей степени зависит от двух условий. Во-первых, от вечных связей между Кровью и Почвой, поскольку, либо – одно или другое может иссякнуть, либо – одно способно быть таким же плодородным, как и другое. А во-вторых, от людей, находящихся во главе этой колонны и следующих за ними – ибо только благодаря энергии, возникающей во взаимодействии

между теми и другими, устраняется опасность того, что почва окажется не настолько плодородна, как кровь, или что кровь, не остающаяся чистой, вместе со своей чистотой утратит и свою силу, и господствовать над почвой станет чужая кровь. Только благодаря правильно организованному руководству сила народа – которая в ином случае, безусловно иссякла бы, бессмысленно растаяв в тысячах мелких ручейков – сохраняет свое движение по крепкому руслу и, вместе с тем, обретает неодолимую мощь, гарантирующую безопасность его жизненного пространства.

Фронтальной солдат

Война – отец всех вещей. Один греческий мудрец (Гераклит Эфесский – прим. перев.) изрёк эти слова уже более двух тысяч лет назад. Так было уже в седой древности. Так это останется, по всей видимости, и в далёком будущем. То, чем Мировая война была для солдата - фронтовика, написано много, но до конца этого не высказать никогда. Пережитое формировало человека. Чудовищный мир, о существовании которого никто и никогда не мог и подозревать, мир, в котором, казалось остались одни грязь и смрад, скрежет железа, пылающий огонь, дикие потоки льющейся крови, мир, полный лишений, голода и жажды, в пронзительном свете обозначил все свое уродство. Но этот же самый мир породил отважных разведчиков и командиров штурмовых отрядов. В этом мире покидающие свои траншеи пехотинцы и презирающие смерть сапёры становились властителями нейтральной фронтальной полосы. Этот мир, навечно оставивший в нашей памяти имена воздушных асов – Рихтхофена, Бёльке, Иммельманна, поднимал смелых на ослепительно сияющие высоты, он делал героев бессмертными. То, что оказывалось мелочным и жалким, становилось окончательной иллюзией и безвозвратно таяло в его тиглях. Тяжесть полученных в битвах сокрушительных ударов была не в силах поколебать солдата, сражавшегося на фронтах Мировой войны, хотя с высоты своей уравновешенной зрелости он не раз с содроганием заглядывал в темные глубины человеческих пороков и недостатков, которые, словно бездна, поглощали низвергающиеся с крутых башен грандиозные достижения и высшие ценности. И когда орудия смолкли, у него остался уверенный взгляд на все, что являло собой полную противоположность его убеждениям.

Как великую закономерность следует воспринимать тот факт, что каждый прошедший фронтальные испытания боец и впоследствии продолжил не только вести борьбу против зла – то есть против всего того, что было враждебно Отечеству – везде, где бы он это ни встречал, но и старался делать добро окружающим его людям везде, где это было возможно. Иначе он не мог. Во всех ситуациях решающую важность для него приобрела необходимость прочно удерживать позицию, занятую им раз и навсегда. Кроме того, ему не требовалось никакой компенсации за те добрые дела, что он совершал и мог совершить ещё, препятствуя проявлению зла – таковой была для

него жизненная необходимость. Принуждение отнюдь не всемогуще, и добиться, чтобы человек действовал именно так, а не иначе, нельзя, отдавая приказ или принуждая к тому внешними средствами – подобная деятельность может являться лишь отражением внутренней чистоты и порядочности. Очень часто можно было вообще воздержаться от каких-либо активных действий, не интересуясь происходящим; удобнее было сказать уставшим или сомневающимся; можно было старательно избегать всего, что могло вызвать неудовольствие властей, чреватое столкновением с Веймарским законодательством, но для человека, который служил своему народу, в то время, когда он сотни раз был предельно готов пойти на наивысшее самопожертвование, не могло больше существовать никаких вопросов, нужно ли ему жить, обращая свое внимание лишь на карающие его деятельность законы и надлежит ли ему действовать в согласии со своей совестью там, где это стоит больших усилий и преодоления самого себя, где никто этого не замечает или, напротив, там, где ему казалось неловким бросаться в глаза окружающим...

Каким преобразованиям война подвергла людей, описывать не надо. Это свершалось для каждого по-своему и было сугубо личным. Один, оказавшийся ничтожеством и тряпкой, превратился в раба. Другой же, будучи по-настоящему мужественным человеком, стал героем. Но никому не удалось избежать той единой для всех фронтовой чеканки, которой подверглась каждая горстка людей, выстоявших на занятых ими боевых позициях под огневым шквалом.

Фронт нас больше от себя не отпускал. Даже после того, как давно смолк грохот орудий, мы продолжали жить, согласно его законам. Поэтому нам настолько стал неприятен низкопробный урапатриотизм, поэтому мы так ненавидим пустозвонство и бахвальство. Поэтому нам до тошноты противно любое проявление засилия бюрократических бонз. Поэтому мы выходим из себя, слыша бред надменно напускающих на себя представительный вид «личностей», никто из которых никакой личностью как раз и не является. Поэтому нас охватывает смех, когда мы видим, как не в меру усердные говоруны заливаются соловьями, изо всех сил изображая, как они стремятся совершить то, на что в нужный момент они не имели мужества. Поэтому мы испытываем такое сильное отвращение, когда эти люди, под звуки фанфар обращавшие на себя внимание пришедших в изумление современников, сейчас, после взятия нами

власти, совершают попытки втереться к нам в доверие, доказывая свою пригодность для занятия ими свободных руководящих постов.

Со всем этим настоящий солдат, получивший фронтовую закалку и ставший цельной личностью, не имеет ничего общего. Его характер не терпит никакой недосказанности и половинчатости. Для него существует лишь одно решение: «ИЛИ – ИЛИ», и речь для него идет только о чётких «ДА» или «НЕТ».

Фронтовые траншеи разделили мир надвое, противопоставив трусливому малодушию и низости отвагу и подвиг. Сражавшийся на фронте солдат выстоял в самом пекле, посреди охватившего нацию пламени. На его глазах смерть настигала многих достойных людей. В нём выгорело всё, что было недостойно мужчины. И поэтому он скорее погибнет, чем станет рабом.

И таким он будет везде и всюду, где делаются обдуманые выводы о необходимости тех или иных поступков. Благодаря Адольфу Гитлеру, преодолевшему фронтовые испытания солдату, ситуация в Германии сложилась так, что выводы эти были сделаны и соответствующие решения приняты. Поэтому настоящие фронтовики были его восторженными соратниками. И поэтому же его так ненавидели те «защитники» Родины, кто видит достижение блага для неё в постоянных компромиссах и подмене ими принятия конкретных решений.

Фронтовой солдат непоколебимо устремлён к достижению своей цели. Мысль об этой цели полновластно владеет поступками каждого из них в отдельности. Даже в одиночку каждый из них действует точно таким же образом, как действовал бы любой его камрад, оказавшийся в том же самом положении, и окружающие при этом знают, что на него можно слепо положиться. Всякое другое отношение было бы бесчестно и недостойно фронтовика – иначе отсутствие надёжности угрожало бы не только уверенному успеху, но также чести и самой жизни нашей общности. Поведение фронтовика регламентировано святыми для него заповедями, которые получив своё внутреннее подтверждение, исходящее из самой глубины души, неукоснительно им исполняются. Человеку, получившему фронтовую закалку, чуждо всякое проявление неверности.

Война со всей неизбежной жёсткостью преподала нам необходимые уроки того, о чем раньше мы ровным счётом ничего не знали. И теперь мы понимаем некоторые, совершенные нами вследствие этого незнания ошибки, величайшая из которых

заклучалась в том, что мы с самого начала не достаточно глубоко прониклись всей серьёзностью того мира, в который мы попали – мира солдатской жизни.

Когда мы в мирное время надевали военный мундир, для нас, после того, как мы справлялись с тем, что ещё было для нас непривычно, начиналась полная разноцветных красок и движения жизнь. Наши головы, несмотря на муштру и принуждение, всегда были набиты всякой ерундой. Тогда участие в манёврах было для нас замечательной игрой, этаким романтикой, мы получали массу удовольствия, становясь во время учений на постой в населённых пунктах или устраивая бивак прямо в поле или в лесу. Мы стояли по стойке «смирно» на построении в какой-нибудь деревушке, а сами украдкой заглядывались на белокурые косы прошедшей вдруг мимо девушки. В нашем сознании не было ещё и намёка на серьёзность. Мы видели ведущие огонь орудия – и оглушительный грохот их стрельбы был великолепен!..

Но потом перед нами возникла иная картина: наш первый убитый камад! Первые бессонные ночи оказались полны постоянно растущих тревог, с нас вмиг слетело всё, что не могло удержаться на грани между жизнью и не имеющей предела, пылающей бездной. Каким крохотным у каждого из нас стало его собственное «Я», какой ужасной оказалась наконец осознанная нами истина: речь идет о бытии или небытии всего нашего народа!

Молодёжи, находящейся среди нас, необходимо привить эту серьёзность своевременно! Говорите им полную правду! Ни в коем случае не рисуйте перед ними никаких приукрашенных картин! Вид разорванного в клочья человеческого тела отвратителен. Во имя святой идеи руководитель и идущие вслед за ним бывают вынуждены неимоверно много выстрадать, прежде чем их устремления воплотятся в жизнь. И только тот, кто полностью отдавая себе в этом отчёт, тем не менее, встает под знамя этой идеи, занимает с точки зрения истории прочное положение, ибо именно он и формирует саму историю. Чтобы наши камады смогли завершить начатое нами, внушайте им эту святую серьёзность, буквально вколоченную в наши души стальным молотом фронта и которую мы сохраняем во имя всего того, что имеет отношение к Германии!

Мы, те кто знает ужас войны, никогда не желали чего-либо более страстно, чем торжества разума народов, который предотвратил бы её повторение. Мы, шагавшие днями полных славы побед, легче

поверили бы в этот разум, если бы нам не пришлось пережить ночи глубочайшей скорби и невыразимого позора. То, что произошло с нами, предельно чётко объяснило нам: наше горячее желание мира никогда не сможет заставить нас когда-либо бессильно склониться перед чьим бы то ни было безрассудным диктатом. Мы временно стали безоружными, но не хотели утратить свою честь. Ни в один исторический период – видит Бог! – для длительного мира не хватало одной лишь честной воли и готовности его поддерживать. Если же этому миру бывало суждено оказаться действительно прочным, то в основе своей он должен был иметь справедливость! Но именно её нам увидеть и не пришлось...

В симфонии властей провал ждёт того, кто окажется не в состоянии играть ни на одном собственном инструменте. Но порой даже обыкновенному слушателю, который этим инструментом владеет уверенно, под силу справиться с возникшей вдруг дисгармонией. Судьба преподала нам величайший урок в том, что мир гарантирует не слабость, но лишь исключительно одна сила!

Величайший сын германского братства фронтовых солдат, Адольф Гитлер, извлёк выводы из познания этой истины. В германских сердцах пылающей печатью чести загорелись слова: «Умрём, но не станем рабами!»

Опираясь на этот дух, Фюрер созидал новые Вооруженные силы, и воодушевлённая нация следовала за ним. То, что было достигнуто при строительстве нашего Вермахта – в проявленных нами преданности и верности, принесённых жертвах и пролитом поте – уже само по себе явилось негромкой, но победой, прежде чем безрассудство народов привело к необходимости вновь призвать старых фронтовых солдат и их молодых камрадов взять в руки оружие.

Адольф Гитлер повел свой молодой Вермахт против врагов Германии к молниеносным победам, к победам, каких история никогда прежде не видела. Как эти победы отразятся в зеркале грядущих событий – того сейчас нам знать не дано. Лишь историки будущих дней смогут в полной мере по достоинству оценить заслуги человека, который создал новые германские Вооруженные Силы, предназначенные сохранить германскому народу его честь посреди безумного хаоса и гарантировать прочный счастливый мир.

Нам часто приносила беспокойство мысль о том, что когда уйдёт поколение сражавшихся в прошлую войну солдат, вместе с ним может

сойти в могилу и всё то, о чём иное, пришедшее на смену поколение не имеет ни малейшего представления. Мы знали, что речь по-прежнему продолжает идти о жизни и смерти германского Отечества. Поэтому нам легко было осознать необходимость и во время мирного труда во имя Нации и Отечества сохранять полученную на фронте закалку, беречь здоровье и чистоту тела и души для того, чтобы всегда быть готовыми к тому дню, в который Фюрер может призвать нас вновь занять свое место в боевом строю.

Уроки прошедших фронтовую школу солдат не оказались бессмысленно дорого оплаченными ни нашими жертвами, ни драгоценной кровью наших не вернувшихся с полей сражений камрадов. Сформированные нашей молодежью батальоны уже взяли уверенный шаг и идут вслед за нами. И снова, как в былые времена, мы увидели, как мужают наши юноши, становясь за короткое время твёрдыми, как сталь, воинами. Наше старое нерушимое братство фронтовых солдат торжествует, видя своё возрождение в победах молодых камрадов, во всеобщей вере германского народа в нашего Фюрера и в успешное будущее Германии.

Фронт и тыл

Когда противник оказывался отброшен, когда смолкал огонь и впереди ждало неизвестное, когда бойцы выдвигались навстречу новым опасностям, то на занятом нашими войсками участке начинали исполнять свои обязанности тыловые службы. Мнение, сложившееся о них у сражавшегося на фронте, было весьма и весьма невысоким.

Людам, которые не знали ничего другого, как встречаться лицом к лицу с врагом, сущность этого «тыла», его задачи и состояние его дел первое время были неизвестны. Однако, то, что мы постепенно узнавали, глядя вокруг себя, даже после возвращения с фронта ещё долго вызывало у нас во рту горький привкус. Определённо, тыловые службы были необходимы. Но откуда возникал антагонизм, который мы то и дело, и, в особенности, в конце войны, так остро ощущали? Да всё оттуда – в то время, когда человек, вышедший из огня сражений, предпочитал молчать, не тратя громких слов о том, что довелось ему испытать и пережить, другой, стараясь заполнить свою никчемную пустоту, без устали молот языком! И каким могло быть наше отношение, если оборванный, одетый в превратившийся в обноски мундир, с ног до головы вымазанный глиной фронтовик, оказавшийся в безопасном глубоком тылу, вдруг обнаруживал там людей в мундирах с отглаженными складками и белоснежными подворотничками; когда в этом тылу он видел, что тот, кто носит начищенные ботинки, казался вызывающим гораздо большее уважение солдата, обутого в стоптанные сапоги; когда с ним демонстративно отказывались общаться те, кто почему-то считал себя выше и культурнее его?! Бывало даже, что взятые в плен солдаты противника оказывались по отношению к нам лучшими приятелями чаще, нежели отсидевшиеся за третьей линией наших окопов люди, которые срывали с нас, возвращавшихся на Родину, кокарды и погоны. Само по себе слово «тыл» было для нас мерзко!

Но было ещё кое-что и помимо этого «тыла»: Родина, которую мы любили превыше всего на свете, во имя которой мы и оставались там, где нам привелось оказаться... Но над нашей Родиной довлел тыл, в котором правили бал силы явного вырождения, медленно отнимавшие у нас эту самую Родину, делая ее чужой: пустая болтовня непокидающего скамейки в пивной обывателя, всезнайство, уклонение и отказ от несения службы, спекулятивная деятельность редакций печатных изданий и торговля из-под полы на чёрном

рынке... Вся эта нечисть плавно сливалась между собой в нашем представлении о тыловых районах. Мы же, гордясь своим собственным миром борьбы, были горды и своим титулом – нас именовали «фронтowymi свиньями». Находились такие, кто, видя нас, брезгливо крутил при этом носом – и слова их отражали неприязнь к нам в такой же точно степени, в какой сама эта публика, наоборот, вызывала отвращение у нас!

Но для нашего мышления, чувств и ощущений этот антагонизм представлял огромную опасность. Мы, слишком легко замыкаясь в себе, упускали из виду, что там, где мы с правомочной во многих случаях внутренней антипатией встречали всё, что в материальном и духовном плане находилось вне нас, была, тем менее, масса и того, что заслуживало нашего внимания, поддержки и благодарности. Ведь в действительности мы вовсе не были одиноки, там – позади нас, было, и даже довольно много, тех людей, кто как и мы, стремился к ясности и правде, кто так же желал честности и сплочённости.

Когда это стремление обрело, наконец, своё воплощение в жизнь, мы, с отвращением оглядываясь назад, знали, что преобразования Фюрера сделали невозможным повторение того, что за нашей спиной может оказаться какая-либо гниль. Никогда не сможет больше случиться, чтобы прибывший с фронта человек оказался бы вынужден в удивлении заметить, что, в то время, пока он принимал участие в боевых действиях, в его отсутствие вдруг заняло преимущественное положение нечто низменное и ущербное.

В проявляемой нами заботе о Новом справедливость теперь проявляется также и по отношению к тылу. Мы прекрасно понимаем, что он совершенно необходим нам, ибо на его плечи возложена обязанность заботиться о снабжении наших солдат, проливающих кровь на фронте. Нужно раз и навсегда покончить с недоверием и предвзятым отношением ко всему тому, что находилось и находится за нашей спиной. От прибывающего пополнения не зависело, что оно прибыло позже нас. Однако, от нас зависит помочь твёрдо идти уверенным шагом тем, кто занял или готовится занять свое место в нашем боевом строю.

Если мы сегодня, находясь в самом центре грандиозной борьбы за сохранение существования Германии, вдруг вспоминаем свои, связанные с тыловыми районами, неприятные ощущения, то видим, что хотя они и остались обоснованными, однако в гораздо меньшей степени, чем прежде. Мы уже давно практически забыли о том, что

такое «тыл», потому, что его, как такового, попросту больше не существует. Даже само это слово стало для нас чужим.

У каждой войны своё лицо. Нынешняя – вцепилась своими когтями в ближний тыл. Теперь мирные города, удаленные на десятки километров от линии фронта, испытывают сильный артиллерийский огонь, женщины и дети вынуждены принимать меры, чтобы спастись от падающих на их головы вражеских бомб. Никто больше не в состоянии избежать войны. Она поставила под ружьё всех, подчинив власти своих неумолимых законов. Не только сражающийся на фронте солдат, расходующий в бою патроны, ведёт эту войну. За его спиной – тот, кто ему обеспечивает подвоз этих патронов. А за ним стоит тот, кто эти патроны изготавливает. Один зависит от добросовестности и от воли к личному участию в общем деле другого. Так было, конечно, и раньше, но теперь никакого «тыла», в котором так уютно и комфортно было тем, кто так или иначе ухитрялся уклониться от фронта, больше не существует.

Мы все – без какого-либо исключения – служим Германии. И у нас нет ни права, ни возможности выбирать ту или иную службу, исходя из того, что одна, например, более интересна или прибыльна, чем другая. Кому-то, вероятно, его место может не нравиться, поскольку оно предлагает не слишком много разнообразия. Пусть тогда он подумает о солдате, исполняющем обязанности наблюдателя на пункте противовоздушной обороны, и который, находясь у зенитных орудий, неделю за неделей высматривает в небе появление вражеской авиации, который изо дня в день видит вокруг себя одни и те же лица, который прикован к своему блиндажу, чей воздух не отличается свежестью альпийских лугов, и который, в итоге, пока ещё ни разу так и не видел воочию никакого врага. А мы ещё напомним и о наших людях за Полярным Кругом: как длинна там ночь – а солдаты несут свою службу постоянно!..

Мой Камрад! Когда Ты несешь службу, вновь и вновь заступая в не отличающийся разнообразием караул и проводя в одиночестве час за часом, не забывай, что от безмолвного и незаметного порой героизма Родины зависит Твоя судьба! Помни о тех зачастую слабых, но всегда верных руках, которые без усталости трудятся для Тебя. Когда Твои мысли устремляются домой, пусть они не пройдут мимо отважных женщин, которые изо дня в день приходя на завод или фабрику, старательно работают для Тебя и ради своих детей даже в поздние часы!

Люди, если разобраться, бывают недовольны сферой своей деятельности от необдуманности, и даже займись они чем-либо иным, их недовольство осталось бы тем же самым! Поэтому в сегодняшних условиях подобное отношение неприемлемо. Любая деятельность, заниматься которой нас обязали, является несением службы! Если мы проведём справедливые сравнения с другими, то найдём, что наша служба не является самой тяжёлой. Наш святой долг – всемерно содействовать укреплению уверенности сражающихся на фронте в том, что за их спиной находится нерушимая стена.

Если каждый несёт свою службу так, что может встать навтыяжку перед самим собой – мы одержим победу!

Без тыловой службы не обойтись. Её несение почетно. Начинаясь с добычи необходимого сырья, её обязанности простираются вплоть до обеспечения снабжения находящихся в полосе боёв войск транспортными средствами.

В достижении успеха сражающихся на фронте солдат принимает участие много рук, и слава этого успеха принадлежит всем, чьи сердца велят пожертвовать последним во имя того, чтобы всеми силами помочь одолеть общего врага.

Вести и следовать

Способность быть человеком, ведущим, в полном смысле слова, других людей за собой – это подарок Господа Бога. Таким руководителем надо родиться. То, из чего складывается его личность, не приобретается занятием ответственного поста или повышением в должности. Руководитель в людской массе подобен алмазу в песке, который неприметен, до тех пор, пока он не отшлифован. Тем не менее, и нешлифованный, он более ценен, нежели сверкающая отточенными гранями стекляшка, которая, даже находясь в дорогостоящей оправе, всё равно остается лишь мишурой и дешёвкой.

Блестящее стекло и дорогая оправа слепят глаза. Допустим – обман, так или иначе, будет однажды замечен. Но те беды, которые приносит всё фальшивое, обходятся слишком дорого.

Мы наблюдаем в обществе порядок, когда получив властные полномочия, должностные функции в этом обществе исполняют люди, в действительности наделённые руководящими качествами. Мы, не позволяя пускать себе пыль в глаза, должны уметь разбираться в сущности человека. И мы должны будем смотреть на его сердце и душу, на его мужество, но не на кажущийся внешне привлекательным облик любителей трепать языком, которые в отношении себя считают справедливой сентенцию: «Кому Бог дает высокую должность, тому он дает и большой ум». Когда такие достигают того, к чему стремились, то становятся подобны тому самому стеклу, что так обманчиво сверкает в дорогой оправе. Благословенный же даром вести за собой молится о том, чтобы получить силу добросовестно и верно выполнять свои должностные обязанности и – оставаться при этом скромным!

Для правильного управления людьми не существует никаких инструкций и никаких патентовано гарантирующих непоколебимый успех шаблонных образцов. Руководство обязывает. Поэтому занимающему руководящий пост необходимо в непрерывной и жёсткой работе над самим собой учиться в наивысшей степени соответствовать требованиям, предъявляемым к его должности – ибо каков он сам, такими будут и находящиеся под его началом люди.

Руководитель существует для других, всегда и всюду. Руководитель воспитывает, он создает атмосферу воодушевления и радостного чувства увлечённости выполнением порученного дела.

Допускающий ошибки и фальшь руководитель приносит вред. Он вызывает антипатию и инертность. Своими поступками он приводит к разочарованию человека, который не всегда имеет силу сохранить, вопреки возникшему по тому или иному поводу ожесточению, свой ясный взгляд на великую идею.

Люди – всегда в известной мере одни и те же, но один руководитель образует из них сжатую силу, которая остаётся в его руке, другой – вызывает протест, неповиновение и разложение дисциплины, что в результате приводит к утрате контроля над подчинёнными и подрыву службы.

Сильный руководитель всегда готов встать на защиту своего подчинённого. Но находящийся на руководящем посту слабый человек сам ищет защиты у тех, кто ему подчиняется. Настоящий руководитель содействует осознанно ответственной, имеющей смысл активности, проявляемой его людьми. При этом могут возникать ошибки, которые он должен, само собой разумеется, исправлять лично.

Руководитель же, идущий по неверному пути, в этом случае переносит всю ответственность на своих подчинённых, результатом чего является уклонение от принятия ими самостоятельных решений. Из этого, в свою очередь, возникает ощущение бессилия, нерешительность, склонность казаться заурядным. Как следствие, это продолжается тем, что люди больше не чувствуют над собой никакого настоящего руководства и начинают позволять себе наплевательское отношение практически ко всему происходящему. Каждый замыкается в себе. Вот тут и появляется это отвратительное: «Тебе, что, больше всех надо? Не высовывайся и не лезь в глаза!»

Тем, кто не является по своему призванию руководителем, можно, пожалуй, дать и такую характеристику: каждого хвастуна и трепача они воспринимают всерьез, и, не желая ни с кем «сталкиваться лбами» и становиться кому-либо врагом, расточают свои любезности перед каждым и широко отворяют двери лицемерам, напускающим на себя важный вид. На скромного же, усердного и верного человека они смотрят сквозь пальцы. – Как говорится: «Благовоспитанные дети ничего не просят, благовоспитанные дети ничего и не получают...»

Настоящий же руководитель предпочитает иметь дело лишь с действительно знающими людьми. Он не опасается, что его авторитет сможет пострадать от того, что он заботливо относится к ценным

качествам каждого отдельного находящегося под его началом человека и прислушивается к его разумному совету.

Превосходство подчинённого в каком-либо вопросе не означает, что следует бояться возможности проявления высокомерия с его стороны.

Люди, находящиеся под управлением настоящего руководителя, всегда сумеют понять необходимость ему повиноваться, поскольку он действительно умеет приказывать, и, поскольку между руководителем и его подчинёнными существуют здоровые взаимоотношения, люди охотно признают и напрямую приветствуют превосходство своего руководителя.

Под руководством же не имеющих к тому никакого призвания находится слишком много тех, кто сам предпочитает распоряжаться, вместо того, чтобы – как это ему положено – беспрекословно повиноваться. В итоге цельность монолитного сплава, тесная связь между руководством и находящимися в подчинении оказывается разрушенной напрочь.

Руководитель! Тебе не стоит со всей строгостью наказывать буквально каждый случай неповиновения, но, тем не менее, и допускать эти случаи ты не вправе.

Хотя мы охотно стремимся воспитать в среде своих подчинённых приличных парней, но мы осознанно отказываемся от того, чтобы в наших рядах были такие примерные пай-мальчики. На их месте для нас гораздо предпочтительнее люди, в чьих жилах течет горячая кровь, из-за которой они уже успели однажды натворить «глупостей». Отдельные ошибки поведения этих людей, имевшие место в иных случаях, будут исправлены, и всё снова войдёт в норму, если мы, по возможности, встретим последствия этих ошибок с вошедшим в обычай и ставшим традиционным в кругу германских солдат благосклонным отношением к подчинённым. Проявляя заботу о человеке, находящемся под нашим руководством, мы всегда легко находим верный путь и правильные пределы допустимого в обращении с ним, вследствие чего наша неизбежная твёрдость никогда не воспринимается как несправедливость.

Кроме того, нам не следует, сломя голову, бросаться реагировать со всей строгостью на каждое происшествие, которое, будучи неверно нами понято, кажется имеющим преувеличенно большое значение, и над которым, тем не менее, все будут смеяться, спустя всего лишь какой-то год.

Безусловно, существуют случаи, в отношении которых руководитель, напротив, должен оставаться непреклонным. Не всегда существует возможность подсказать ему, где проходит граница между твёрдостью и благосклонностью. Найти эту границу предстоит ему одному. В ситуациях же, когда возникают сомнения, решающим является вопрос, что именно в том или ином случае служит поддержанию дисциплины. Но наш подчинённый, которого мы однажды избавили от столкновения с определяющими наказание параграфами, помимо того, что обычно изменяет в лучшую сторону своё отношение к соблюдению дисциплинарных требований, пойдёт за нас в огонь и в воду.

Дух руководителя – это дух находящихся под его началом. Людская масса требует управления. Если в ней отсутствует истинный дух, она никогда не получит возможность испытать истинный порыв. Машина, на создание которой затрачены немалые средства, остаётся мёртвой, если тот, кто её проектировал, ошибся в своих расчётах. Дух и масса должны иметь внутреннюю согласованность в процессе созидания подлинной народной общности. И если соображения оказались верны, то её «механизм» начинает работать во всю свою мощь.

Когда мы говорили о руководителе, ведущем за собой, то мы до сих пор употребляли понятие «вести», прежде всего, и даже зачастую – исключительно – как связанное с воинской службой. И на самом деле, в её условиях стиль и методы руководства – понимаемого как способность к ведению людей за собой – получают своё однозначное и наиболее отчётливое выражение. Думая о человеке, который ведёт за собой, отдавая приказы и неся за них ответственность, мы, одновременно с этим, думаем и о других – о тех, кто ему повинуется.

Мы мысленно смотрим на какого-либо человека, находящегося перед стоящим в строю личным составом. От него – отдающего приказы и распоряжения – мы ожидаем совершенно определённой позиции и видим её признаки даже по чертам лица командира. Для нас с самого начала не вызывает никаких сомнений его внутренняя сущность. По всей видимости, это происходит потому, что у нас, германцев, «солдатская хватка», что называется, в крови. Абсолютно логично, что солдатское воспитание, через которое проходят многие поколения, вырабатывает у потомков ясное представление об основных чертах мира солдатской жизни. И когда речь заходит о действиях командира – об их правильности, или, наоборот, о

некоторой ошибочности – это понимается не только разумом, но уже на уровне чувств и ощущений из каждого его высказывания и поступка. Если мы когда-нибудь представляли себе личность, которой предстояло вести нас за собой, у нас не возникало и мыслей о том, что смогло бы произойти нечто ошибочное. И если мы думали о личном составе, то нами само собой подразумевалось, что мы рассуждаем о достаточно большом количестве обладающих собственными особенностями отдельных личностей, которые в своей готовности повиноваться и следовать за командиром стали монолитным сплавом.

И даже, когда речь заходила о каком-либо отдельном представителе личного состава, никаких сомнений не возникало по поводу того, насколько правильными были его действия и как они соотносились с правильно организованным руководством, ибо самостоятельность ведомого – это результат работы хорошего ведущего, люди которого ни в коем случае не превращаются в находящемся под его командованием личном составе в бездушный «нуль», в безликую «массу». Каждый из них внезапно мог оказаться предоставленным самому себе, и если, попав в трудное положение, он решал непредвиденно возникшую перед ним задачу, осознавая смысл её значения для общего целого, то его действия при этом и были в одинаковой степени хорошим свидетельством как его способностей и его воспитания, так и заслуг его командира.

Человек, который испытывает по какому-либо поводу досаду и не убеждён в безусловной необходимости поставленной перед ним задачи, не только оказывается не в состоянии ничего исполнить, но и буквально «ломается» в решающий час. Одной лишь доброй воли не достаточно для того, чтобы добиться успеха – лишь хорошее руководство в состоянии не только указать верное направление к достижению цели, но и эффективно применять самостоятельные действия отдельных людей.

Очень важно не забывать, что среди множества собравшихся вместе людей всегда один оказывает влияние на других, управляет ими, и, в конце концов, оказывается, что они идут за ним. Подобная ситуация довольно часто может складываться совершенно неуловимо. И если офицер позволяет себе уклоняться от управления своими людьми, руководство в итоге подбирает образованный его же солдатами «Совет». Поэтому необходимо помнить о том, что всегда ведёт кто-то один, вне зависимости – нравится он нам или нет, и

каждый, отдающий приказы, должен чётко осознавать, что он не просто командир, но человек, ведущий других людей за собой.

Личный состав – это неодолимая сила, если он сформирован личностью, установившей власть своей единой воли, и если среди людей царит здоровый дух нерушимой спаянности друг с другом. Таким образом, мы, выражаясь фигурально, можем сказать: «Руководство, являющееся по своей сути умением вести людей за собой – есть дух, следование же такому руководству – есть движение!» Хорошее руководство – это здоровый дух, который, передаваясь повинующимся, одновременно вызывает могучий подъём. Никуда не годное руководство оказывается заменённым всеобщим недовольством и приводит к параличу и разложению.

С тех пор, как Адольф Гитлер сконцентрировал все проявления жизни нации для того, чтобы каждое из этих проявлений, находясь в состоянии теснейшей и, одновременно, самой эффективной взаимосвязи с другими, получило свое прочное русло и не утратило ничего из своих ценных составляющих – с тех пор мы исходим из того, что подлинным богатством для нас является один только труд, но не спрятанное в подземельях золото, и всем нам стало отчётливо ясно, что воинская служба представляет собой только одну, управляемую внутренней необходимостью, часть всего того, в чем проявляется национальная сила.

Словосочетание «воинская служба» задаёт нашим мыслям верное направление благодаря тому, что в нём поставлен акцент, обращающий наше внимание на слово «служба». И поэтому для нас речь идёт о службе вообще, о службе во всех областях, во всех формах. На службе находимся мы все, в любое время и всюду.

Национал-социалист несёт службу, не только исполняя обязанности, входящие в сферу его профессиональной деятельности. Вся его жизнь есть служение Народу и Отечеству, в противном же случае – это не жизнь национал-социалиста! Уже в своём первичном партийном подразделении наш соратник должен научиться тому, как обрести силу и пройти по этой жизни подобно офицеру, чья суть заключается не в том, чтобы командовать, но в том, чтобы после того, как он научился отдавать приказы, являть собой образец человека, своими действиями отстаивающего нашу позицию, и на основании этого руководить людьми, ведя их за собой.

Служение есть самоотверженность. Это снова отчётливо показывает нам предназначение солдата, который, подвергая себя

огромным нагрузкам, прилагает все усилия для того, чтобы быть готовым к борьбе и быть готовым к смерти – ведь не умирают же для того, чтобы на этом заработать.

Бороться и сражаться до конца требует от него та позиция, которую он отстаивает телом и душой.

Во имя кого? Во имя всех нас и во имя будущего наших детей! Давайте же учиться у солдата, ибо его служба – стезя человека, приносящего в жертву самого себя!

От нас столь очевидного самопожертвования не требуется. Даже неся свою службу, мы получаем какое-то жалование. В чём же тогда проявляется наша самоотверженность в служении? В том – что к своему труду мы добавляем своё усердие, свою верность и утвердительное согласие со своими обязанностями по отношению к общему целому.

Все мы где-нибудь служим – исполняя должностные обязанности в органе власти или торговом предприятии, стоя у станка на фабрике или исполняя музыкальные произведения в оркестре – но, как бы то ни было, наши старания, усилия и желания всё время сходятся вместе, упираясь всегда в одну и ту же цель: наше Отечество. И всюду, где бы мы ни служили, нами владеет один и тот же, так наглядно и отчётливо представленный во всем, имеющем отношение к воинской службе, внутренний закон – закон руководства, понимаемого как умение вести за собой.

И если теперь никто не в состоянии разорвать узы, связывающие его с обществом, то, тем не менее, мы не тонем в упрямо уравнивающей всех массе. Такая масса была бы неупорядочена, мертва, в ней не было бы возможно никакое движение. Движение – это жизнь, и целое живет только тогда, когда оно наполнено жизнью своих составных, столь различных между собой, частей. Отдельный человек живет, в полном смысле этого слова, только тогда, когда он живёт осознанно, когда ему предоставлен простор для внутреннего развития, если в своем труде он получает радость, если его окружает порядочность, если он видит, что его сила и его труд востребованы и содействуют дальнейшему процветанию всеобщего целого.

Жизнь отдельного человека должна быть точно так же, как мы это видели, ведя разговор о воинской службе, наполнена здоровым духом. И так как никто не в состоянии уклониться от участия в жизни окружающего его на занимаемом им месте общества – будь то рабочие с его фабрики или преподаватели в его школе – внутренняя

установка на служение, внешний процесс и конечный результат его труда будут зависеть от того, наделена ли та организация, в которой он исполняет свои служебные обязанности, хорошим или никуда не годным руководством.

Если служение – это могучий поток силы нации, то руководство, концентрирующее всю эту мощь в единое целое, будет допустимо в общих чертах сравнить с руслом широкой реки, разветвляющейся на множество маленьких протоков и ручейков, которым, коль скоро они не должны обмелеть и иссякнуть, необходимо указать направление и обеспечить стремительность их течения, устремленного к высшей организации – государству.

Вести и следовать... И то и другое неразрывно связано со служением, и слова эти означают гораздо большее, чем только командовать и повиноваться.

Правильный подход к этим понятиям означает осознание общей ответственности перед единой целью и указание направления движения одними и создание атмосферы подъёма другими, а также обуславливает возникновение между духом и человеческой массой отношений, порождающих в людях ощущение счастья. Дух руководства воспламеняет воодушевление верно следующих этому руководству подчиненных! – в этом заключается основная заповедь. «Следовать» может означать только одно: люди добровольно и рассудительно осознают, что являются ведомыми, охотно и с готовностью идущими за тем, кто ведёт их за собой.

Мастер-каменщик не был бы никаким мастером без своих подмастерьев, да и навряд ли вообще справился бы со своей работой. Простые же каменщики же нуждаются в своем мастере, иначе они построят вовсе не уютный дом – сложенное ими безо всякого толка окажется всего лишь нагромождением камней. Когда для мастера важно обладать не только созидательными руками, и он, владея также сердцами своих людей, ведёт их за собой – то совместный труд будет благословлен ощущением общего для мастера и каменщиков счастья. Но если мастер является вечно недовольным, несправедливым надсмотрщиком, то на каждый камень ложится проклятие, которое, словно витая в воздухе, наполняет сердца каменщиков и вырастает в строящийся ими дом. Такой труд – угнетение, подвергаться которому люди вынуждены, вероятно, лишь из-за необходимости заработать на кусок хлеба. Эта работа не приносит никакого счастья, но лишь беду, из которой всегда возникает новая.

Ну, а если каменщики не отличаются рассудительностью, любят по делу и без дела побрюзжать, невеселы или, например, попросту упрямы и совершенно бестолковы, то они удушат, в конце концов, все хорошие замыслы своего мастера. Они отбирают возможность воплотить в жизнь планы, которые могли возникнуть у него в тихий ночной час во время отдыха. Он расходует свои силы, противостоя незримой неприязни. В итоге остаётся незавершенным всё то, чего можно было бы достичь к общему благу и пользе ныне живущих и только вступающих в жизнь людей.

Задумайся, сколько хорошего ещё было бы сделано, если собственная инертность или зависть и ревность других не ставили бы в нашей жизни столь нередкие и причиняющие людям боль разделяющие их труднопреодолимые преграды!

Как было бы хорошо, если бы в сложившихся на настоящий момент условиях происходило как можно меньше негативного! Сколько силы, например, отрывают у нации разные абсолютно бесплодные процессы! Чего стоят одни злоба и глупость – эти в буквальном смысле паразиты – от которых благу народа один лишь вред...

Никогда не удастся переделать германских людей и смоделировать некий унифицированный тип человека, который, соответствуя стандартным шаблонам поведения, будет с безысходностью дожидаться конца своих дней, покорно влача жалкое существование. Ни в коем случае нельзя препятствовать стремлению к дальнейшему развитию, к достижению более высоких результатов, к желанию жить, осознавая свою ответственность, частной жизнью.

Лучшее должно расти и процветать. Развитие личных успехов в жизни происходит у каждого по-своему, но это никогда не должно приносить вреда общему целому. То, что все порывы и побуждения отдельных людей вновь попадают под самый строгий контроль руководства – и означает концентрацию силы, без которой общество не было бы в состоянии свершить ничего из того, что превышает возможности отдельной личности.

Итак, мы увидели, что понятия «ведение» и «служение» неотъемлемо связаны вместе друг с другом. Их сущность не изменяется в зависимости от того, что мы служим здесь или там, и являемся ли мы солдатами, принимающими участие в боевых действиях или солдатами трудового фронта.

Германское воинство никогда и ни при каких обстоятельствах не знало, что может существовать какой-либо иной порядок вещей, нежели тот, при котором офицер шёл впереди своего солдата. Это «впереди» имело огромное значение. Всё и всегда зависело от этого «впереди». Это «впереди», являясь самым существенным в методах и стиле такого управления людьми, когда один ведет за собой других, всюду и везде сопровождает каждый шаг руководителя. Поэтому он должен показывать своим людям, что и как они должны делать. Своей жизнью он должен подавать пример, как должны жить они. Он должен, если он – солдат, иметь силу показать, как надо умирать, когда вместе с ним суждено погибнуть и другим. Когда речь заходит о борьбе не на жизнь, а на смерть, с того, кого считали достойным звания командира по ошибке, вмиг, словно потрескавшаяся шелуха, слетает всё, казавшееся таким привлекательным, ибо перед лицом смерти прекращаются все игры и всему поддельному приходит конец.

Но дожидаться такой ситуации, когда дело действительно дойдет до смертельной опасности вовсе необязательно – Тебе достаточно посмотреть на то, в какой степени Твоим командиром соблюдается требование подавать своим подчиненным пример. О том, чего не замечают ни разум, ни рассудок, догадывается по-детски простая душа. Человек в сомкнутой плечом к плечу шеренге совершенно уверенно чувствует, что час приближения момента истины пробил. Но, поскольку, стоя в строю, он молчит – многое фальшивое открывается лишь тогда, когда несчастье уже случилось.

Если лейтенант, стоя перед своим взводом, с важным видом взирает на солдат через сверкающий в его глазу монокль, то ему не следует пытаться спрятать этот монокль, когда вдруг неожиданно появляется полковник. Когда голоден солдат, его командир не имеет никакого права принимать пищу. Замерзает подчиненный – командир должен отказаться от тёплой шинели! Заботой командира является обеспечение всем необходимым вверенных ему людей. Когда солдаты, совершив длительный марш, становятся на постой, их командир занимает жилое помещение последним, последним принимает пищу и последним укладывается на солому. Но лишь возникает необходимость справиться с какой-либо задачей, он обязан быть первым! Только в этом случае он будет твёрдо знать, какие настроения складываются в его подразделении, что можно ждать от своих людей и на что рассчитывать в трудной ситуации. Тот же

командир, который проявляет свой интерес к этому лишь тогда, когда что-либо серьёзное уже произошло – давно потерял внутреннюю связь со своими людьми. Он уже перестал быть для них командиром... Тут никакие знаки различия на погонах ему больше не помогут. Стоит лишь познакомиться с командиром роты лично – этого будет достаточно, чтобы узнать, как обстоят дела у его солдат. И наоборот: посмотри на лица стоящих в строю камрадов, и ты узнаешь, что происходит с их командиром. Если в подразделении здоровый дух – ты увидишь светлые, приветливые лица. Там же, где будут присутствовать очевидные следы дурного настроения и подавленности, более высокому начальнику следует проследить – и как можно скорее! – за наведением порядка.

Сплетни и клеветы, переданные тайком сообщения и заданные окольным путем вопросы имеют жалкий вид, недостойны настоящего руководителя и губительны для всех. Они подрывают авторитет командира. Командир должен стоять перед своим камрадом, глядя ему глаза в глаза и ведя с ним один на один разговор, не требующий присутствия третьего лица.

Исполняя обязанности начальника, остерегайся сделать смешным подчиняющегося тебе камрада своими необдуманными вопросами. Твой человек стоит перед тобой, ожидая полностью серьезного разговора – иначе и быть не может! Так, например, Ты спокойно можешь поинтересоваться его семейным положением. Но, ради всего святого, не выпытывай у него никаких подробностей! (Я – свидетель одной неловкой для всех присутствовавших при этом сцены, возникшей из-за того, что молодой начальник полез к своему немало уже отслужившему камраду с подобными вопросами). Злой смех убивает, но не Твоего подчиненного, а Тебя!

Тот руководитель, который иногда может забыть или вообще забыл, что он, прежде всего, должен быть камрадом по отношению к подчинённым ему по службе людям, осознал свое задание не до конца. Сохранять свой авторитет и, тем не менее, оставаться камрадом – это поистине тяжелое искусство, но владеть им настоящий руководитель обязан.

При этом зачастую с легкостью возникает превратное понятие чести. Честь нельзя дифференцировать, например, как честь солдата, унтер-офицера и офицера. Может существовать только одна честь – честь солдата, ибо и офицер, и унтер-офицер являются солдатами! Обычно считается, что с более высоким воинским званием, согласно

полученному воспитанию и наличию определённых внутренних человеческих качеств, наряду с более отчетливым восприятием своего долга, соответственно возрастает понимание необходимости проявления постоянной заботы о сослуживцах и соблюдения верности, поскольку честь без верности существовать не может. Но, вместе с тем, мы можем отметить, что в воинских подразделениях к более глубокому пониманию своего долга и служебных обязанностей неизбежно приходят и те, кто правильно оценивает свои, скрытые до определенного момента от сослуживцев, качества, свидетельствующие об их способности вести других людей за собой. Следовательно – отношение к исполнению своего долга ставить в зависимость от знаков воинского различия не позволительно. Этот долг выдвигает самое сложное требование, какое только можно предъявить человеку, стоящему в сомкнутом строю плечом к плечу со своими камрадами, который должен, соблюдая служебную субординацию, оставаться камрадом по отношению к окружающим его сослуживцам, и обязан, не позволяя себе быть выскочкой, тем не менее, в нужное время проявлять инициативу и оказывать помощь в достижении необходимого результата там, где это необходимо.

Мы вообще нередко забываем, что среди молча повинующихся подчиненных следует, почаще присматриваясь к людям, отыскивать тех, кто наделён ценными качествами – в том числе, и качествами, свойственными руководителю – в гораздо большей степени, чем это известно стоящему перед строем начальнику, но кто слишком горд, чтобы самому заявлять о своих способностях.

Эти человеческие качества, которым нет цены, непозволительно подавлять из-за возникшей по какому-либо поводу мелочного чувства ревности.

К занимаемой же Тобой руководящей должности ни в коем случае не относись, полагая, что буквально всё должен делать сам, несмотря на то, что у Тебя есть помощники – в противном случае Ты можешь столкнуться с тем, что Тебе не удастся осуществить ни одно из своих многих намерений.

Посуди сам – Твоя власть не станет большей в результате того, что Ты не предоставляешь никакой власти находящимся под Твоим началом младшим командирам, и Ты не окажешься «ниже» вследствие того, что позволяешь «расти» другим.

То, что считается наиболее ценным, Тебе не удастся сохранить лучше, нежели ведением всеми средствами беспощадной борьбы со

встречающимися в нашей жизни проявлениями ущербности. Так, например, убедительным свидетельством Твоей силы и надёжности будет проявляемая тобой нетерпимость к вызывающим отвращение гнусным доносчикам, которых хватает везде и которые, внезапно появившись будто из-под земли, так и норовят ранить отравленными ядом стрелами своих камрадов, стремясь при этом оставаться как можно анонимнее. При первой же попытке подобных любителей пообщаться с глазу на глаз с начальством пригласи кого-нибудь принять участие в вашем разговоре! Ни один фискал не вытерпит этого и навряд ли попытается обратиться к Тебе со своими доносами ещё раз. Дело принимает иной оборот, когда Твой подчинённый обращается к тебе с докладом, будучи обязанным сделать это и исполняя свой долг, поскольку речь идёт о чём-либо недостойном. За такой доклад или рапорт ты должен быть благодарен, но решительно выступай против распускания сплетен – они оказывают губительное действие, несмотря на то, что в большинстве случаев возникают практически на пустом месте.

Души мелочную зависть в зародыше, ибо она парализует веру в единую общность! Руководитель всегда обязан оказывать значительное содействие своему камраду, и в особенности – наделённому всеми необходимыми качествами, помогая ему занять более высокий служебный пост. В новой Германии окончательно миновало то время, когда талант одарённого драматического тенора открывали только в пивных заведениях и трактирах.

Однажды Старый Фриц, по праву называемый Великим, после окончания одного из сражений искал своего павшего на поле брани друга Веделля среди уложенных в амбаре раненых солдат, и один из них прохрипел: «Тут каждый, кого ни возьми, Веделль!» Этот солдат был прав – если бы в армии не было безмолвной верности многих, не было бы и никакой славы у возглавляющих эту армию генералов. Когда история нашего народа называет громко звучащие имена, непозволительно забывать, что звук и блеск отдельных имен дают знать также о славе и о героизме тех, кто некогда шёл маршем вслед за этими великими людьми. Во время войны мы гордились своими ротными командирами, которые, получив Железный крест, говорили перед строем, что будут носить этот знак отличия как награду всей роты...

В солдатской массе находится немало тех, чьё подлинное величие скрывает их неприметный мундир. Неблагоприятные обстоятельства

могут зачастую не предоставить таким людям возможности развивать свои способности. Только если случай или судьба вынимает человека из его тесного круга, очерченного массой и её непониманием, все с удивлением видят, какие ценные качества внезапно демонстрирует этот человек. Нам – сражавшимся на фронте солдатам – вероятно, случилось когда-нибудь пройти мимо ефрейтора Гитлера или даже доводилось вместе с ним служить – и ...?

Провидение не расточает свою милость настолько, чтобы одаривать народ значительным множеством действительно великих людей. Вероятно, Адольф Гитлер останется единственной в своем роде исторической величиной. Но, тем не менее, весь путь его становления доказывает, что ограничивать своё окончательное суждение относительно подлинной значимости человека в соответствии с занимаемым им на сегодняшний день положением, с его служебной должностью или его воинским званием – это ошибка, свидетельствующая о высокомерии и спеси.

Здесь кое-кто мог бы возразить, заявив, что в уж в наши-то дни руководитель выдающегося масштаба сам завоевал бы себе авторитет. Правильность этого утверждения относительна, и вот почему. Человек, являющийся яркой и сильной личностью, видит для себя определённую фальшь в попытках добиться какого-либо признания, понимая, что идёт по правильному пути вместе с людьми, уже до него наметившими верное направление своего движения. Он будет подчиняться и терпеливо ждать до тех пор, пока не наступит нужный момент заявить о себе, в отличие от того, кто, не обладая целостностью характера, будет в этой ситуации продолжать пробовать добраться к своей цели всеми правдами и неправдами.

Тот, кто знает о своих собственных ценных качествах, конечно же, не должен с безразличием дожидаться, пока о них станет известно и другим. Его нравственный долг – оберегать и приумножать их. Тот, кому узкое окружение препятствует в развитии, так сказать, в ширину – тот, не зная запретов на свое развитие в высоту вплоть до самых звёзд, должен быть готов к тому, что наступит день, когда судьба требовательно постучит в его дверь.

Когда мы требуем от такого человека проявления им скромности и неприязнательности, несмотря ни на что, это – с другой стороны – означает, что он должен уделять повышенное внимание и нести строжайшую ответственность за всех тех, кого ему суждено вести за собой.

Часто случается так, что величие и подлинный героизм проявляют себя во многих ситуациях совершенно безмолвно и нередко сходят в могилу прежде, чем их успеют как следует распознать. Что мы вообще знаем о самой внутренней сущности наших камрадов? Собственно – очень мало, поскольку в большинстве случаев мы видим только самих себя; слишком сильно концентрируясь на том, что касается только нас одних, не подозреваем, какие препятствия придётся преодолевать совместными усилиями завтра и послезавтра; мы слишком сильно скованы самонадеянностью и часто оказываемся не в состоянии разглядеть, что для правильного понимания возникших взаимных связей между тем, что кануло в лету и тем, что в реальности существует теперь, между властью и целями, которым она служит, требуются совершенно иные предпосылки, нежели те, что обусловлены нашими намерениями воплотить в жизнь собственные эгоистичные желания.

Это должен знать каждый руководитель. И, следовательно, ему с самого начала необходимо постараться увидеть разносторонние положительные качества тех, кто находится под его началом, а в дальнейшем – научиться судить о своих людях, принимая во внимание их действительное желание подчиняться его распоряжениям, а не только лишь их обусловленное обязанностью повиноваться поведение. Поступающий таким образом руководитель, избавившийся от поверхностного взгляда на подчинённых, не только обретёт уважение в глазах вверенных ему людей, но и сплотит их в совместном служении будущему Германии. Все это кажется очень сложным, и, всё же, в сущности своей, так просто!

Кто не стремится натянуть чужой наряд, кто ведёт себя естественно и остаётся тем, кто он есть на самом деле, тот всегда поступает правильно. Уже одно это сразу наводит самый короткий и наипрочнейший мост от сердца к сердцу, гораздо сильнее связывая людей, нежели все предписания и штрафные санкции вместе взятые.

Ничто не оказывает более опустошительного воздействия, чем напыщенный и явно недалекий персонаж перед выстроившимся фронтом. Такие парни всегда умеют пролезть всюду и везде. Каким хорошим свидетельством дисциплины будет, если стоящий в строю солдат, который – прежде всего – человек, ощущающий и видящий фальшь, лишь скривится в ухмылке, подавив тем самым своё раздражение! Обученный солдат – отнюдь не новобранец. И уж он-то знает, что первого же проливного дождя хватит для того, чтобы

растрепать всю роскошь павлиньих перьев, превратив их в жалкий веник!

Любой, кто берётся руководить, испытывая страх перед своим начальником, должен немедленно бросить это дело, ибо едва ли сможет добиться уважения в глазах своих подчинённых.

Тому, кто ведёт за собой, поскольку, так или иначе, существует во имя вверенных ему людей, удастся быть для них начальником в полном смысле этого слова, если, будучи наделён большей силой, крепостью воли и дальновидностью, а, прежде всего, благодаря внутреннему осознанию прав и обязательств перед своими людьми, он является по отношению к ним настоящим камрадом, другом и советчиком. Правильно выбранный способ воспитания подчинённых и тактичное обращение с ними всецело и сами по себе дадут нужный Тебе результат!

Воздерживайся от брани и оскорблений! Тот, кто излишне криклив, сам расписывается в своей неправоте. Не забывай, что Твоему подчинённому положено соблюдать молчание, и потому не подстрекай его преждевременно открыть рот! Всегда имей мужество исправить то, что тобой сделано плохо. Твой авторитет совершенно не пострадает, если Ты согласишься с тем, что был не прав по отношению к своему подчинённому.

Никто из нас не является непревзойденным мастером, каждый обязан непрерывно учиться. Таким образом, пусть всё – каждая поправка, каждый упрёк, каждое наказание – будет построено на общем намерении учиться вместе друг с другом помогать и поправлять друг друга! Это, определённо, требует немалого мужества. Но обладать им, так или иначе, необходимо – ибо иначе блеск власти, исходящий от знаков различия, может в один прекрасный день померкнуть раз и навсегда.

Стоящий в строю должен соблюдать молчание. Но, если Ты, являясь командиром, что-либо произносишь – всегда спрашивай себя, какое воздействие Ты оказываешь своими словами – содействуют ли они тем, к кому обращены и воодушевляют их, или же, напротив, разрушают нечто ценное.

Естественно, что ведущие за собой оказываются в меньшинстве по сравнению с теми, кто за ними следует. Тем не менее, это меньшинство остаётся имеющим решающее значение, поскольку именно на него возложена гораздо бóльшая по объёму и сложности задача. Сила целой роты в отсутствие организованного командования

рассеивается, и поставленная перед ней цель оказывается недостижимой. Задача командования – всемерная забота о том, чтобы личный состав роты выполнил приказ. А выполнит ли рота поставленную перед ней задачу, и с потерями в личном составе или без – это уже зависит от степени искусства командования отдавать распоряжения.

Весьма серьёзные различия заключаются в том, вступает ли в бой подразделение со свежими силами и воодушевлённое своим командиром, выбравшим кратчайший маршрут движения к цели или оно полностью истощено преодолением окольных путей; сохранён ли его личный состав в целостности или, вследствие недостаточного обеспечения, по дороге понесён совершенно ненужный урон.

Эта картина иллюстрирует истинное положение дел для всех тех, кто участвует в планировании и осуществлении того или иного совместного мероприятия. Когда мы думаем о своей работе по специальности, то каждая наша недоработка, каждое промедление, каждый проступок становятся виновниками понесенного нами материального, или, что гораздо хуже, духовного ущерба. Если потери первого вида можно восстановить и компенсировать, то воздействие духовных потерь нельзя даже оценить. Если сердца вдруг охватило отвращение, ощущение понесённой несправедливости и недоверие, то от навалившейся беды не укрыться ни за какой дверью.

Осознанию руководителем своей ответственности перед вверенными ему людьми должно соответствовать их осознанное отношение: не стоит излишне осложнять Вашему руководителю исполнение им своих должностных обязанностей! Ведь Вы не знаете, сколь часто руководителю, не имеющему права на усталость, приходится черпать новые силы прежде всего из Вашего отношения к общему делу. Без руководства Вы утратите необходимые ориентиры. А без Вашей веры, Вашего доверия, Вашей дисциплины бессилён руководитель. Вместе же Вы – при условии правильно отрегулированных отношений друг с другом – являете собой несокрушимое единство, ценность и силу которого измерить невозможно!

В ином случае, Вы – всего лишь сбившаяся в кучу группа потерявших самих себя людей. В правилах организации того, как мы ведем и следуем, и заключается наша победа. Отказ от этих правил означает для нас только одно: поражение. И, как окончательный финал – неотвратимая гибель!

СИМВОЛ

Воин СС, Ты ведь наверняка уже рассматривал эмблему в виде человеческого черепа на своём головном уборе? Размышлял ли Ты когда-нибудь в свободную минуту над тем, о чём говорит Тебе этот символ? Тебе многое станет понятно, когда, положив однажды свою ладонь на Мёртвую Голову, Ты представишь вдруг, что и в самом деле ощущаешь костный покров, защищавший некогда живущий мозг. Может статься, что в этот момент в Твоих мыслях возникнет дух человека, после которого остался этот череп, и в этот миг Ты ощутишь, что сам сейчас являешься тем, кем некогда был он. Затем, возможно, Ты ощутишь, как Тебя охватывает необъяснимая дрожь от осознания того факта, что когда-нибудь и Ты превратишься в то, чем он является теперь. Ты будешь испытывать нечто вроде страха, столкнувшись с тем, что пока ещё не в силах постичь. Не стыдись этого чувства! Этот страх закономерен, и справиться с ним должен Ты сам. Об этом Тебе не стоит говорить с другими, поскольку страх этот весьма охотно вызывает скрытую усмешку. Жаль, конечно, что мы вынуждены начинать разговор с самой отправной точки, коль скоро хотим достичь желаемого конечного результата. Но этот необходимый путь – ничто иное, как процесс воспитания, которое должно помочь нам подготовиться у себя в Германии новый тип человека и воина.

Никакого состояния абсолютного бесстрашия не существует. Иначе не имелось бы и никакого мужества. Те, кто так любит похвалиться своим «мужеством», на самом деле мужественными не являются. Подобным поведением, берущим начало в сомнениях, что другие, пожалуй, смогли бы бросить им какой-либо справедливый упрек, они пытаются подавить и замаскировать свою собственную трусость. Они считают, что всё это им великолепно удаётся. Но взгляни-ка повнимательней на этих горлопанов! Довольно скоро Вы обнаружите, что ни один из них не разделил судьбу сражавшихся людей – тех, кто на собственном опыте познал горький осадок, оставляемый в душе человека тяжелейшими превратностями бытия. Что они знают о том, что значит выстоять среди тех испытаний, о которых нет никакой охоты ни говорить, ни вспоминать? Когда нам казалось, что дело идет к концу, когда сквозь слепящее глаза пламя мы видели, что сама смерть надвигалась на нас, подобно всаднику, скачущему среди разлетающихся во все стороны осколков и

оглушительного грохота рвущихся снарядов, страшно было нам всем. Абсолютно всем! Всё зависело только от способности этот страх преодолеть и подчинить своей воле. Именно в этот момент и проявляли себя подлинные командиры! И глядя на них, мы вновь обретали силу.

Наш символ Мёртвой Головы ведёт Тебя путём, пролегающим между исчезновением и возникновением, между колыбелью и гробом. Мы есть ничто иное, как связующее звено между тем, что безвозвратно ушло и тем, что неизбежно возродится. Страх человека перед тем, что уже завтра может случиться так, что придётся расстаться с жизнью, страх перед тем, чему суждено свершиться поздно или рано – повторюсь – естественен и закономерен. Но безо всех тех, кто был перед Тобой, не было бы и Тебя самого. И на всём, чем мы занимаемся и что с нами происходит, строится основание жизни тех, кто придет после нас. Сегодня мы несём огромную ответственность за будущее Германии. И всё то, что сделано нами плохо, является нашей виной, нашим долгом, оплачивать который когда-нибудь будут вынуждены наши дети. Даже самый наивный понимает, что он не мог бы существовать, не будь он частичкой общности своего народа. Наша деятельность ни в коем случае не может принимать в расчёт одну лишь современность, ибо последствия совершенного нами выходят далеко за её пределы. В Германии снова должно жить сильное поколение. Мы оказываем этому всемерную помощь, пока у нас ещё есть на это время. И мы не проповедуем это кому-то другому, но начинаем с самих себя. Символ Мёртвой Головы есть напоминание о том, что всё, являющееся ничтожным и трусливым, должно быть выжжено нами в нас же самих. Он напоминает о необходимости воспитания и закрепления всего подлинно важного, полного чести, силы и мужества. Он напоминает о необходимости такой готовности к совершению любого поступка, служащего целям нашей нации, что пришедшие после нас действительно могли бы сказать: «Мы, германцы, боимся Бога, но никто иной в целом мире нам не страшен!»

Воин СС! Мёртвая Голова на чёрном околыше фуражки окажет Тебе помощь на жизненном пути. Этот символ сумеет сказать Тебе гораздо больше, чем может быть написано в книге. Мир души можно постичь лишь душой, но не буквой! Мёртвая Голова заставляет вспомнить о бренном и преходящем. Но она напоминает и о том вечном, навеки присущем нации, которой Ты служишь. Что ещё,

после осознания этих требований, предъявляемых человеку и его окружению, способно внушить страх? Из германской истории можно увидеть, с каким достоинством способен погибать германец. Камрады, будем же ожидать последнее мгновение без робости! Нам это удастся намного лучше, коль скоро у нас будет мужество жить достойно настолько, что нам не придётся испытывать за себя стыд, если однажды в последнюю минуту у нас ещё будут оставаться силы бросить взгляд на пройденную жизнь...

В жизни нам тысячи раз встречаются всевозможные препятствия со своими «ЕСЛИ» и «НО». Однако, какое нам дело до мнения толпы, если оно не соответствует нашему мышлению и нашей цели? Какой спрос с пытающейся оказать на нас давление насквозь фальшивой братии из тех общественных объединений, лживость которых мы видим на каждом шагу?

Определённо, иногда гораздо легче мужественно умереть, чем мужественно жить... Нас не страшит последняя минута – чего нам бояться, если мы идём по выбранному нами пути такими, какими сами стремимся быть, а именно: скромными и простыми, чистыми телом и душой – честными, добросовестными и верными – верными Фюреру, верными Отечеству, верными самим себе и своему роду, верными своим предкам!

То, что прямо, мы оставляем, не искривляя, прямым. Но то, что искривлено, мы, со всей основательностью взявшись за дело, выправляем. Правда в законности – так было, и так есть! Мы, являясь заклятыми враги всего несправедливого и противозаконного, обладаем мужеством соблюдать границы допустимого, даже если окружающие нас на это не способны.

Тот, кто хотя бы раз был брошен судьбой в самое пекло, в тот трудный час будто воочию видел перед собой некий шумно взлетающий и через считанные мгновенья медленно опускающийся занавес, который словно предоставлял ему в этот миг возможность окинуть взглядом всю бескрайнюю ширь бытия. Его прозревшие глаза с мельчайшими подробностями отмечали ничтожность и пустячность повседневности. Ему становилась очевидной пустота тревог того множества людей, что беспокоятся об утрате своей мнимой значимости; их тщеславие казалось ему особенно пошлым, а напыщенный внешний вид вызывал лишь усмешку. Он постигал, отчего некогда связанные друг с другом в единое целое люди так часто бывают вынуждены оказаться врозь: хотя причиной этого,

порой, оказываются незначительные пустяки, но гораздо чаще – высокомерие и отсутствие доброжелательности.

Прозревшими глазами он также видел всё то, что является подлинно важным – и, прежде всего, то, что всегда означало и означает быть ни в чем не запятнавшим себя германцем, делающим своё дело во имя Германии ради самого этого дела – чётко и ясно, предпочитая тихо и молчаливо действовать, нежели разбрасываться громкими словами.

Мы хотим быть зёрнами хлебного колоса, но не сорняка, которые разрастаясь, маскирует собственную никчёмность внешне привлекательными листочками и пёстрыми цветками. В этом мы придерживаемся мнения старины Мольтке: «Больше быть, нежели казаться!»

Мы не делаем никакой тайны из того, что, упорно трудясь над самими собой, благодаря железной дисциплине и исходящему из доброй воли повиновению, мы стремимся упрочить столь необходимую нам стойкость в отстаивании своих жизненных принципов и умножить достигнутые нами результаты.

Всё превышающее эти стремления – исходит от зла. Всё, что остается ниже их – провинность перед благом нации.

То, что достигнуто благодаря нашим упорным усилиям, продолжает жить. Оно живёт в бесчисленном количестве малых вещей и дел. Оно существует в данном нами примере своей собственной жизни. Оно оказывает свое влияние изо дня в день – и часто там, где мы сами этого совершенно не замечаем. Оно прорастает и продолжает развиваться, даже когда наши глаза навеки закроются. Это будет продолжать жить, даже когда мы сами уже будем забыты.

Таким образом мы наполняем смыслом понятие «Охранный Отряд». Мы всегда готовы защитить Фюрера своими телами. А наши души защищают дух Адольфа Гитлера. Поэтому мы предъявляем к самим себе гораздо более серьёзные и жёсткие требования, нежели к другим.

Каждый недостаток в конце концов заявляет о себе проявлением склонности к лени и в инертной вялости, в безволии и – трусости. Тот, кто труслив – и пусть это проявляется лишь в самом незначительном – верен быть не может. Преодоление страха и укрепление верности произрастают из одной и той же сущности. Об этом и напоминает Тебе Мёртвая Голова.

Поэтому, Воин СС, Твоя Честь и зовется Верностью!

Верность

Среди свойственных мужественным людям достоинств, определяющих основную направленность образа жизни, на первом для нас месте стоит верность. Что под этим подразумевается, нам лучше всего позволяет понять присутствующее в нашей крови ощущение, совершенно однозначно говорящее нам, что именно является верностью.

Верность означает полное отсутствие какой-либо лжи. Верность обуславливает образ жизни, в которой нет места фальши и обману. Она требует от совершающего те или поступки человека надёжности и подтверждения своих принципов на деле таким образом, чтобы те, кто верят и всецело полагаются на него, не были введены в заблуждение. Она призывает с полной серьёзностью и всей преданностью посвятить свои стремления достижению поставленной цели.

Для того, кто дал клятву верности, повторная присяга является совершенно излишней.

Верность – это боевой стяг, развевающийся впереди идущей за своим предводителем воинской дружины. В любом отряде вслед за его знаменем нога в ногу с бывальыми бойцами маршируют и те, кому не довелось еще пройти за этим знаменем сквозь огонь сражений. Но для этих людей это совершенно ничего не меняет. Что бы ни случилось, они будут знать о необходимости до конца исполнить долг перед своим знаменем. Но едва ли это знание есть у тех, кто крадучись и тайком затесался со стороны в колонну вышедших из борьбы победителями. У представителей подобной публики нет верности даже по отношению к самим себе – и тем более они не будут верны нашему делу. Осознавая свое ничтожество, они стремятся найти в наших рядах временное прибежище, если вообще не ищут возможности при первом же удобном случае с присущей им изворотливостью обделать выгодное дельце.

Знамя должно оставаться чистым. Каждому из тех, за кем Вы следуете, необходимо научиться видеть, как могут появляться на этом знамени какие-либо пятна. Тот, кто присягнул в своей верности, должен научиться избегать малейшего её несоблюдения.

Когда в жизни нас окружает благополучие, когда у нас всё хорошо и нам всё удаётся, если занимаемый служебный пост дает нам

некоторые преимущества, то может показаться, что быть верным довольно легко.

Человеку, у которого не было ничего, кроме себя самого, который посвятил всю свою жизнь идее, который, проливая свою кровь, за эту идею боролся и страдал, который не добился вследствие этого никакой материальной выгоды, но остался верным – этому человеку нам не только не следует рассказывать, что такое верность. Наоборот, всем и каждому из нас, занявших руководящие посты, необходимо поучиться у этого человека тому, что ценность и авторитет человека далеко не всегда ограничиваются высотой его руководящей должности и звания. Благодаря таким, как он, мы также избавляемся от опасности упустить из виду, что вверенные нашему руководству люди имеют точно в такой же мере право требовать сохранения верности по отношению к себе, в какой её проявление требуется от них.

Поэтому каждый из ведущих за собой обязан со всей ясностью отдавать себе отчёт в том, что он должен не только полагаться на верность находящегося под его началом человека, но и, в свою очередь, всецело платить ему точно такой же верностью. Если подчинённый испытывает сомнения в своей верности, всегда следует проверить, не лежит ли эта вина на тех, кто, будучи руководителем, несёт ответственность за своих людей, иначе говоря – сохраняют ли они сами по отношению к нему свою верность.

Верность не означает: показывая вечно согнутую спину «вышестоящим», неизменно принимать с застывшей преданной улыбкой абсолютно всё, что бы тем ни заблагорассудилось. Подобное поведение не может рано или поздно не отразиться на верности «низших» по служебному положению.

Верность – это внутреннее повиновение, исходящее из доверия и опирающееся на товарищескую любовь, но не на подхалимство! Повинующийся искренне своему начальнику командир и лицемер, скрывающий свою сущность под маской рьяного повиновения, совершенно по-разному воспринимают обращённый к ним приказ и, в соответствии с этим, по-разному воспроизводят поставленную старшими по званию задачу перед собственными подчинёнными. Подчинённые же эту разницу ощущают весьма отчетливо.

Каждый из них в состоянии с уверенностью судить – верность перед ним или нет. Можно отдать распоряжение в самой решительной форме, но подчинённый непременно почувствует, берёт ли этот

приказ свое начало из осознания ответственности, заботы и внимания, иначе говоря – из верности командира общему делу и своим людям, или энергичный тон отданной им команды всего лишь маскирует его внутреннюю несостоятельность.

Быть услужливым – нечто иное, нежели быть повинующимся. Подчинённому известно и это. И хорошо, что это так. Он вмиг подмечает, когда кто-либо из вышестоящих понимает верность только в одностороннем порядке, требуя её сохранения лишь по отношению к себе, но не отвечая взаимностью. Мы можем считать за счастье, когда имеем дело с подчинённым, который обладает настолько большой внутренней прочностью и надёжностью, что не опускается до всеобщих обвинений в равной степени всего и всех, побывав разок под руководством такого из командиров, который лишь услужливо дожидается поступления распоряжений от своего непосредственного начальства, вместо того, чтобы как пусть, младший, но – командир! – в нужное время самостоятельно принять собственное нужное решение и отдать соответствующий приказ!

Чем выше становится Твоя должность как руководителя, тем всё более возрастающие требования будут раз за разом предъявляться и к Твоей верности. Круг, состоящий из тех, кто находится «над Тобой», будет становиться значительно уже, в то время, как круг «нижестоящих» будет постоянно увеличиваться по мере расширения поля Твоей ответственности. При любых обстоятельствах оставайся верным своим людям! Не сваливай свою ответственность, например, на тех, кто не справился со своей задачей, поскольку оказался не в состоянии вынести груз ответственности, которую Ты в сфере своей компетенции по определённым причинам решил перенести на них.

Всегда вставай на защиту своего младшего командира, даже если он, воодушевлённый благородными намерениями, допустил ошибку, наломав мимоходом дров – только тот никогда не будет действовать ошибочно, кто настолько посредственен, что не делает вообще ничего!

Характер германца не позволяет бросать на произвол судьбы своего камрада. В случае непосредственной физической опасности для нас это разумеется само собой. Но для нас точно так же должно стать само собой разумеющимся оказание действенной помощи человеку, испытывающему в том скрытую внутреннюю необходимость! Он не должен утратить веры в наше общее дело только лишь потому, что оказался слишком слаб, чтобы самостоятельно справиться с

возникшими на его пути трудностями. И поэтому не уклоняйся от своей ответственности за все то, что может сбить Твоего подчинённого с правильного пути. Тем самым, на основании чувства взаимного доверия, Ты воспитаешь в нём мужество своевременно сообщать Тебе о своих ошибках. В ином же случае у него может возникнуть искушение скрывать их, за чем неизбежно последует гораздо большее зло, разрастающееся подобно раковой язве.

Замеченного в нечестности немедленно отстраняй от дел! Он, так или иначе, не имеет с нами ничего общего. Вовремя и по мере его вины подвергай наказанию небрежного! Добросовестного же поощряй и назначай на должность, соответствующую его способностям!

Твоя верность подчинённому требует, чтобы Ты брал на свои плечи бремя тех неприятностей, которые он навлек на себя вследствие того, что его способности оказались не настолько хороши, как его намерения.

Понятие «верность» всегда включает в себя ответственность одного за других, обусловленную пониманием и тактичностью. Эта ответственность друг за друга совершенно не означает сплошное потакающее благоволение с одной стороны или чрезмерно напористое и назойливое требовательное рвение – с другой.

Как бы ни складывалась ситуация, недопустимо, чтобы один ощущал себя чрезмерно обиженным, когда в его адрес однажды может быть откровенно сказано то, что должно быть сказано, а другой окажется незамеченным на фоне достоинств и положительных качеств остальных камрадов, поскольку он чувствует себя неловко или слишком горд для того, чтобы обратить на себя внимание тогда, когда это порой следовало бы сделать.

Только из знания о взаимной ответственности возникает стойкая и обоюдная уверенность друг в друге, которая не только позволяет избежать гнетущего ощущения сковывающей круговой зависимости, но наполняет понятие «сплочённость» в наивысшей степени действенным смыслом.

ИТАК, БЫТЬ ВЕРНЫМ – ЗНАЧИТ ПЛАТИТЬ ВЕРНОСТЬЮ ЗА ВЕРНОСТЬ!

Глубокое понимание этого важно для всех нас – для тех, кто ведет за собой, и тех, кто следует за идущим впереди: признак верности – это не безразличное или угрюмое и совершенно тупое исполнение отданных команд, но светлая радость служения Фюреру и Рейху. Тот, кто верен, будет хранить вдохновлённость своей идеей, даже если что-

либо, происходящее не в соответствии с его желаниями, воздвигает неисчислимые трудности на его пути.

Если в людских сердцах потухнет огонь, все прилагаемые нами усилия окажутся тщетными!

Наша неизменная любовь – процветание Германии, наша неизменная верность – её защита и безопасность.

Когда нашей любовью наполнен лишь самый тесный круг самых близких приятелей, то это малое чувство является ошибочным по своей сути и национал-социалиста недостойно. Если же, вытекая из благородных человеческих побуждений, эта любовь охватывает всё, что мы называем германской жизнью, то это – поистине любовь от Бога. В этом случае наша верность становится подобной некоему сосуду, который, вмещая в себя этот бесценный дар Божий, надёжно его защищает.

Определить пределы этой любви и верности невозможно, и, помня об этом, мы неустанно наращиваем и укрепляем свои силы. Если Тебя вдруг охватит чувство печали по поводу кажущегося отсутствия возможности совершить нечто великое и героическое, превосходящее всё, совершенное тобой ранее, помни: героизм, который ты стремишься проявить, являет себя не только в ослепительном блеске сияющих доспехов и грозно сверкающем оружии! Зачастую героизм совершенно безмолвен и невидим. Если в Тебе живёт вера в Германию, Тебе удастся быть героем – героем верности – и в серые будни! Твоя Вера, Твоя Любовь и Твоя Верность Германии станут однажды известными. Если же вдруг сложится так, что имя Твоё когда-нибудь окажется забыто, знай – что бы ни случилось, Ты навечно принадлежишь к тем, кто создал новый Рейх! Некогда и к Тебе лично будет обращена благодарность германцев, которые лишь спустя многие годы окажутся способны в полном объёме постичь, что именно Адольф Гитлер значил для Германии, и что лишь благодаря жертвам и верности преданных ему людей, чьим соратником по борьбе Ты являешься, оказался возможен столь колоссальный перелом в судьбе Германии.

Благодаря твоей верности звучит провозглашённый ликующей нацией лозунг:

ОДИН НАРОД – ОДИН РЕЙХ – ОДИН ФЮРЕР!

Не в этом ли достойнейшая награда Твоей безмолвной верности?

Приказ О его внутренней сущности, внешних формах и искусстве отдавать приказания. Внутренняя сущность приказа.

Приказ являет собой отражение скрытой духовной силы. Эта духовная сила становится очевидной, благодаря конечным результатам, достигаемым при исполнении приказа. Сами же приказы демонстрируют нам своё бесчисленное многообразие. И если мы видим, что один изобилует силой, а другой – прямо-таки дрожит от собственной слабости, то между ними обоими мы можем наблюдать целую массу всевозможных вариаций.

Истоки духовной силы следует искать в качествах личности, которая отдаёт приказ. Этим и объясняются различия как в нашей оценке приказов и распоряжений, так и в их выражении, ибо одна личность уверена в себе и энергична, другая же – оказавшись, вследствие отсутствия определённых навыков и умения, обескровленной – откровенно слаба.

Приказ, словно рисуя портрет человека, его отдавшего, раскрывает перед нами присущие тому способности и знания, его умение понимать людей и его готовность взять на себя ответственность за принятое им решение.

Как отличаются друг от друга портреты разных людей, и как отличается отношение этих людей к понятию «приказ», точно так же, пожалуй, и сами люди отличаются между собой – как в своей способности и манере отдавать распоряжения, так и в умении подчинять себя распоряжениям других.

Как известно, приказ и повиновение есть единое целое, которое следует рассматривать с двух сторон. Только их единство гарантирует успех. Таким образом, повиновение безо всяких оговорок связано с приказом. Приказ без повиновения вмиг сжигает всю свою силу, не достигая совершенно никакого результата. Он может выглядеть величественно, но, тем не менее, на самом деле лишь подобен фейерверку, совершенно напрасно растрачивающему свою энергию в пустом буйстве разноцветных сверкающих огней.

Всё наше бытие есть результат исполнения полученных нами распоряжений. Но тот, кто не задумывался до конца над тем, как наша жизнь неизменно вращается вокруг приказа и повиновения, в

превратно понимаемом им чувстве свободы восстаёт против нашего понимания внутренней сущности приказа. Он будет противиться его общему требованию, которое, так или иначе, есть требование нравственное, ибо в нашем представлении приказ всегда внутренне нацелен на регулирование нравственных категорий – как в узком, так и в широком смысле – жизни людей. Коль скоро приказ требует безусловного повиновения, то иной раз приходится вставать на защиту этой безусловности, когда кто-нибудь начинает возражать, что могут отдать и явно идиотский «приказ», например – спрыгнуть с вершины башни на мостовую. Это – ни в каком виде не приказ, но подменяющая саму его суть выходка откровенного самодура, и в германском Отечестве проявляется неукоснительная забота о том, чтобы подобное извращенное злоупотребление властью и духовное насилие над другими было невозможно!

Некто, возмущающийся тем, что ему «вечно приходится выслушивать чужие повеления», находит самоуспокоение в иллюзии. Его раздражает уже само слово «приказ», и для него несколько не важна непреходящая значимость и глубинный смысл этого понятия. Он также вводит сам себя в заблуждение и в тех случаях, когда распоряжение, с его точки зрения, кажется выглядящим более возвышенно, нежели «приказ», хотя – на самом деле – именно приказом и является. Почему же эти ошибочные представления заставляют иной раз его спотыкаться в то время, когда он совершенно осознанно занимает место в строю своих соплеменников? Неужели ему необходим приказ для того, например, чтобы уступить свое место вошедшему в железнодорожный вагон раненому в бою камраду? А ведь необходимость тактичного поведения между культурными и воспитанными людьми тоже является своего рода приказом. Это тоже приказ – приказ, обязывающий повиноваться требованиям вежливости и предупредительности в общении с окружающими – только называющийся в данном случае, как и обязательное ему повиновение, несколько иначе!

Воспитанный должным образом человек, человек, обладающий достойными качествами характера, и вести себя в любой ситуации будет так же достойно. Стремление же постоянно регулировать все поступки такого подчинённого дополнительными распоряжениями рано или поздно закончится демонстрацией неумения его начальника обходиться с людьми. Подобная манера руководить оскорбительна, и, унижая самого любителя пораспоряжаться, в итоге влечет за собой

длительное отсутствие результата там, где в случае отсутствия всякого рода «ценных указаний» этот результат был бы, безусловно, давно достигнут.

Кроме этого, не забывай также и о том, что важно не только то, что сказано, но и как сказано, иными словами – тон делает музыку!

Мы можем привести огромное количество разнообразных примеров отдельных явлений нашей жизни, так или иначе попадающих под определение «приказ», тайная сила которого распространяется не только на взрослых людей. Так, забота матери о воспитании детей так же является непрерывной последовательностью «приказов» и борьбы за достижение нужного результата, то есть за повиновение ребёнка. Будет ли для матери оправданием незнание ею такой простой вещи, что она должна добиться повиновения своего ребенка, прежде чем тому исполнится два года? Ведь, так или иначе, но заставить двадцатилетнего выполнить то, от чего он был в состоянии уклониться в двухлетнем возрасте, не удастся никогда!

Каждый приказ направлен на достижение определённой цели, путь к которой всегда пролегает через достижение повиновения. Отдающий приказ несёт ответственность за эту цель, которая, как мы это увидели, неизменно находится в неразрывной нравственной связи с со всем окружающим нас в жизни. Понимание этого оберегает нас от отдания необдуманных команд, требуя знания всего, очерчивающего круг, центром которого является исходящее от нас распоряжение.

Нам заранее следует многое знать о повинующемся. Мы, например, должны знать – в состоянии ли он выполнить наше распоряжение. Следует также помнить, что от того, каким образом мы отдаем приказ, зависит, каким образом будет осуществлено его исполнение. Прежде чем мы озвучим свое распоряжение, необходимо точно знать как причину, повлекшую необходимость этот приказ отдать, так и возможные последствия его исполнения.

В наших знаниях недопустимо иметь ни единого пробела, иначе при отдавании приказа возникает неопределённость, в результате которой последует отсутствие ясности и ошибки в действиях исполняющих его.

Наряду со знанием, отдавание приказа упорядочивает наша воля. Она порождает действие. Именно она есть то, что наполняет команду энергией. Если слаба воля – действие является нежизнеспособным изначально.

Тому, кто руководит людьми, суждено отдавать приказы. Для того, чтобы поднять роту в атаку, мы не нуждаемся ни в чьей «компании», наподобие совещательного совета в какой-либо организации. И для этого нам вовсе не приходится быть кем-то вроде председателя некоего общественного союза, руководителя крупного органа власти или производственного объединения. Но, так или иначе, у нас часто возникает необходимость увлечь своих людей за собой, и, следовательно, мы обязаны им приказывать. Совершенно не исключено, что порой мы будем должны отдавать приказ там, где мы останемся один на один с поставленной перед нами наитруднейшей задачей, где все представления о привычных нормах и формах искажены или вовсе отсутствуют. Нам придется отдавать приказ там, где не окажется никого, кто был бы обязан нам повиноваться – и поэтому нам предстоит научиться приказывать самим себе!

Способность овладеть этим умением будет являться самым достоверным свидетельством присутствия у нас силы воли. Исходя из этого, мы выносим своё суждение о воле многих и многих отдельных людей нашего народа. В то время, когда к нам приходит осознание своей собственной силы, то мы – с чувством благодарности или с завистью, но в любом случае – с удивлением – наблюдаем, как наша отдельно взятая воля оказывается под влиянием и управлением более сильной воли других людей. Но вот перед нашим взором возникает тот, кого Господь Бог соблаговолил наделить волей такой силы и благородства, каких не видел сотворённый им мир – наш Фюрер! И когда мы сами для себя на его примере отчётливо понимаем, какие неслыханные нагрузки в состоянии вынести воля человека, и что вся его жизнь являет собой один единственный приказ и единственное ему повиновение, то наши заботы о приказе, который мы должны отдать, будут для нас несравненно менее тягостными, по сравнению с тем, как это могло показаться до этого, а наша обязанность повиноваться будет наполнена неподдельной радостью!

Формы отдания приказов и распоряжений

Разнообразие форм отдания распоряжений велико. И, подобно тому, как первоначальное мнение о человеке складывается, как известно, «по одежке», суждение о распоряжении выносится на основании того, каким образом оно отдано. Так, одно распоряжение, имея внешне эффектную форму, способно выглядеть вызывающим безусловное одобрение и получает немедленную поддержку. Другое же может казаться заурядным и простым, а третье – прозрачным и само собой разумеющимся. Но распоряжение можно отдать и в настолько непривлекательной и безобразной форме, что оно оказывается не только отталкивающим, но и побуждает к уклонению от его исполнения и, более того, даже к активному сопротивлению! Всё это действительно возможно. Поэтому непозволительно ни в коем случае, чтобы распоряжение носило на себе какую-либо маску. Его лицо, оставаясь открытым и чистым, должно быть решительно и неуклонно направлено на достижение конкретно поставленной цели.

Если мы, так сказать, облачим распоряжение в солдатский мундир, то, прежде всего, назовём это распоряжение своим именем, т. е. – «приказом». Приказ является самой краткой формой распоряжения. Приказом связаны оба – и тот, кто его отдаёт, и тот, кто его исполняет в соответствии с данной ему определённой инструкцией, или, как мы говорили раньше, предписанным «регламентом». И тот, и другой знакомы с правилами, знание которых экономит время и отсекает все излишнее. Надобность в каких-либо иных, кроме прозвучавших в приказе, словах и комментариях отсутствует совершенно.

Тот, кто отдаёт приказ, должен ограничивать свои выражения исключительно корректными оборотами. В противном случае все сказанные слова окажутся лишь пустым и совершенно никчёмным сотрясанием воздуха. Казарменные остроты для нас неуместны. Они несут угрозу утраты серьёзности. В той же степени неприемлемо «рычать» на своих подчинённых по любому поводу. Ведь человек будет с большей охотой и гораздо лучше выполнять то, что Ты собираешься ему поручить, если Тебе удастся сказать ему об этом благоразумно, коротко и доходчиво. Ни в коем случае нельзя допускать, чтобы Твоего подчинённого посещали даже смутные подозрения в том, что он оказался объектом издевательства и

придинок. И в том – если он приходит к подобным мыслям – исключительно Твоя вина...

Уверенно выйди перед строем! Сам прими уставную строевую стойку! Знай конкретно, что именно Ты хочешь! Мысленно сконцентрируйся и отдай приказ! Какой будет отданная Тобой команда, такой будет и её исполнение. Если же Ты мечешься вокруг да около, словно дворняжка, которая сама не знает, что ей надо, то своей беспомощностью и раздражением Ты заразишь всех окружающих. И не удивляйся потом, если в ответ Ты вплотную столкнешься с вялостью и недовольством своих людей.

Когда Ты вдруг чувствуешь, что совершаешь ошибку, то не проявляй сию же минуту признаков своего волнения! Если из памяти случайно вылетели предусмотренные уставом слова команды, то отдавай её, говоря своим людям напрямик, что приходит Тебе в голову! Имей свою цель перед глазами и неуклонно с этого начинай! Все зависит лишь от цели – и Твои люди, зная это, пойдут за Тобой.

Помни: беспомощная фигура перед строем – ужас всех солдат, и остаётся лишь представить, что было бы, если ураганный огонь их взглядов оказался способным испепелять!..

Громкой предварительной командой заставь своих подчинённых быть внимательными! Вложи всю свою силу в следующую исполнительную команду! Радуйся подтянутости и молодецкой выправке своих людей, не забывай, что ничего нельзя делать наполовину! Если Ты скомандовал: «Смирно!», то не уходи, не отдав команду: «Вольно!» Иначе в строю начнется произвольное движение. А как иначе поступать Твоим людям? Но проявленное ими в этот момент неповиновение – пусть вынужденное и такое незначительное, так или иначе, всё равно остаётся неповиновением, и в этом – опять лишь Твоя вина! Если ситуация требует какого-либо исправления, вноси свои коррективы, отдавая чёткую команду, а не задавая вопросы! Допустим, необходимо подравнять строй шеренги. Сразу же исключи такие речевые обороты: «Чёрт вас подери! Кто там опять выпятил своё брюхо?» Ты задал вопрос, изначально не желая при этом получить на него ответ! Если напротив Тебя в строю окажется совсем зелёный новобранец, он с перепугу может выкрикнуть: «Стрелок Х.!» Как Ты поступишь? Скорее всего, Ты резко оборвёшь его и дашь ему нагоняй, совершая тем самым свою вторую ошибку... Отдай команду: «Стрелок Х.! На три сантиметра – назад!» – и все осложнения устранены. Свою строгость побереги для других случаев, поскольку

для данной ситуации она будет смешна. Смысл краткой команды утрачивается, и, одновременно с этим, оказывается подорванным Твой авторитет, поскольку, если будут смеяться – то смеяться будут не над кем-нибудь, а именно над Тобой!

Приказ содержит иные выражения, если подготовка и срок службы твоих солдат не соответствуют уровню поставленной перед ними задачи. Например, во время тактических занятий на местности Ты собираешься обеспечить охрану своего подразделения, занявшего деревню. Опытному офицеру или унтер-офицеру Ты лишь стоит отдать команду: «Выставить полевое охранение на окраине деревни N. там-то и там-то!» Тот повторяет приказ и отправляется со своими людьми его выполнять, совершенно точно зная, что и как ему следует предпринять.

Но если Ты посылаешь новичка, то, прежде всего, Тебе следует разъяснить ему все необходимые детали. Если Ты стремишься к чёткому исполнению своего приказа, то будешь должен не только проинструктировать подчинённых, но и убедиться в том, что всё Тобой сказанное ими правильно понято.

Может случиться так, что Ты будешь не в курсе чего-либо, входящего в поставленную перед тобой задачу. Из этой ситуации можно выйти таким образом, что эта неосведомлённость не послужит причиной нанесения ущерба Твоему авторитету. Для этого обратись к камраду, которому Ты сможешь доверить выполнение этой задачи. Признайся сам себе, отбросив ложный стыд и стеснение, в том, что Тебе надлежит оказать поддержку наделённому определёнными способностями камраду, а ни в коем случае не строить из себя всезнающего умника!

Главное в этой ситуации – своевременность. Например, Тебе необходимо выставить полевой караул, но, проводя инструктаж, ты, по какой-либо причине слабо владея обстановкой, испытываешь затруднения – скажем, при определении маршрута его движения и конкретного времени возвращения. В конце концов Ты подзываешь одного из своих людей, который, действуя по своему усмотрению и на основании собственного опыта, вновь, и причём, грамотно, начинает объяснять, что и как следует сделать. В подобном случае оказанная с его стороны помощь Тебе на пользу не пойдёт, ибо Ты только что дискредитировал себя в глазах своих людей, пусть даже впоследствии они раз за разом будут добровольно и проявляя образцовую дисциплину, повиноваться Твоим приказам.

Искусство правильного обращения с людьми вовсе не скрывается в таинственных глубинах неразрешимо сложных проблем. Оно проявляет себя в совершенно незначительных на первый взгляд обстоятельствах. Однако из этих – кажущихся мелочами – обыденных вещей и вытекает успешное решение труднейших задач!

Несколько слов о неосведомлённости. Это – нечто иное, нежели глупость. Против надменной самоуверенности и глупости – а часто это практически одно и то же – никаких гарантированных средств не существует. А вот к каким последствиям может привести неосведомлённость, видно хотя бы из примера, свидетелями которого мы довольно часто становились у себя в казармах. Итак: унтер-офицер распахивает дверь помещения для рядового состава: «Кто-нибудь один, ко мне!» «Старым воякам» это не по нутру. Им знаком этот номер, и, лихо заломив фуражки, они вмиг бесследно исчезают. Какая-нибудь невинная овца из недавно призванных на службу, даже не догадываясь о том, что сейчас не замедлит произойти, остаётся на месте. Проходит минута - другая, и на пороге открытой двери появляется унтер-офицер. На его лице читается немалое удивление: «Ах, ты мой сынок! И почему же ты заставляешь меня ждать? Разве я не велел одному из вас зайти? А ну-ка, живо ко мне! Бегом марш!» И молодой солдат щедро получает от унтера «на орехи». Сцена вторая: через некоторое время происходит построение роты, звучит очередная команда; новобранец, только что пообщавшийся с унтер-офицером, проявляя излишнюю суетливость, вновь привлекает его внимание и в наказание вместо положенного отдыха в личное время отправляется заниматься строевой подготовкой... В итоге: острое ощущение досады! При этом спектакле присутствуют всё те же «ветераны», которые в один голос совершенно спокойно, не моргнув глазом, заявляют: «А я-то тут причем?! Мне лично он ничего не говорил!» Последствия: молодому солдату преподали наглядный урок: не зевай, учись «грамотно» уваливать!..

А как было бы правильно? – Открывается дверь... – «Срелок Х.! Ко мне! Приказываю сделать то-то и то-то!» – Команда повторена и исполнена. Ясная, однозначная, обращенная к конкретному лицу команда не дала никакого повода для кривотолков среди остальных. Каждый оказался занят своим делом, никакой досады и никаких осложнений не возникло...

Когда Ты отдаёшь приказ – наблюдай за точным его исполнением! Поэтому остерегайся приказывать что-либо, что заведомо исполнено быть не может!

Не требуй больше того, чем способен продемонстрировать на собственном примере! Поэтому проводи инструктаж своих людей до тех пор, пока они совершенно точно не будут знать, что им следует делать! Человек всегда действует в соответствии с тем, что у него в голове. И, если, например, при команде «Вольно!» твой подчинённый точно знает, как ему следует себя вести – какое положение следует принять, сохраняя равенство и дистанцию в строю – то и дальнейшие его действия будут правильными, а Ты сможешь обойтись без вносящих дополнительные уточнения распоряжений.

Наконец, приказ может иметь и свои определённые тонкости. В этом отношении возможно большое разнообразие вариантов. Мы вынуждены отказаться от их рассмотрения, поскольку это связано с совершенно иными вещами, такими, например, как соразмерность уровня воспитанности людей и полученной ими подготовки. Так, поскольку нарочитая грубость и резкость вовсе не являются основной сущностью распоряжения, то и высказанные в штабе полка «пожелания» в адрес входящих в его состав подразделений являются ничем иным, как отданным приказом, который, равно как и «просьба» командира к своим младшим офицерам, влечёт за собой безоговорочное и немедленное повиновение. В подобной ситуации необходимость повиновения является настолько очевидной и само собой разумеющейся, что начальнику не приходится тратить лишних слов и вряд ли необходимы какие-либо дополнительные намеки.

Чем лучше отлажено взаимопонимание руководителей и подчинённых, чем большей духовной силой их наполняет соразмерность уровня знаний и воли служить высшей идее, чем большее количество тех и других обладает разнообразными характерными положительными качествами, тем более удачно формируются между ними отношения, накладывающие свой отпечаток с одной стороны – на приказ, а с другой – на его исполнение. Старшему командиру остается тогда только лишь поделиться своими замыслами со своими людьми. Да и это, в конце концов, вовсе не в каждом случае обязательно, поскольку его подчинённые, хорошо зная своего начальника и чувствуя его намерения, расценивают их как уже отданный приказ. В данном случае необходима возможность предоставления младшему

командиру свободного поля в сфере его компетенции для принятия им собственных решений и совершения самостоятельных действий. Это, безусловно, предполагает достаточно большую степень уверенности в своём подчинённом. Лишь тот, кто уверен в значимости приказа и точно знает его причину и последствия, способен воспитать в себе уверенность в необходимости безоговорочного повиновения, и лишь тот, кто абсолютно уверен в повиновении своим приказам, способен – со своей стороны – добиться верховенства в той сфере, где отдавание распоряжений входит в его обязанность.

Когда в ходе наших рассуждений мы берём за основу примеры, взятые из мира солдатской жизни, то это отнюдь не означает, что мы тем самым собираемся обратиться лишь непосредственно к солдатам, т. е. к людям, в чьи руки Родина вручила оружие. Напротив – мы рассматриваем определённые правила, являющиеся общепринятыми и действующие практически повсюду. Самое существенное из приведённых здесь примеров возможно перенести на все слои нашего народа и на всё имеющее место в его жизни. Закон приказа и повиновения сопровождает нас вплоть до отношений в семье. Ещё будучи ребёнком, человек получает обращённые к нему распоряжения своих старших родственников; уже из интонаций материнского голоса он слышит, следует ли ему повиноваться немедленно или ещё можно повременить, а, может, и вовсе отказаться от выполнения того, чего она хочет от него добиться.

Матери слишком легко совершают ошибку, смотря на это сквозь пальцы. Порой они не уделяют достаточного внимания точному исполнению своих распоряжений и в один прекрасный день приходят к мучительно тяжёлому выводу, что их дети вдруг оказались словно чужими. Командовать, конечно же, не женская задача, но, тем не менее, долг женщины перед своими детьми заключается в способности проявить волю в процессе их воспитания. И в трудовой жизни мы также встречаем немало женщин, в чьи обязанности входит отдавание распоряжений. Поэтому приведённые нами солдатские примеры могут быть полезны и германским женщинам.

Искусство отдавать распоряжения

Правильно отдать распоряжение нелегко. Об этом уже известно ставшим родителями молодым супругам. Но если это трудно даже в семейной жизни, которая, в той или иной степени, полна любви, заботы, надежды и радости, сколь сложнее становится отдавать приказы, когда мы сталкиваемся с невежеством или непроходимой тупостью и злобой!

Как и везде, где людям, умеющим что-либо делать самим, приходится учить этому других, здесь мы также встречаем мастера и ученика. Среди людей, в чьи обязанности входит отдавание распоряжений, мы находим таких, кто делает это уверенно с безошибочной интуицией и тех, кто своими приказаниями крушит всё вдребезги вокруг себя. Мы знакомимся с подлинными художниками, с посредственностями и откровенными дилетантами в сфере руководства и отдания распоряжений. Правильно отдать приказ – это искусство, владение которым, собственно, и означает ничто иное, как умение правильно вести за собой людей и при этом обращаться с ними как можно более справедливо. Скрытое внутри, самое жёсткое требование, заключенное в приказе, возвращается к нам, этот приказ отдавшим. Мы не можем ожидать абсолютного повиновения, когда наша сила духа, формирующая приказ, недостаточна. Если мы ленивы, то вряд ли мы можем требовать от других, чтобы они проявляли усердие. Нельзя забывать, что приказ связан с подаваемым примером.

Положительные эмоции наполняют нас энергией, когда нам повинуются с охотой. Но нельзя бояться сделать себя непопулярными в тех случаях, когда мы настаиваем на повиновении тех, кто полагает, что для них, являющихся по отношению к нам «хорошими друзьями», повиновение это вовсе не обязательно. Мы не можем позволить себе смущение, когда видим, что иные способны повиноваться, лишь скрипя зубами.

Вообще, в первую очередь всё и всегда определяется повиновением и от него зависит. То, что требует в процессе обучения и воспитания более лучшего понимания, отходит на второе место. Повиновение приказу и сам приказ образуют такое же единое целое, как и ответственность за его отдавание и исполнение.

Приказ должен быть определённым и понятным. Его отдают в тот момент, когда он должен быть отдан – не раньше и не позже. Он

никогда не должен быть результатом настроения, поскольку последствия не заставят себя ждать, ибо точно так же – по настроению – будут и повиноваться.

Нам хочется, чтобы наши распоряжения были адресованы подчинённым, которые повинуются с легким сердцем и исходя из понимания наших общих целей и задач. На этом основании мы в своих приказах должны стараться избегать всевозможных совершенно ненужных осложнений и остерегаться унижительной опеки, которая точно так же совершенно ни к чему и нам самим.

Из Твоей манеры отдавать распоряжения внимательный наблюдатель может извлечь важные для него выводы. Самым же внимательным наблюдателем всегда является тот, кто обязан тебе повиноваться. Из определения, является ли Твой приказ настолько однозначным и предельно ясным, что его невозможно превратно истолковать и переиначить, что в нем нет страха ни перед чем, что может встать на пути его исполнения или в нем сквозит некое опасение – следует оценка Твоего характера, Твоих знаний, Твоей воли. Когда Ты подробно указываешь все мелкие детали, входящие в сферу компетенции исполняющих Твой приказ, создаётся мнение о степени Твоего благоразумия. И уж ни в коем случае не будет упущена из виду и такая – иначе и не назовешь – пронырливость, когда в отдаваемом приказе явственно ощущается предусмотренная возможность при первом же удобном случае свалить свою ответственность на других.

Поэтому всегда отдавай приказ только в нужное время и лишь тогда, когда это действительно необходимо!

Неси постоянную ответственность за отданный Тобой приказ!

Наблюдай за исполнением твоих приказов!

Избегай «приказов», которые напичканы разнообразными «ЕСЛИ» и «НО» – это поможет избежать всевозможных «подводных камней» в первую очередь Тебе самому и избавит от искушения переложить ответственность на других.

Проводя инструктаж, изъясняйся лаконично и без затей!

Отдаешь ли Ты приказ или докладываешь о его выполнении – говори чётко и просто!

Не приказывай того, что не может быть выполнено!

Не запрещай того, что, так или иначе, но всё же будет нарушено!

Никогда не требуй невозможного!

Не строй из себя сильную личность!

Все мы знаем досадные примеры, когда некто, позволивший – вследствие личной халатности и безалаберного попустительства – укорениться среди своих подчинённых распущенности и откровенной лени, внезапно ударив с размаху себя в грудь, пытается самым решительным образом заново навести строгий порядок: «Отныне и впредь в любой ситуации я буду требовать от вас безоговорочной пунктуальности!» Его люди стоят и смотрят, как он приходит в ярость, но это им не в первой... Саркастически ухмыляясь про себя, они остаются абсолютно равнодушными. Им известно: спустя – самое большее – дня три, всё обратно войдет в прежнюю колею, поскольку его решимость испарится неведомо куда – ведь тому, кто небрежен, начинать наведение порядка следует с самого себя, а вот это для него – начиная с раннего утреннего подъема – и есть самое трудное...

Руководитель! Ведя своих людей за собой, Ты должен быть для них лучшим из камрадов! Но при этом Ты обязан оставаться их начальником. И именно поэтому отдавание Тобой распоряжений становится труднейшим искусством. Твой приказ имеет двустороннюю опору: твой авторитет и дисциплину Твоих подчинённых камрадов. Сила и власть приказа – это самая тяжёлая часть в овладении Тобой стилем и методами правильного руководства. Это зависит только от тебя – наполнить ли своих людей воодушевлением или самому возрастить в них протестный настрой. Твой долг – внимательное отношение к соблюдению границ своего умения в обращении с подчиненными. Ты можешь запросто нанести весомый ущерб тому ценному, что есть в доверенных тебе людях. То, что Ты испортишь, необходимо исправить, но справиться с этой задачей будет крайне сложно. Тот, кому суждено отдавать приказы,

обязан учиться делать это таким образом, чтобы его люди могли повиноваться с лёгким сердцем.

Довольно часто принятие мер по наказанию за неповиновение скорее является не столько сильной виной того, кто повиновался плохо или отказался повиноваться вообще, сколько того, кто плохо отдал приказ. От оправданного недовольства, виновником которого явились отсутствие способностей или необдуманные действия начальника, до неповиновения – в подавляющем большинстве случаев – лишь один короткий шаг!

Таким образом, образцовая дисциплина есть не одно лишь безоговорочное повиновение подчиненного, но и авторитет его начальника! Авторитет – это не только уверенность в исполнении отданного приказа, но и – более того – оправданное доверие, к завоеванию которого следует стремиться и которое необходимо неизменно подтверждать.

Приказ и повиновение базируются на объединяющем их едином смысле. И отдающий приказ обязан знать этот смысл, ибо в ином случае – он не приказывает, а всего лишь впустую сотрясает воздух. Этот смысл должен быть предельно ясен и для повинующихся; добиться этого – дело их командира, иначе подчинение приказу и затраты сил на его исполнение будут казаться его людям бессмысленными. Повиновение такого рода станет подобно слепому повиновению кадавра, в то время как существует непрменная необходимость в неразрывной живой связи между тем кто приказывает и теми, кто повинуются – с одной стороны, равно как между ими обоими и целью, которой они должны и намерены вместе достичь – с другой.

Вступающий в сражение стрелок должен быть осведомлен о взаимосвязанности всех обстоятельств, касающихся исполнения им своих обязанностей, иначе на поле боя он окажется подобен автоматическому механизму, у которого отсутствует осознание себя, как немаловажной части общего целого. Это лишает человека возможности действовать в соответствии с поставленной целью. Знающий своё дело командир даёт своим людям истинную картину положения вещей в таком объёме и настолько часто, насколько он в состоянии это сделать. Благодаря такой позиции налаживается крепкая взаимосвязь между ведущим и ведомыми, которые вновь и вновь ощущают себя идущими вслед за своим командиром. Возникшее в результате доверие к руководству не исчезнет даже в том

случае, если вдруг оборвутся все связи, и вынужденно оказавшийся в одиночестве подчинённый останется предоставленным самому себе. Что бы ни случилось, он, наперекор создавшейся его положению угрозе и вопреки отсутствию рядом кого бы то ни было из своих, будет уверен: все под контролем, и «вышестоящим» прекрасно известно обо всем, что происходит! Обученный доверию, он не сомневается в том, что где-то там все нити собраны в одной сильной руке. Именно так, благодаря тому, что младший командир создаёт доверие к отданному приказу, разъясняя своим людям его смысл, и зарождается, крепнет и остается незыблемым доверие подчиненных к высшему руководству.

Сказанное справедливо не только для военной жизни. В мире политической борьбы дело обстоит точно так же: связующее звено между «верхними» и «нижними» неизменно носит одно единственное название – взаимное доверие! Это звено позволяет сохранить прочность и общую целостность даже в те моменты, когда говорить напрямую о том, что происходит – нельзя, когда подслушивает враг, когда обстановка складывается таким образом, что возможности подробно разъяснить ситуацию каждому в индивидуальном порядке больше не существует.

Пулемётчик видит сражение лишь сообразно с углом снопа траекторий своего пулемёта. Поле же зрения командира отделения этими рамками не стеснено. Но и пулемётчик, и командир отделения должны знать характеристики сектора обстрела всей роты, равно как и иметь представление о положении на флангах своего подразделения. В большинстве случаев солдату достаточно того, что связано с обстановкой в его роте. Для сотни людей личного состава роты средоточием всех понятий – таких, как: «приказ», «опасность», «смысл происходящего», «доверие» – является их ротный командир. Всё то, что находится вне этого – как правило, выпадает из их поля зрения.

Те достойные качества, которым было суждено пройти испытания временем и которыми гордятся огромные и прославленные армии, должны присутствовать, получая дальнейшее укрепление и развитие, уже в подразделениях численностью порядка сотни человек.

Весьма важное значение имеет способность предоставить достаточную свободу действий мастерству других. Когда хочется всё осмыслить и направить в нужное русло приказами, отданными на основании лишь собственного видения ситуации, то в результате

подчинённые оказываются склонны к буквальному исполнению только того, что им приказано, в то время как даже самый опытный командир, привычно отдавая распоряжение, может иной раз что-либо упустить из виду или забыть.

В этом кроется ещё одно серьёзное основание такого неприятного факта, что порой остаётся незавершённым многое из того, что можно было бы довести до конца. Никто этого не видит, никто не предъявляет обвинений, но ущерб имеет место, хотя никто сразу его не ощущает и не в силах точно его оценить. Об этом необходимо помнить всем тем, в чьи обязанности входит отдавание распоряжений. Они не вправе позволить запугать себя всякого рода сомнениям, что на просторе предоставленной ими для своих подчинённых свободы действий однажды может произойти нечто ошибочное. Добрый совет и одобряющее слово достигнут гораздо большего, нежели «кислая мина», ругань или лишённые всякого смысла взыскания. Успех, достигнутый на основании самостоятельного принятия решений младшими командирами, должен вызывать у их начальников ни в коем случае не ревность, но ощущение сопричастности к общей радости и глубокую признательность!

Конечно же, глядя с большого расстояния, невозможно в отдаваемом приказе подробно указать на каждую мелкую деталь. Принятие во внимание этих деталей естественным образом связано с общей и целой направленностью усилий, прилагаемых для достижения конкретно поставленной цели. Вот в этих рамках и определили границы самостоятельности своего младшего командного и рядового состава! Тем самым будут устранены причины неудач, таящиеся, прежде всего, в том, что даже самый опытный командир может что-либо случайно упустить из вида, вследствие чего его подчинённые окажутся не в состоянии выполнить поставленную перед ними задачу.

Принято считать, что действие, оказавшееся правильным, следует воспринимать как исполнение приказа, в котором с высокой долей вероятности смог быть указан общий ход предполагаемого развития событий. Этим, конечно же, не даётся поддержка тому, кто бездействуя, пускается в оправдания, что ему толком никто ничего не разъяснил, и он, видите ли, пока не знает, окажется ли то, что он сделает сейчас, правильным впоследствии. Здесь всё будет зависеть только от одного: обладает или нет стоящий перед нами подчинённый сильным характером. Тот, кто обладает мужеством без колебаний и

промедлений действовать, согласно своему опыту и велению совести, проникается смыслом того, что ему предстоит выполнить, даже если он не получает приказ, в котором буквально всё разжёвано и разложено по полочкам!

В конце концов, когда действие подчинённого окажется впоследствии ошибочным – это будет вовсе не так плохо по сравнению с тем, когда он, засунув руки в брюки, ждал у моря погоды и не делал вообще ничего. Если же он и сделает что-либо не так, то не следует налагать принципиальный запрет на те его действия, что позднее в похожей ситуации способны принести нужный результат. Сломить мужество к совершению поступка недопустимо, ибо, вопреки возможным ошибкам, полные осознанной ответственности решительные действия почти всегда являются предпосылкой достижения успеха! Неумная и неправильная оценка отнюдь не развивает повышение готовности пойти на самостоятельный поступок. Скорее, она является виной тому, что способные сослужить немалую службу силы оказываются в дальнейшем подорванными или полностью парализованными.

Когда не получает поддержки чувство уверенности в самостоятельных действиях, то одновременно с этим подготавливается почва для возникновения страха – но не страха перед неизвестным, враждебно ожидающему нас впереди, а страха перед начальником, иными словами – перед старшим товарищем, стоящим за нашей спиной. Начальник может быть не всегда любезен, однако, от этого он, отдавая приказы и критикуя наше поведение, вовсе не перестаёт быть нашим товарищем и другом, и в качестве благодарности за это всегда может положиться на нашу надёжность и участие всем сердцем в нашем общем деле!

Возникновение противоречий

Возможные расхождения во взглядах и возникшие вследствие их противоречия весьма разнообразны. Они могут проявляться в виде критики, демонстрации своеволия и упрямства, дерзости и даже в отказе выполнять приказ. Иной раз причина имеющих место противоречий может оказаться достаточно уважительной, и в таком случае все возражения просто обязаны быть высказаны и приняты во внимание.

Начнём с критики. Она тоже бывает разной. Будучи обоснованной, она может оказаться весьма полезной и поучительной. Критиковать следует в высшей степени тактично, осознавая необходимость самодисциплины. Обсуждая среди единомышленников какую-либо тему, можно беседовать, соглашаясь или отвергая ту или иную мысль. Критика, высказываемая в этой ситуации с целью содействия и поддержки, в состоянии помочь готовому к ней человеку справиться со стоящей перед ним задачей гораздо лучше. Однако, случается, что критика оказывается деструктивной. Во время принятия того или иного решения не исключено присутствие волков в овечьей шкуре, которые могут внезапно вывалить на стол некие «факты», вольно или невольно парализуя тем самым веру окружающих в общее дело и подрывая силу их духа. Тот, кто делает это намеренно – прожжённый склочник с камнем за пазухой. Он ни на что больше не годен, кроме как мешать с грязью любую полную самых добрых намерений идею и любой достойный поступок. В глубинной же сути он является лишь марионеткой своих страстей. Совершающим самостоятельные поступки человеком его назвать нельзя, ибо для действия он не создан и способен лишь вставлять палки в колеса там, где другие делают своё дело.

Упомянув о противоречиях в смысле упрямства, сопротивления приказу или уклонения от его исполнения, мы не станем тратить лишних слов. Подобных явлений для национал-социалиста попросту не существует, и сами эти понятия для солдата Гитлера являются совершеннейшим абсурдом.

И, всё же, ещё остается кое-что, чему мы сами для себя должны дать чёткую оценку. Расхождения во мнениях могут выглядеть так, что причины, их побудившие, нельзя будет назвать протестными. Примером тому могут служить указание на чужие ошибки или

правомочное и своевременное внесение способного улучшить положение дел замечания. Здесь все зависит от способа и манеры излагать свою точку зрения при возникновении этих так называемых «расхождений» во мнениях. Находясь в строю, мы принципиально соблюдаем молчание и безоговорочно повинujemy приказу. Иначе мы поставим с ног на голову железные и неприкосновенные законы дисциплины. Однако, мы уже увидели, что означает быть руководителем, ведущим своих людей за собой. Такой руководитель должен и обязан стараться отдавать распоряжения таким образом, чтобы исключить предпосылки для возникновения противоречий, поскольку подчинённый не только лишь повинует, но и думает вместе со своим руководителем. И то, что это на самом деле так – хорошо: кому из руководителей захочется отдавать приказы тупоголовым глупцам и марионеткам? Ход мыслей руководителя и подчинённых должен совпадать, поскольку преследуемая ими цель – общая.

Бывает, что кто-либо из нас может попасть в тупик – к примеру: «ЗА» и «ПРОТИВ» по отношению к распоряжению начальника на тот момент, когда он уже отдаёт распоряжение или только собирается это сделать, взвешены еще не полностью. Поскольку Ты обязан безоговорочно повиноваться, о возможных упущениях Ты узнаешь лишь под конец. Ты вправе соответствующим образом доложить о своих соображениях. Но после этого Ты приступаешь к исполнению распоряжения, ибо теперь полную ответственность несет Твой начальник. В данном случае подобные мотивированные возражения не имеют ничего общего с дерзостью. В то же время, они требуют, как уже было сказано, большого такта и – вместе с тем, ведь Ты и сам легко можешь допустить ошибку – мужества! Если решивший заявить о своих «расхождениях во взглядах» должен обладать необходимым чутьём, которое подскажет ему правильную манеру для изложения своих взглядов, то тому, кто выслушивает эти возражения, как его начальнику, необходимо быть понимающим и достаточно благоразумным человеком. Для сильного духом не только терпимы, но и желательны возражения такого рода. Ему известно, что он – не Господь Бог, и, всячески приветствуя тактичность и сообразительность своих подчинённых, он будет только рад узнать новый вид проявления подлинно крепкого товарищества. Тот же, кто мелок душой – буквально задыхается, слыша возражения других,

будучи не в силах вынести саму манеру подобного благородного заявления о расхождении с ним во мнениях.

Существуют ситуации, в которых истинный руководитель напрямую требует от своих подчинённых откровенно высказать иную точку зрения и предложить лучший, по их мнению, вариант решения поставленной задачи. И когда в итоге он отдаст своё распоряжение, то оно будет выполнено не за страх, а за совесть. И любой ценой!

Человеку необходимо сохранять уверенность в том, что он является собой важную неотъемлемую частицу общего целого. Он должен осознанно вносить свою помощь в великое совместное дело и сам, с легким сердцем и открытой душой, делать то, что обязан сделать.

Если это войдет в привычку и станет нормой жизни даже в самом малом – ничто не сломит человека, когда ему вдруг придётся повиноваться, не получив никаких предварительных объяснений по поводу того, чему именно на данный конкретный момент его повиновение служит. Безоговорочное повиновение возникает благодаря безусловному доверию к тем, кто отдаёт распоряжение. Завоевать это доверие и сохранять – одна из важнейших задач руководителя. И достойно справиться с этой задачей в будущем необходимо точно так же, как это было необходимо до сих пор!

Излишние словоизлияния у нас не в чести. Но, если Ты хочешь узнать, что у твоего камрада наболело в душе, то должен предоставить ему возможность полностью высказаться. Во время строевого смотра или иного построения подобное исключено. Для этого не подходят и разного рода массовые мероприятия. Но, скажем, под завершение собрания партийного подразделения, его командиру было бы совсем неплохо проявить обеспокоенность по поводу как личных, так и служебных проблем своих людей. Всё заслуживающее серьёзного внимания и необходимое доводится им до сведения старшего руководителя, который, действуя в свою очередь в таком же духе, докладывает по команде о самом, по его мнению, значительном в «вышестоящую инстанцию». Здесь самое главное не забывать: ни одному важному сообщению не допустимо застрять где-то на полпути!

Дисциплина

Однажды мне довелось довольно долгое время наблюдать за возведением моста через реку. Сперва мне казалось, что среди его строителей царила всеобщая неразбериха. Но мне это лишь именно казалась до тех пор, пока при более внимательном рассмотрении я не открыл для себя внутренний порядок происходящего, и гармония взаимодействия множества самых разнообразных сил не стала для меня очевидной. Шла напряжённая целеустремленная работа, и сооружаемая конструкция постепенно обретала зримые очертания и формы. Множество глаз было обращено на человека, который управлял всеми движениями усердных рук. Он действовал весьма обдуманно и уверенно. И точно так же – обдуманно и уверенно – другие исполняли его распоряжения.

Выбранное для строительства место, равно как и масштаб организации работ были отнюдь не произвольными: использование людей и стройматериалов с самого начала соответствовало плану, который производитель работ держал в своих руках. Он не отступал от этого плана сам и, одновременно, внимательно следил за тем, чтобы никто иной – вследствие неправильного понимания или своеволия – не уклонялся от точного исполнения его указаний.

Заранее – прежде, чем в его руки были доверены технические средства и строительные материалы – он был знаком с их качественными характеристиками и областью применения. Он ясно видел поставленную цель и знал точный путь к ее достижению. Он знал: здесь – именно в этом месте, а не в каком-либо ином, будет вбита первая свая, а в этом – точно рассчитанном и отмеченном на чертеже, точка в точку, без малейшего отклонения влево или вправо – последний пролёт моста коснется противоположного берега. Ему изначально было известно, какой окончательный вид будет иметь возводимое сооружение. И внести хотя бы малейшее изменение в процесс исполнения принятых решений было уже не в его силах.

Схема и описание технологического процесса являлись для него раз и навсегда принятым законом, которому он безоговорочно был подчинён. Он доподлинно знал: ему поручено руководить строительством, и будет оно закончено удачно или нет, зависит от того, каким образом лично он будет исполнять вверенный ему план. Для всех остальных точно так же разумелось само собой, что если они ни в чём не хотят замедлить ход общего дела или сорвать его

успешное завершение, они должны неукоснительно следовать указаниям своего руководителя.

Перед глазами стороннего наблюдателя разворачивалась разноцветная и полная отдельных фрагментов картина, и он, увлечшись её созерцанием и отдавая дань почтительности занятым созидательным трудом людям, которые здесь – подгоняли приготовленные к укладке камни, а там – дружно крикнув: «Раз - два! Взяли!», перетаскивали тяжёлые железные шины, упорно противостоя их гнетущей силе, сначала даже и не задумываясь о том человеке, чьим указаниям эти люди следовали. Распределившись по соответствующим участкам работы, они направляли свою волю на претворение в жизнь намерений того, кто пронзил своей мыслью пространство и время, будучи подвластен родившейся в его голове идее – именно в этом месте связать берега между собой. Может статься, что человек этот уже давно покинул этот мир – вероятно, отпущенное ему время оказалось ещё не готовым к осознанию его важной идеи; а, может быть, он, никому не известный, находится сейчас среди нас...

Тот факт, что начало любого нового дела есть творческая мысль, мы замечаем лишь тогда, когда усилия, приложенные к решению той или иной задачи, выливаются в окончательное достижение поставленной цели, то есть, когда идея и ее реализация обретают единство. Подобно тому, как в намертво сомкнувшемся звене стальной цепи мы видим единое целое, мы наблюдаем, как в круговом цикле созидания непосредственно друг за другом следуют первая мысль, твёрдое намерение претворить ее в жизнь, планомерное воплощение и, наконец, успешное завершение, которое постепенно и незаметно вновь оказывается неразрывно связанным с исходным пунктом, то есть – с идеей.

...Перед собой я пока ещё вижу суету и толчею. Но уже скоро мост будет выстроен: тогда станет воочию виден смысл нелёгкого труда и осуществляться планы того, кто мысленно опережая своё время, решил внести рациональное улучшение в развитие этой частички родной земли, наладив наконец столь необходимое, но до сих пор отсутствующее прямое сообщение между тем и другим берегами протекающей здесь реки. У этого человека была цель – воздвигая новое сооружение, он служил общему благу всего своего народа. Смыслом этой цели был мост, а средством к реализации его замыслов – люди, различные механизмы и материалы. И сейчас его идея

приближается к своему воплощению в жизнь. Поставленная им цель со дня на день будет достигнута.

И с этого момента наш мост станет для нас значить нечто большее, чем завершённая картина, возле которой мы стоим, любуясь её красотой. Ведь с этим мостом будут отныне связаны незримыми нитями не только все те, кто хотя бы раз по нему прошёл, но даже тот, для кого на другой берег везёт в своей сумке письмо почтальон. Но, конечно же, крепче всего и на все времена с этим мостом будут связаны имена тех, кто принял участие в его строительстве.

Под этим участием следует подразумевать не только одну произведённую работу, но и внутреннюю точку зрения этих людей на свой труд, их поведение между собой и позицию, занимаемую ими по отношению к подчинённым и начальникам. Эти человеческие взаимоотношения имеют гораздо большее значение, чем это кажется, и оказываются важнее, чем опорные колонны и пролёты нового моста, ибо люди, вложившие свой труд в решение этой задачи, завершая свой земной путь, не уходят в могилу, расставшись с нами навсегда, но продолжают жить как активная часть нашего народа, внося свою лепту во многие его новые свершения. Вечно и неустанно вращается колесо бытия, и мы несём ценности своего времени в будущее, шаг за шагом увенчивая успехами своего созидательного труда соответствие наших идей с их осуществлением и претворением в жизнь.

О необходимости этого внутреннего соответствия сегодня знает каждый германец. Он знает, что отдельно взятый человек не значит в нашей жизни ничего, народ же – абсолютно всё. Верной же позицией, занимаемой по отношению к нашему труду является осознание нерушимой взаимосвязи со всеобщим целым – с нашим Народом и Отечеством. Именно так мы лучше всего и понимаем своё мировоззрение, когда провозглашаем: национал-социализм – есть служение Народу и Отечеству!..

Но что же привело на строительство нашего моста и связало здесь воедино его отдельных участников – тех, кто подбадривая друг друга, устанавливал несущие металлические конструкции и их бригадиров, плотников, каменщиков и чертёжников из конструкторском бюро, и что определило их позицию? Необходимость в средствах к существованию? Но ведь кому-кому, а квалифицированным работникам вовсе не было никакой нужды идти на эту стройку из-за заработной платы! Мы могли бы представить на их месте рабочих без специальности или солдат – и конечный результат оказался бы тем же

самым. Что же тогда стало решающим для этих людей в том, как они действовали, не испытывая при этом никаких сомнений в правильности своих поступков? Уж не страх ли перед наказанием?

Рабочий, и это разумеется само собой, должен получать вознаграждение за свой труд, и, притом, справедливое вознаграждение! Однако, выполняя свою работу, он в первую очередь думает вовсе не о причитающейся ему денежной сумме, а о деле, которое вследствие этого приобретает ещё большую ценность, несопоставимую с издержками на выдачу ему заработной платы. Человек, исполняющий свой долг, неважно – будь он рабочий или солдат – посвящает этому не только своё умение и мастерство, но и свою душу, даря ему не одну лишь силу своих рук, но и частицу своего сердца. И забыть это мы не в праве никогда! Благодаря пониманию этого, мы, в общем и целом, учимся быть благодарными окружающим нас людям. Мы учимся и более справедливо думать о тех из них, кто по какой-либо причине нам не нравится. Народ – это не одна лишь обособленная и замкнутая в своём кругу элита, у представителей которой мы не отыщем практически ни одного изъяна. Бытие народа так или иначе неотъемлемо включает и то, что нуждается в каком-либо исправлении или улучшении. И, опять-таки, давайте не будем проходить мимо такой истины, что даже у того, кто менее всего приятен нам лично, также, безусловно, есть какие-либо свои определённые преимущества...

Как Вы считаете: солдат исполняет поставленную перед ним задачу лишь из страха перед наказанием? Несомненно, что в виде исключения может быть и так. У настоящих же солдат, у которых есть настоящие командиры, основные мотивы поступить именно таким, а не иным образом, возникают из силы характера. Да у этих солдат даже и мыслей нет о штрафных параграфах устава!

Женщины и мужчины, которые трудятся во имя Германии, отдавая ей всю свою веру и любовь, и чья верность повелела посвятить жизнь Отечеству, являются подлинными героями, вновь и вновь день за днём воздвигающими памятники немеркнущей славы неуклонной устремлённости германских людей ввысь. Благодаря одновременно прилагаемой силе их рук, духа и сердец приобретает свои чеканные формы глубинная внутренняя закономерность германского порядка.

Не денежное вознаграждение, не страх перед наказанием должны указывать человеку его обязанность быть на том или ином месте, но

высочайшее сознание необходимости объединения всех нравственных сил в достижении общей цели, которая для нас неизменно выливается в понятие «Германия»! Всё, что делает возможным управлять этим могучим потоком, аккумулируя и обращая во благо его силу, мы называем Дисциплиной.

Каждому осознающему свою ответственность подлинному руководителю стоит периодически проводить со своими людьми беседы на эту тему, даже если иной раз может сложиться так, что ему самому в данный момент следовало бы ещё кое в чём подучиться у своих подчинённых. При ближайшем рассмотрении окажется, что германский человек уже стоит на довольно высокой ступени – он подвергает себя упражнениям в соблюдении дисциплины, зачастую даже не задумываясь об этом. Дисциплина заложена в самой породе германца, она – у него в крови! Имея тонкое ощущение того, что и как именно должно происходить, он редко называет своим именем столь характерные для него образ действий и манеру держать себя. Ему известно, что должен делать непосредственно он сам, но он также в точности знает и о том, как – правильно или ошибочно – действуют по отношению к нему другие. Всё ошибочное, оказывая оскорбительное и разрушительное воздействие, наносит раны человеческой душе, в которой живут чувства правомочности и справедливости, радость созидания, внимание и уважение к ближнему, доверие к руководству. Самым ценным достоянием Германии являются души её сыновей. Что было бы с Германией, если бы ей не принадлежали их благодарность и преданность? Испорченный сын – это потерянный сын. Однако, Великая Германия нуждается во всех своих сыновьях, и среди этих сыновей нет таких, кто вдруг оказался бы ей не нужен. Поэтому совершенно недопустимо, чтобы душа хотя бы одного из них оказалась испорчена и разрушена какой-либо несправедливостью. Решая стоящие перед ней великие задачи, Германия нуждается в людях, чей образ мыслей велик, кто подтверждает собственное величие своими поистине великими свершениями, искренней любовью и нерушимой преданностью!

В этом отношении мы все несем ответственность друг перед другом. Нас неразрывно связывает одновременное пребывание – локтем к локтю, плечом к плечу – в одном строю. Руководящая деятельность на любом уровне и любого вида налагает на нас долг. Ошибочно понимающий свою задачу руководитель слишком легко склонен всего лишь требовать что-либо с тех, кто обязан ему

повиноваться. Подлинный же руководитель знает, что, прежде всего, он должен предъявлять требования к самому себе.

К сожалению, нередко приходится сталкиваться с привычкой иметь представление о дисциплине, как о чем-то одностороннем: считается, что речь идёт лишь о безоговорочном повиновении подчинённого. Попробуй как-нибудь задать своим людям вопрос, что именно они понимают под дисциплиной. И они, наверняка, ответят Тебе примерно так: «Повиновение!» Или: «Обязанность стоять по стойке «смирно» и держать язык за зубами!» А вот услышать в ответ: «Доверие – внимательное отношение – понимание – уважение – благодарность!» – тебе, скорее всего, удастся не часто...

Поинтересуйся также, что думает по этому поводу и кто-нибудь из тех, в чьи обязанности входит отдавать распоряжения, и пронаблюдай – заведёт ли он разговор о своем долге по отношению к подчинённым с самого начала или вскользь упомянет о нём в самых общих чертах. В большинстве случаев Ты будешь вынужден констатировать: чёткое понимание того, о чём шла речь в нашем примере строительства моста, а именно – что лишь благодаря гармоничному взаимодействию всех сил достигается цель, надёжную дорогу к достижению которой обеспечивает дисциплина всех участников общего дела – пока, увы, отсутствует...

Под дисциплиной нам следует понимать нечто, неизменно образуемое двумя составляющими. Во внешнем дисциплинированном поведении мы видим манеру держать себя, напрямую регулирующую отношения одного человека с другим или с обществом в целом. Дисциплина же внутреннего вида, по всей видимости, заключена в частной жизни отдельной личности и, не вступая в непосредственное отношение с окружающим миром, связывает и формирует силу духа человека из образа его мыслей, его взглядов и убеждений. Она защищает от язвительных уколов всего ничтожного и мелочного, попадающего на нашем пути. Она ведёт к более высокому уровню бытия и не позволяет измельчать нашим душам.

Дисциплина – это авторитет в глазах нижестоящих и повиновение вышестоящим, но то и другое накрепко связаны между собой взаимными доверием и верностью. Авторитет Ты можешь заработать, но основным элементом – силой благородной души – Ты должен обладать изначально. Если вследствие проявляемого Тобой усердия возрастают знания и мастерство находящихся под Твоим началом людей, если благодаря Твоей верности крепнет их выносливость и

стойкость, когда Твой личный пример служит поддержкой более слабому, то за свой авторитет в их глазах Ты можешь быть спокоен. Из этого следует, что тому, кто борется за один лишь свой авторитет, опереться-то, на самом деле, и не на что. Он может быть всего лишь деспотом, который держит вверенных ему людей в целиком и полностью зависимом от него положении. И если они в ответ на его надменное поведение и ругань продолжают держать рот на замке, то это является итогом отнюдь не соблюдаемой ими дисциплины, но страха или хитрости. Но такое господство – уж авторитетом его не назовешь никак – с самого начала держится на глинянных ногах.

Превосходства можно добиться благодаря отнюдь не высокомерию и свирепым воплям, но лишь в процессе суровой работы над собственным духом и характером. Спокойно и без лишней подчёркнутости проявляя перед подчинённым преимущество своей внутренней силы, Ты убедишься, что находишь признание в его глазах, даже оставаясь скромным. Приказывай ему и строго спрашивай с него, коль скоро в этом есть необходимость, но делай это, соблюдая определенные пределы, полностью осознавая свою ответственность за доверенных Тебе людей и достижение поставленной цели. И он будет Тебе повиноваться, но повиноваться, исходя из сознания собственной сопричастности к достижению общей цели. Полученные распоряжения будут встречены им с легким сердцем, полным доверия к Тебе.

Тем самым не говорится, что Ты должен быть чересчур чувствителен и «галантен». Подчинённый неизменно ожидает, что с ним будут обращаться, как с подчинённым. Снисходительность и поблажки часто берут начало в инертности и нежелании испытывать лишние неудобства, оказывают разлагающее воздействие и, в конце концов, приводят к бессилию. Полный же энергии личный пример, напротив, увлекает за собой находящихся под Твоим началом. Не воспринимай трагически, если придётся услышать, как они костерят тебя почём зря за Твоей спиной. Во многих случаях – это всего лишь устоявшаяся привычка, которая, конечно же, не может быть отнесена к числу хороших, но, тем не менее, иногда освобождает от накопившегося излишнего внутреннего напряжения. Но сам Ты, что бы ни произошло, нигде и никогда не ругай своих людей за глаза! Всё, что считаешь нужным сказать, говори им прямо в лицо! Мы все вообще должны с максимальной принципиальностью приучить себя

говорить о другом человеке только лишь то, что он смог бы услышать лично и непосредственно от нас.

Если, отдавая приказы и распоряжения, Ты довольствуешься общением со своими людьми на дальней дистанции – поскольку, например, для тебя, видите ли, невыносим запах их пота – и перекладываешь свои собственные обязанности по отношению к подчинённым на кого-нибудь из младших командиров, тогда перед лицом требований, которые выдвигает перед нами нынешняя Германия Ты есть никто иной, как пытающийся уклониться от исполнения своего долга симулянт. К сожалению, глядя сверху вниз, не всегда можно понять, в чём заключаются те или иные недостатки занимающего руководящую должность человека. Зато, наблюдая за ним снизу вверх, эти недостатки распознаются очень быстро, и авторитету этого человека неизбежно приходит конец. При этом, чем сильнее обостряется ситуация, тем более резкими становятся выводы, извлечённые из этих наблюдений. Когда гибель приближается вплотную, то в отделяющие он неё мгновения у подчинённого возникает право выдвигать повышенные требования, и он становится чрезвычайно восприимчивым ко всему, что хотя бы в малой степени ошибочно и мешает приблизиться к поставленной цели. Именно в этот момент он менее всего склонен закрывать свои глаза на всё то, что происходит наверху – хотя, впрочем, он совершенно и не обязан этого делать. Во всяком случае, то, что он там видит, должно его воодушевлять, а не отталкивать. Более того – как мы уже неоднократно отмечали – порой он ощущает истинное положение дел, исходя из одного единственного обращённого к нему слова. И поэтому слово это должно оказывать ему действенную поддержку, и, избавляя от всего лишнего и недостойного внимания, полностью нацеливать на достижение успешного результата.

Дисциплина обретает в мире солдатской жизни настолько сильное выражение самоочевидности, что нам – несущим воинскую службу – не требуется ни единого слова для доказательства этого факта, ибо носить звание германского солдата значит – изначально быть дисциплинированным человеком.

Должность же командира германских солдат подразумевает не доминирование над своими подчинёнными, но умение владеть – прежде всего! – самим собой, причём умение это должно быть тем больше, чем выше воинское звание.

Ясно, что небывалые успехи нашего Вермахта зависят не только от результатов использования состоящей на его вооружении боевой техники, но и от воспитания характера каждого из тех, в чьих руках эта техника находится, от укрепления воли каждого отдельного солдата и глубоко укоренившейся в нём свойственной германцу системы воинских ценностей. Доверие солдата к своему офицеру, доверие всех находящихся в строю наших Вооружённых Сил к своему командованию велико настолько, что каждый с готовностью идёт на величайшие жертвы и безропотно переносит самые тяжкие лишения, ибо твёрдо убеждён в их неизбежности. Дисциплина и доверие, понимание и повиновение германских воинов, уверенное владение ими оружием, техническими устройствами и оборудованием обеспечили возможность того, что оказавшиеся решающими для успеха боевых операций передвижения наших войск на всех фронтах войны были осуществлены с молниеносной быстротой, и при том, что каждый командир мог полагаться на своих солдат в точности так же, как и солдаты могли полагаться на своего командира!

Позади линии фронта лежит наша Родина, и разделить в своих мыслях одно от другого невозможно. Для нужд фронта день и ночь трудятся миллионы наших женщин и мужчин. Каким, скажите, образом можно было бы себе представить столь не имеющие примеров успехи этого вступившего в сражение их поистине великого единства, если бы для его возникновения не существовало единой основы! Без дисциплины на рабочем месте, без предупредительного и внимательного отношения к окружающим в переполненных транспортных средствах, без прочного семейного фундамента и без взаимной помощи домочадцев друг другу, мы – германцы – перестали бы существовать как единый народ. Быть единым народом означает: всемерно и неуклонно соблюдать дисциплину; ибо – задумайтесь на минуту – что могло бы возникнуть из того, если бы каждый вдруг позволил себе действовать, как ему заблагорассудится и игнорировать всё то, к чему побуждают такие благородные порывы, как, прежде всего, стремление принимать с открытой душой и от чистого сердца нормы существующего порядка! – Мы в своё время уже получили представление об этом, когда Адольф Гитлер создавал единый народ, ведя разрозненные массы к пониманию необходимости добровольного и осознанного соблюдения дисциплины...

Нарушения дисциплины при ближайшем рассмотрении в большинстве случаев окажутся и нарушениями уголовных законов. И

чем более серьёзные требования выдвигает перед нами современность, тем большее значение следует придавать подобным нарушениям. Поскольку предпосылками для них преимущественно являются отвращение к исполнению своего долга и халатность, именно на эти пороки следует обращать внимание с самого начала. Любое зло, пока оно не разрослось, должно быть пресечено на корню, для чего нужно исследовать его причину с целью своевременного устранения возникновения опасных последствий.

Лучшим средством, помогающим поддерживать и укреплять дисциплину, является хороший личный пример. Поэтому ни при каких обстоятельствах руководитель не вправе себе позволить лёгкой жизни. Он должен знать, чем дышит его человек, когда тот не справляется с порученным ему делом, и, коль скоро в этом возникнет крайняя необходимость, обязан быть готов – вместе с ним или вместо него – но довести это дело до конца. С одной стороны – подобная позиция далеко не всегда приятна, но, с другой – является предпосылкой возникновения доверия, создающего прочную связь между руководителем и следующим его указаниям подчинённым. Только когда существует возможность образования подобной связи, исполняющий распоряжения руководства человек, возвышаясь над всякого рода сомнениями, сохраняет радость от исполнения им служебного долга и полностью полагается на своего начальника, а дисциплина каждого в отдельности перерастает в корпоративный дух и преданность общим для всех нас идеалам. Как солдат по праву гордится полком, в котором он служит, так и рабочий гордится тем заводом или фабрикой, где он трудится. Если кто-либо из солдат подходит к исполнению служебных обязанностей с явной неохотой, значит – по отношению к этому солдату определённно была допущена какая-либо ошибка. С такой же уверенностью можно судить и о возникновении неблагоприятной ситуации на производственном предприятии, когда человек, ранее зарекомендовавший себя трудолюбивым и грамотным специалистом, вдруг охладевает к своей работе. И напротив – его усердие на своем рабочем месте является наилучшим свидетельством того, что между руководителем предприятия и подчиняющимися ему работниками налажены и продолжают действовать правильные взаимоотношения.

Развитие каждым соплеменником своих ценных – с его точки зрения – индивидуальных качеств должно получать всяческое одобрение в том случае, если он тем самым не воздвигает препятствий

требованиям всего нашего общества в целом. Это говорит о необходимости того, чтобы каждый в своей личной жизни придерживался норм дисциплины. При этом также надо обращать внимание на недопустимость пребывания его в подавленном состоянии вследствие пережитого разочарования в чём бы то ни было. Чем больше бывают надежды и ожидания устремлённого вперёд к своей цели человека, тем более болезненные помехи способны нагромоздить на его пути разного рода неудачи и промахи. Такому человеку следует спокойно объяснить: в любой ситуации он должен неизменно руководствоваться осознанием того, что перед более одарённым и задачи, соответственно, выдвигаются более сложные. Борцу за идею Адольфу Гитлеру тоже порой не удаётся вести процесс всеобщего преобразования германцев с той интенсивностью, как этого бы хотелось. Внутренне надломленный соратник создаёт трудности, преодолеть которые гораздо сложнее тех, что возникают с людьми, никогда не принимавшими участия в нашей борьбе. Но, мы уже сказали, что при всем стремлении к совершенству мы должны принимать людей такими, как они есть, со всеми их преимуществами и слабостями. Рядом с наделённым чисто рыцарскими качествами человеком иногда стоят те, кто выстраивает линию своего поведения по отношению с другими только лишь после того, как разузнает устоявшуюся «расстановку сил» среди окружающих его людей или наличие некой связывающей их дополнительной «зависимости». Помимо величественного, полного сил и героического, нас тут и там встречают недостатки и откровенная мерзость. Тот, кто предрасположен к молчаливому проявлению благородства души, всегда оказывается вовлечён в самый эпицентр ведущейся борьбы. Критерии, которыми он руководствуется – иные, чем у тех, кто неспеша идет по его следу. Его острый взгляд вмиг распознаёт людей, действительно великих в своей целеустремлённости, но ещё быстрее он видит, как с некоторых слетает пёстрый камуфляж, обнажая их низость и отсутствие достоинства.

Скажем напрямую – кто из подчинённых не открывал при случае у своего начальника слабого места? Это факт, и он должен дать повод каждому – и, в первую очередь, тому, кто собирается обратиться к окружающим его людям – преодолеть в себе самолюбие и халатность и быть справедливым и заботливым с этими людьми, и, в особенности – со своими подчинёнными!

Мы и далее собираемся жить в приносящем душевную отраду знании того, что наш образ действий – есть обязанность, возложенная на нас самим провидением и являющаяся поэтому той неотъемлемой частью развития событий, в которой берёт своё начало путь, устремлённый к нашей высокой цели. Это знание – источник могучей силы, и мы будем черпать из него, даже если нам будет суждено увидеть, как человек, лично подавший пример, в который мы поверили, не смог оправдать наших ожиданий!..

Как мы уже говорили, в слове «дисциплина» заложен и такой смысл: соблюдать дисциплину – значит немедленно принять стойку «смирно», демонстрируя тем самым своё повиновение отданному приказу. Стоять навтыжку перед начальником – для находящегося на воинской службе солдата это разумеется само собой. И остаётся только пожелать, чтобы привычной для всех германцев стала способность каждого всегда в нужный момент и, не играя при этом на публику, встать на вытыжку перед самим собой... Общим результатом явилась бы крепнущая уверенность не только в силе приказа, но и в безоговорочном ему повиновении, готовность к которому подчёркивает наличие подлинной самодисциплины, ибо, имея внутреннее происхождение, эта готовность отражает чистоту и волевые качества характера.

Век жизни у всех нас недолог. Но мы сможем навсегда занять своё место в Вечности, если отпущенное нам время пребывания на этой Земле будет наполнено самоотверженной верностью Народу и Отечеству. Наша цель – Рейх героической германской нации. На наших глазах воздвигается мост к берегам грядущего. Каким это грядущее будет – зависит от нас. Мы в долгу перед ним, служим ли мы ему, сражаясь с оружием в руках на линии фронта или занимаясь своим, незаметным на первый взгляд, делом дома. И то, что обещает исполнить этот долг с гармоничной согласованностью всех душевных порывов, объединяя великое их множество в единое и неделимое целое – есть соблюдаемая всеми нами дисциплина.

Ответственность

Мы не являемся оторванными от мира отшельниками. Мы совершенно не собираемся, да и не можем быть ими. Живи мы так – и большинство из нас, потеряв самих себя, неизбежно превратилось бы в совершенно опустившиеся создания. Без окружающих нас других людей мы попросту оказались бы в той или иной степени беспомощны. Случалось, что индивидуалистами порой становились из некоего фанатизма. Но, может быть, эти «индивидуалисты» возделывали в одиночку принадлежащее им поле? Или сами шили свою одежду? За счёт чего и как они жили? – Если разобраться, они разными способами выклянчивали милостыню у других! Было ли у них желание продлить свою жизнь в детях? – Не тут-то было: они стремились освободить себя от каких-либо обязанностей и существовали, не неся никакой ответственности за грядущее.

Мы есть единый германский народ. И он отнюдь не является некой массой, которая упрямо противопоставляла бы себя этим так называемым отшельникам. Мы ни в коем случае не утратили присущую каждому из нас собственную внутреннюю сущность, но, будучи неразрывно связанными с народом, наши личности не отвергают взаимно одна другую, но являют собой совокупность множества отдельных достоинств, которые дополняют друг друга и тем самым образуют единое целое.

Благодаря этой сплочённости, у наших людей развивается ощущение радости от совместного участия в созидательном труде и повышается работоспособность. В обществе наблюдается рост уровня знаний и нравственности, искусства и культуры. И если, будучи столь тесно связаны друг с другом, мы продолжаем оставаться личностями – мы уж тем более не вправе унижать самих себя, превращаясь либо в отшельников, либо, напротив – становясь подобием стада. Ценности общности складываются из ценностей отдельных людей. Множество же ценностей отдельных людей вновь рождается из ценностей образуемой ими общности. Склонность к созерцательности и желание время от времени побыть в одиночестве ни в коем случае не свидетельствует о возникновении стремления к отрешённости от мира. Если у кого-нибудь из нас и возникает потребность остаться с самим собой наедине, то это происходит лишь вследствие необходимости хорошенько поразмыслить и скорректировать свои взаимоотношения с обществом. Только оно придаёт значимость

нашей жизни. Тому, чему мы когда-то научились, мы, в большинстве случаев, научились от окружающих нас людей, и наиболее лучшими и полезными из своих знаний мы, в свою очередь, делимся дальше с другими. Мы соприкасаемся с сокровищами искусства, которые для нас созданы другими. Железную дорогу, благодаря которой мы безопасно и быстро попадаем в любой отдалённый уголок нашей страны, для нас так же построили другие. Музыка, которая радует нас и поднимает наше настроение, писал кто-то один для всех остальных. Наша благодарность за всё эти дары общества – это наш естественный долг перед создателями и творцами, следуя которому, мы даём им возможность и дальше испытывать чувство радости от своего труда. Эта радость неизменно воплощается в новые идеи, новые планы, новые кинофильмы и музыкальные ноты, в новую красоту, короче – в новые ценности, которыми по прошествии долгого времени смогут пользоваться ещё многие.

Все мы оказываемся в долгу друг перед другом не в последнюю очередь по причине того, что каждый из нас может обладать некими знаниями или способностями, которых нет у других. Вместе с этим, весьма ценно то, что в каждом можно найти такие положительные качества, которые обнаруживаются не только у него одного, но входят в число духовных или материальных достоинств всей великой общности нашего народа.

Когда ситуация в общности складывается не лучшим образом, то и у отдельного человека дела идут неважно. Если ему удаётся их наладить, то совешенно ясно – хотя об этом так часто забывают! – что всем нам удалось внести в это свой посильный вклад, вольно или невольно исполняя обязанности, выходящие за пределы того, о чём принято говорить, как об «ответственности». В большинстве случаев, говоря об этом понятии, подразумевают лишь ответственность в узком смысле, связывая представления о ней с таким исполнением своих обязанностей и задач, за которым в результате следует публичное вознаграждение или наказание.

Но самое важное значение имеют те обязанности, что осознающие требования законов морали люди – каждый в зависимости от своих предрасположенностей и склада характера – ощущают в собственной груди.

Мы отдаём себе отчёт в том, что на свете существует высшая ответственность. Так, например, воспринимая, как величайшее счастье возможность иметь детей, мы совершенно не нуждаемся ни в

одном официально принятом законе, который предписывал бы нам необходимость заботы об их поддержке и обеспечении. Мы, помимо этой само собой разумеющейся обязанности, глубоко ощущаем свою святую за них ответственность, стремимся к дальнейшему развитию тела и души ребёнка и чётко понимаем свою великую задачу перед лицом будущего, заключающуюся в воспитании нами достойного члена общества грядущего времени.

Чем сильнее германский человек развивает свои внутренние достойные качества, тем более отчётливо он ощущает свою моральную ответственность по отношению к окружающему его миру, к своему народу, по отношению к Германии. Когда уровень этих качеств заметно понижен и исчезает чувство нравственной ответственности – значит достигнут тот рубеж, с которого государство начинает принуждать уважительно относиться к установленным им законам.

Вернёмся к примерам из солдатской жизни... Вы наверняка ещё помните «крылатое» выражение довоенной поры, которое, не имея на самом деле никаких крыльев, было по сути своей настоящим ползучим злом: «Главное – не высовывайся и не бросайся в глаза!»

«Главное не бросаться в глаза!» – давало настоятельный совет благоразумие. Когда ты каким бы то ни было образом выделялся в хорошем смысле, то сразу же оказывался под перекрестным огнём критики, зависти и злобы. Тебе приходилось очень и очень нелегко. Даже самый незначительный промах тотчас же брался на карандаш и постоянно ставился тебе в гораздо большую вину, нежели другим. Ну а те – знай себе посмеивались втихомолку, поскольку всё, что происходило с тобой, было для них уже пройденным этапом. Сейчас их неприятности кончились, и жизнь шла своим чередом, словно по накатанной колее. Когда по возможности остаёшься в тени и не лезешь никому на глаза – заметно увеличиваются шансы того, что вообще ни один твой недостаток не будет замечен. Ведь было как: кто постоянно получал по шее? – Тот, кто мозолил глаза. Он всегда оказывался на виду вместе со всеми своими промахами и ошибками, которые привлекали к себе внимание, словно безжалостно выставленные на сцене перед огнями рампы. И в то же самое время репутация того, кто умел «пригнуться», была подобна чистому листу, если не более того – зачастую его не вызывающая нареканий жизнь служила поводом для получения положительной характеристики и рекомендации на повышение в звании или должности.

А ведь при этом так называемые «образцовые солдаты» хорошими бойцами отнюдь не являлись. Рассудите сами: ну кем были отличавшиеся в лихих вылазках фронтовые разведчики в довоенное время?! Практически за всеми – что-нибудь, да числилось. Практически каждый из них, не будучи замечен в излишней добродетели, бросался в глаза из-за того, что кровь в его жилах оказывалась слишком горяча по сравнению с теми, кто всю свою жизнь словно спал на ходу...

Слыть посредственным – это приносило ощутимую пользу... Так или иначе – самое главное: ни в коем случае не бросаться в глаза!

Национал-социализм, требуя совершенно противоположного, призывает каждого занять своё место в передовой линии сражающихся борцов, у которых есть стремление и способность достигать нужного им результата!

Вы – солдаты Гитлера, и Вы обязаны добиваться всего, к чему бы ни стремились!

Идя по жизни, Вам следует быть полной противоположностью посредственности. И поэтому, вопреки всей своей скромности, Вы будете должны привлекать внимание к себе. А для того, кто идёт впереди, ведя Вас за собой, для Вашего руководителя – это прямая обязанность! Тот же, кто ссылается, например, на то, что его начальнику подобное поведение не слишком нравится – нам не подходит, поскольку занимаемая им позиция может в решающий час оказаться губительной. Определённо, признание окружающих нас радует. И, как бы то ни было, нагоняй со стороны начальства ничуть не отговаривает нас от стремления добиваться выдающихся результатов, совершенно не обращая внимания на то, что по этому поводу могут сказать. Даже «натворив дел» и «получив как следует по шапке», мы остаёмся такими же, какими и были...

По тем же самым причинам никому из руководителей не стоит совершать ошибок либерального мира, в котором «действительным членам различных общественных объединений» надлежало буквально расстилаться у ног «высококочтимых почётных членов» этих сообществ, демонстрируя этим господам верноподданнейшую покорность по причине оказываемого ими покровительства. Сохранить доверие и товарищескую любовь своих камрадов – вот на что в первую очередь следует обращать своё внимание!

По этому поводу люди, как правило, предпочитают не тратить много слов, ведя длинные и слащавые разговоры, но если Вы не

будете уверены в искренней любви своих камрадов, Вашему «уважению» в их глазах – грош цена!

Вывод, который пригодится для практического применения: мобилизуй любой положительный опыт – совершенно безразлично, в какой сфере и кем полученный – на службу всему своему подразделению! Воспитывай в подчинённом мужество не бояться совершать самостоятельные действия и принимать за них всю полноту ответственности!

Было бы непростительной ошибкой постоянно сидеть, сложа руки и дожидаться «спущенного сверху» распоряжения. Примером для нас должны быть такие не раз имевшие место эпизоды минувшей войны, когда во время боя вдруг наступал такой критический момент, что какой-нибудь ефрейтор кричал – и это был его долг, коль скоро ни у кого другого не хватало на это духу – «Рота! Слушай мою команду!»

Для нас привычной нормой должна стать ситуация, когда в отсутствие ответственного лица руководство на себя принимает следующий за ним по званию или должности, который без отдельных на то распоряжений заполняет время соответствующим ситуации занятием или организует какое-либо иное мероприятие, неся за его проведение полную ответственность. Пример: руководство штурмового отряда собирает своих людей для обсуждения текущей обстановки. Командир непредвиденно задерживается. Недопустимо, чтобы остальные ждали его битый час и, убив впустую время, в конце концов разошлись по домам. Такой «холостой ход» оказывает вредное воздействие. И здесь либо кто-то один набирается мужества занять время ожидания полезным делом – например, каким-либо тематическим занятием, либо являющийся старшим по званию принимает на себя ответственность и отдаёт своим камрадам распоряжение разойтись. По поводу подобных осмысленно предпринятых самостоятельных действий, обусловленных сложившейся обстановкой, ни один начальник не станет высказывать никаких нареканий. Напротив – у него будут все основания быть довольным своими людьми.

Форма

Форма и манера держать себя – близкие друг другу родственные понятия. Мы делаем различие: форма – это проявление внешнего, но вовсе не в любом случае это относится к выправке или образу поведения. Одно понятие несет смысловую нагрузку, направленную именно на сохранение содержания. Другое, напротив, отражая процессы, проходящие в душе человека, имеет иную целевую направленность. Будучи заключено, предположительно, в мире идейных соображений, оно является составным элементом формирования характера и не всегда оказывается видимым со стороны.

Форма должна соответствовать содержанию. Сущностью всех созданных Адольфом Гитлером организаций и структур является их внутреннее содержание, для которого может иметься только одна форма: сопричастность всему тому, что принято называть германской «военной косточкой». Одновременно форма служит воспитанию. Поэтому она становится существенной составной частью содержания. Можешь ли ты себе, например, представить солдата с зонтом? А ведь этот солдат мог бы, тем не менее, быть превосходным стрелком и даже не раз проявить героизм в бою. Однако, такая его форма была бы для нас, германцев, карикатурной и нелепой – и никак иначе! Там, где находили свое воплощение присущие мужественным людям воинские достоинства германцев, создавалась совершенно определенная и не раз выдержавшая испытание форма, о чем свидетельствует германская история. И эта традиция не забыта, ее хранителями являемся мы, и – прежде всего – именно мы! В том, какими мы должны быть, нет места никакой фальши и умничанью, словоблудию и воскуриванию фимиама. Всё вокруг нас, как и мы сами, должно быть предельно просто. Очень важно познакомить с этим вступающего в наши ряды молодого камрада, которому, наверняка, еще присущи всевозможные ошибочные представления об окружающем его мире. В этом заключается очередная задача руководителя: примером собственной жизни дать своим людям понимание свойственной солдату простоты.

В разговоре о форме может возникнуть путаница между тем, что важным кажется, и тем, что является важным в действительности.

Так, например, носимая нами униформа представляет собой один из элементов формы. Однако, она является лишь средством для достижения цели, но никак не самоцелью. Не она важна как таковая,

но важен облаченный в нее человек. Что толку в парадном мундире, которым, собственно, и является наша униформа, если его наденет опустившийся босяк? Насколько может быть искажена наша сущность, если вдруг некто, имеющий превратные представления о смысле ношения нами униформы, взяв и напялив на себя наш мундир, что называется, лишь ради самого процесса, будет расхаживать в нём, напоминая распутившего хвост тщеславного павлина? Подлинная же важность заключается в том, чтобы человек, облаченный в униформу, сохранял соответствие не только Форме, но и Духу нашего Движения, а его мундир постоянно напоминал бы ему о возложенном на него долге перед настоящим и будущим Германии, перед самим собой и нашим Фюрером!

Не важно, надеваем ли мы галстук – важно, что мы повязываем его правильно и аккуратно.

Пуговицы сами по себе не важны, но важно, чтобы они были начищены до блеска, коль скоро их следует именно так начистить, и важно, чтобы ни одна из них не была оторвана.

Формой служебного общения может быть только приказ и повиновение. Куда в Германии завело ошибочное восприятие самого смысла понятия «служба», мы все испытали на себе – Германия заболтала бы себя до смерти, если бы солдат Адольф Гитлер снова не привел все в надлежащую форму!

Настроение

Нам глубоко отвратительны все те, кто стоит с кислой миной, удрученно повесив голову, стоит лишь повеять ветру опасности. Это – люди настроения, чьё расположение духа подвержено вечным колебаниям. Торжественно звенят бокалы – и радостные эмоции буквально захлёстывают представителей этой публики. Гремит музыка духового оркестра, над марширующими колоннами развеваются знамёна, звучат зажигательные речи – и они в умилении лезут обниматься, вешаясь всем и каждому на шею. Но вот поступает команда раздавать листовки в том районе, где существует реальная возможность поближе пообщаться с Рот-Фронтом – и, «трезвея» прямо-таки на глазах, они рассудительно предпочитают найти убедительный предлог заняться чем-нибудь поважнее. Когда же начинается обсуждение действий тех, кто вернулся победителями из очередного столкновения с коммунистами – к «здравомыслию» отсидевшихся дома субъектов прибавляется ещё и скептицизм. И как бы ярко не светило солнце, они всегда умудряются отыскать на нём пятна. По большому счёту, люди подобного сорта, собственно, не имеют с нами ничего общего. Однако, зная, что они из себя представляют, мы должны обязательно.

Откровенно говоря, нас заботит расположение духа лишь тех, кто вместе с нами ведёт борьбу. Хорошее настроение солдат столь же необходимо, как необходимо и то, чтобы они по возможности чаще были сытыми. Однако, хорошее настроение – это не сухой паёк, который можно запаковать в консервные банки и всюду возить за собой на вспомогательном транспорте в качестве неприкосновенного запаса. В состоянии ожесточения настроение с легкостью может резко измениться на противоположное. И здесь рассчитывать на помощь от воспоминаний о бравурной музыке, как и о торжественно произнесённых речах, увы, не придётся. Мы испытали на себе – причём, не только как, но и почему – с нами происходило нечто подобное. И испытали мы это, находясь в рядах нашей кадровой армии, по-праву считавшейся в 1914 году лучшей. Солдат в состоянии справиться с собой, видя растерзанные при взрыве вражеского снаряда тела своих камрадов. Если ему приходится три дня оставаться без еды, он вынесет и это. Когда промокшие насквозь шинель и мундир уже не спасают от непрекращающегося несколько дней холодного дождя, а жидкая глина налипла на сапоги, тут уж, пожалуй,

никто больше не будет всерьёз ожидать хорошего настроения. Но вот, скажем, кто-то, разжившись свежим хлебом, проходит мимо, не считая нужным поделиться по совести – что ж, и к этому он отнесётся с внешней невозмутимостью и равнодушием. Но в душе остаётся незаметная с виду рана, и что из этой раны может возникнуть – непредсказуемо... Тот, кто обладает доброй волей, способен учиться на ошибках. Совершенно избежать их невозможно никому. Но один делает правильные выводы сразу, другому – прежде, чем он научится вести себя соответствующим образом, необходимо набраться горького опыта, а некоторым это так и не будет под силу никогда.

Так благодаря чему же можно быть спокойным за дух, царящий в боевом подразделении? Хороший командир – и есть гарантия здорового духа находящихся под его началом людей. Он может беспощадно наказывать их за халатность, он может доводить их до крайнего предела сил – но при этом он должен оставаться справедливым! Такой командир не ест, когда его подчинённые голодают, он переносит вместе с ними все тяготы и лишения, он тонко чувствует, когда кому-то из них необходим разговор один на один, и своим личным примером он в состоянии дать чёткое понимание того, что никаким трудностям по-просту не удастся поколебать дух его отряда. При наличии такого командира уже можно будет с уверенностью сказать об отсутствии в отношениях между ним и его людьми чего бы то ни было ложного или фальшивого. И говорить в этой ситуации о «настроении» было бы ошибочно. Для возникшей между таким командиром и его людьми неразрывной связи, собственно, не существует никакого подходящего определения.

Высокий уровень подготовки подразделения, его командир – такой, каким он должен быть, отлаженное взаимопонимание между ним и личным составом, знание общей цели – вот те факторы, которые дают в итоге нерушимое целое, в котором каждый отдельный человек обретает упорство и выносливость. Всё, что ему предстоит исполнить и вынести, он начинает воспринимать как нечто само собой разумеющееся. Тот же, кто сидя в безопасном месте – этакой тихой гавани – слагает высокопарные вирши о чести героев, павших смертью храбрых на полях сражений, не имеет о героизме ни малейшего представления. Одна единственная ночь, проведённая под хмурым ноябрьским небом с ощущением нестерпимой рези в желудке и кишках, вырвала бы звучную лиру из рук такого «поэта» на всю его оставшуюся жизнь...

Мы продолжаем неизменно стоять на занятой нами позиции, и, подводя итог, повторяем ещё раз: настроение Твоего подразделения, командир – в Твоих руках! И только от Тебя зависит – сохранится ли дух Твоих людей непоколебимым, или идущие за Тобой не смогут выдержать испытаний и дрогнут в тяжёлый, решающий час...

Воспитание и душа

Воспитание постоянно служит дальнейшему развитию достойных качеств, корни которых следует искать в человеческой душе. Результатом воспитания отдельного человека должен быть нравственный расцвет его личности, в то время, как основной целью является процесс создания удачно складывающихся между людьми отношений, основанных на взаимном понимании и уважении друг друга.

Как существуют сильные и слабые – с точки зрения физического развития – люди, точно так же в вопросах воспитания наряду с высшими существуют и низшие. Один, по собственному почину постигая нравственные требования рода человеческого и своего народа, охотно и послушно воспринимая их совокупность, в непрестанной работе над самим собой упорно взбирается наверх. Другой – упрям, третий слишком ленив или эгоистичен для того, чтобы подчинять себя необходимому для общности воспитанию, а четвертый и вовсе пытается оказать сопротивление, когда считает, что «расшатываются устои» привычного для него порядка вещей.

Один несёт навстречу жизненным высотам веру и глубокую убеждённость, понимание, знание, любовь и преданность. Другого – с самого начала приходится насильно вырывать из круга его собственной ограниченности для того, чтобы он проникся важностью повышения морально-нравственных ценностей общества. Результат воспитания в людях этих ценностей следует оценивать только в поперечном разрезе всех мнений, высказываемых обществом. При этом должно оставаться несущественным, что воспитание отдельных личностей носит облик принуждения и полученный результат представляет собой нечто, достигнутое суровой муштрой. Но в данный момент речь вовсе не об этой публике. Наши сердца всегда были открыты, и мы всюду были добровольцами там, где раздавался призыв: «Вперёд»! И поэтому здесь мы рассматриваем вопросы воспитания, глядя лишь на таких же добровольцев, то есть на тех, кто в своей душе предрасположен и восприимчив ко всему благородному и возвышенному. К этой группе принадлежит гораздо больше людей, чем это предполагается при поверхностном наблюдении, и желание стремиться к лучшему, конечно же, испытывают многие. Но, к сожалению, среди них встречаются и те, кто в чем-то слаб. И, таким образом, воспитание по своей истинной сущности – есть ничто иное,

как помощь и содействие, предоставляемые этим слабым людям их более сильными камрадами для того, чтобы в царстве души все мы смогли обрести ту благодатную почву, на которой нам удастся укрепить свои прежние и раскрыть новые положительные качества.

Тут, пожалуй, кто-нибудь задаст вопрос: «Ну и кто же, собственно, те люди, которых требуется воспитывать?» Ответ же будет простой: «Мы все, и в большей степени – именно те из нас, кто высокомерно мнит, будто им это надо менее всего!»

А кто же тогда будет воспитателем? – Жизнь, которая напрочь стачивает одиноко возвышающиеся холмы и полностью заполняет песком забытые всеми ущелья, жизнь, которая стремится к тому, чтобы течение её было направлено полными сил людьми благородной души и нестигаемой воли! Заниматься воспитанием, таким образом, в действительности означает – вести к лучшему, и – что необходимо вновь подчеркнуть – вести за собой! Тот, вслед за кем идут люди, имеет перед собой благороднейшую задачу их воспитания. Неумеющему же воспитывать, может и удастся занять руководящую должность. Но, тем не менее, это будет всего лишь видимой глазу внешней формальностью, поскольку подлинным руководителем такой человек не будет являться ни в коем случае, ибо у него отсутствуют необходимые для этого звания внутренние качества.

Как он сможет наполнить душу другого чем-либо хорошим и добрым, если сам беден настолько, что ему совершенно нечем поделиться?

Для воспитания требуется гораздо большее, чем просто вести выверенную линию в нужном направлении. Воспитывать – значит: бережно формировать и защищать людские души!

Мы не смеем утверждать, что продвинулись в процессе воспитания людей столь далеко, что нам стоит лишь немного подчеркнуть их положительные качества и слегка затушевать недостатки – и они будут такими, какими нам хотелось бы их видеть. Мы будем счастливы поставить себе в заслугу, если из поля нашего зрения не выпал никто из тех, в ком присутствует здоровый внутренний стержень. Отшлифовывать этот стержень и удалить приставшие к нему шлаки – вот та труднейшая задача, решению которой нам предстоит подвергнуть самих себя. Выполнять эту работу – значит делать во имя Германии самое достойное и нужное дело, предпосылкой для занятия которым не служат ни звёзды на погонах, ни дубовые листья на воротнике. В германском Отечестве есть и

незаметные на первый взгляд предводители нации, которым повинуются и за которыми следуют, не взирая на внешнее отсутствие у них высоких начальственных регалий. Эти люди несут в себе всю полноту системы ценностей новой Германии. Мы часто проходим мимо них. Мы редко бываем с ними знакомы лично. Но они существуют – и этого нам достаточно.

В воинских частях и подразделениях вопрос воспитания личного состава в обязательном порядке выдвигается на передний план. Решение же этой ответственной задачи возложено на командиров всех уровней. Если возглавляемый ими процесс воспитания будет осуществляться последовательно и приводить не к иллюзорным «успехам», которые способны лишь столкнуть в бездонную пропасть, но позволит получить всесторонне близкое соответствие ожидаемого и полученного результатов, короче – когда мы сможем сказать, что в конечном итоге мы имеем в наличии именно то, что было обещано – то в этом случае нам больше не потребуется никаких рассуждений и книг о психологии. Что только не было уже понаписано в этих «трудах» о психологии солдата! Как часто начитавшийся подобных сочинений впадал в искушение думать, что вплотную приблизился к самому корню того или иного зла... Сколько раз бывало, что в тот самый момент, когда он всерьёз полагал, что нашел решение беспокоящей его проблемы, те самые люди, чьё поведение сопоставлялось им с извлечёнными из прочитанных публикаций примерами, вдруг ставили буквально все его умозаключения с ног на голову! Немаловажную роль играет и короткая память. И чем помогут полученные знания одному, если другие, ознакомившись с тем же самым материалом, упорно не желают делать из него выводы и обрекают себя на постоянное наглядное обучение через свой собственный плачевный опыт? А как, если не откровенно наихудшими, назвать тех, кто будучи некогда никем и ничем, раздувал каждый случай в чём-либо неправильного обращения с ними начальства до невообразимых пределов, а затем, сумев затем всеми правдами и неправдами вскарабкаться «наверх», принялся творить ещё большую несправедливость? – Минувший век господства бюрократических бонз предоставил для подтверждения этого исчерпывающие доказательства...

Но теперь основы общества стали другими. В их прочности сомневаться не приходится, поскольку, изменяя прежние устои, мы исходили из реально имевшихся на тот момент предпосылок – Гитлер

и его коричневые солдаты уже появились на политической арене, когда национал-социалистического государства ещё не существовало!

Воспитание, о котором мы говорим, подтвердило свою правомочность и состоятельность успешными результатами. Теперь речь идёт о всемерном расширении его базы. В каждом проверенном в борьбе партийном подразделении воспитательный процесс взят под надёжный контроль, и ему оказывает посильное содействие каждый национал-социалист – каждый на своём месте, молча и не занимаясь саморекламой.

Касаясь этого вопроса в разговорах со старыми камрадами, прошедшими вместе с Гитлером через высшую школу революции, лишних слов тратить не приходится, и приложение определённых усилий имеет место лишь в беседах с теми, кто оказался в наших рядах несколько позднее.

Что ищет вступающий в наши партийные подразделения человек, и что от нас ожидает? Не каждый, делая этот шаг, смог бы чётко сформулировать ответ на данный вопрос. Люди, которые на момент вступления в партийную организацию, ещё толком не знакомы с текущими задачами Движения, как правило, приходят к нам, неосознанно ища общества таких же, как и они сами. Общей для всех является вера в возможность найти то, что они ищут. Общая для всех и вера в нашего Фюрера. Они верят в него, ибо знают, что его стремления, слова и поступки соответствуют именно тому, о чём они сами уже не раз задумывались и чего хотели добиться.

Этой базы вполне достаточно для того, чтобы приступить на ней к созидательному процессу воспитания, призванного свести всё без исключения к одной единственной формуле, основная составляющая которой носит название «боевое товарищество». Каждый из отдельно взятых людей имеет по этому поводу – в зависимости от своего опыта, пережитых событий, знаний, образования, характера и возраста – своё, отличающееся от мнений и взглядов других, понимание. Вернувшийся с фронта солдат ищет встречи с такими же, как и он сам. Он стремится к тому, чтобы новый окружающий его мир напоминал тот, из которого он прибыл. С этими камрадами всё в порядке. Они всегда найдут своё место в любом из наших подразделений. Более же молодой камрад ещё смотрит мимо внутренней сущности окружающих его вещей. Его пленяет единый ритм марширующей колонны, всеобщий душевный подъём, униформа, он рад гармонии и дисциплине. Кто-то из них видит лишь незначительный фрагмент

всего того, с чем он связан. У других возникают представления, уводящие в сторону от глубинной сути происходящего. И, чтобы избавиться от этого, следует разрушать в людях нечто слабое и возводить более твёрдое и прочное. Прежде всего, человек должен учиться быть настоящим камрадом, которым можно быть, не валяясь с каждым в канаве под забором. При этом он должен научиться понимать, что между товариществом и дисциплиной может возникнуть противопоставление, и что в такой ситуации преимущество всегда подобает отдавать дисциплине.

Хорошо, когда каждое воинское подразделение стремится быть лучшим. Хорошо, когда полки в дивизии соревнуются между собой достигнутыми результатами. Так что утверждать, что мы, стремясь быть лучшими в Германии, чересчур много на себя берём и выдвигаем совершенно незаконные притязания, не смеет никто. К тому же самому совершенно спокойно могут стремиться и другие! Однако, в полном соответствии со всем вышесказанным о товариществе и нашей единой структуре, мы рассчитываем действовать сообща. Мы испытываем гордость за своё единство, и, исходя из этого, придаём величайшую значимость подобающему суровому воспитанию, служащему достижению нашей общей цели.

Поэтому мы и знать не хотим о самоуверенном высокомерии и надменности, ибо они являются лишь попыткой сокрытия отсутствия достойных качеств. Так, человек, обладающий сильным характером, никогда не сможет быть тщеславным, ибо тщеславие одновременно является признаком недалёкого ума. Оно завязло в дне сегодняшнем и никак не связано с теми реальностями грядущего, которому мы стремимся служить. Тот, кто действительно велик, будет естественен всегда и везде. Он не забывает, кто он и откуда пришёл. Он спокойно идёт среди меньших себя, и, тем не менее, остаётся великим!

Все вместе мы стремимся научиться самообладанию. В этом для нас важна каждая незаметная на первый взгляд мелочь. Мы демонстрируем хорошую форму и твёрдую жизненную позицию. Мы вытягиваемся по стойке «смирно», помня о своей цели. Заняв своё место в строю, мы соблюдаем молчание, ибо стремимся научиться держать себя в руках и быть господами самим себе.

Штурмфюрер! Говоря нечто подобное своим людям, Вы увидите, что желаемый результат не заставит себя долго ждать!

Мы стремимся учиться тесному взаимодействию между собой, чтобы никто из нас не смог утратить уравновешенности, если вдруг

ощутит несоответствие окружающей обстановки его собственным желаниям. Что бы ни случилось, всегда необходимо видеть общее положение дел. Своё собственное, такое на самом деле незначительное, «Я» нужно суметь отбросить назад. Предположим, по каким-либо причинам срывается дело, в котором кто-нибудь из нас принимает непосредственное участие. Здесь самое главное – не строить сию же минуту надутую физиономию и заводить речь о вопиющей несправедливости судьбы! Национал-социалист смотрит на общее целое, а солдат Гитлера является лучшим национал-социалистом.

Все мы почитаем великого короля Пруссии. Но, может быть, Вы думаете, что в своё время он был всеми любим и не было таких, кто с полным на то правом мог бы сказать: «По отношению ко мне он поступил несправедливо?» А ведь таких выдающихся людей среди его окружения было немало. Возьмём, к примеру, лейтенанта Йорка, которого он постоянно третировал. Как Вы считаете – каково было этому способному офицеру переносить подобное к себе отношение, и какие чувства он испытывал при этом? Но стал ли бы Йорк в итоге героем Тауроггена и одним из тех, кто возглавил Освободительную войну, если бы некогда не подвергся опале Фридриха Великого? (Йорк (York) Ганс Давид Людвиг (26.9.1756, Потсдам - 4.10.1828, имение Клейн-Оэльс), граф фон Вартенбург (3.6.1814), генерал-фельдмаршал (5.5.1821). Происходил из английского рода, переселившегося в Пруссию. Сын лейтенанта. В 1772 юнкером вступил в прусскую армию. В 1777 произведен в лейтенанты, служил в гренадерском батальоне фон Хафена. Участник войны за баварское наследство 1778—79. Затем за нарушение дисциплины был разжалован и после отбытия наказания поступил на службу в голландскую Ост-Индскую компанию. В 1781 в чине капитана командовал ротой в швейцарском полку на голландской службе. Участвовал в кампаниях 1783—84 в Восточной Индии. После смерти Фридриха II вернулся в Пруссию и в чине майора был назначен командиром роты в фузилерном батальоне фон Плюскова; Йорк по собственной инициативе начал переговоры с русским командованием и 30.12.1812 подписал Таурогеннтские соглашения. За это из Берлина пришел приказ о снятии Йорка с поста командира корпуса, но он не был выполнен. Вместе со Штейном Йорк стал одним из главных инициаторов антифранцузского движения в Восточной Пруссии. После переформирования прусской армии в начале 1813 под

командованием Йорка были сосредоточены 45 батальонов, 45 эскадронов, которые были сведены в 1-й армейский корпус. Корпус вошел в состав Силезской армии ген. Г. Блюхера. Во время сражения при Лютцёне (2.5.1813) заменил раненого Блюхера во главе прусской армий: 10.6.1813 стал первым в истории кавалером ордена *Pour le Merite* с дубовыми ветвями. 26 авг. добился победы в сражении при Кацбахе, а 16 октября разбил войска маршала О. Мармона. Герой Лейпцигской битвы (16—19.10.1813), во время которой его корпус потерял ок. 30% своего состава (8 тыс. чел.). 10.12.1813 за отличия в сражении при Вартенбурге награжден российским орденом Св. Георгия 2-й степени. После окончания военных действий назначен командующим войсками в Силезии и занимал этот пост до самой смерти – прим. перев.)

Так повелось, что человек слишком легко перестаёт замечать всё поистине великое и достойное уважения вокруг себя, если вынужден мириться с каким-либо незначительным недостатком в себе. Да, следует не допускать даже пусть и самого малого недостатка, чтобы раз за разом не приходилось выслушивать о его существовании от окружающих. А они способны «нагородить» такого, что обладатель этого крохотного недостатка вдруг превратится в оскалившего зубы пожирателя людей. Но у нас есть что противопоставить этой обывательщине!

Солдаты Гитлера! Вас никак не упрекнуть в том, что Вы – обыватели. И Вам неведом страх внезапно утонуть, поскольку Вы хорошо умеете плавать! Поэтому лучше уделить своё внимание тому, кто действительно находится в опасности, не умея этого!

В комплекс воспитания входят системы различных упражнений. Упражнение – это суровая, приводящая к автоматизации навыков, муштра. Что ж! Подвергнем этой муштре и себя! Может быть, нам самим она была бы и не так нужна, но нас окружают те, кому необходимо видеть подаваемый нами личный пример.

Эта ведущаяся над нами самими работа трудна. Солдат Гитлера не вправе позволить себе мягкотелость. И если некто полагает, что наше дело завершено, поскольку сейчас над всей Германией развеваются знамёна со свастикой, то его мнение было бы непростительной ошибкой. Борьба за Германию ещё не закончена. Она лишь приняла иной облик. Продолжаясь, эта борьба ведётся за души германских людей, ибо каждый достойный человек должен с гордостью осознавать свою сопричастность к Третьему Рейху.

Да, государство требует неукоснительного исполнения своих законов и соблюдения порядка, подчиняя строптивых упрямец установленным правилам, но мы, всё же, твёрдо знаем, что германский народ представляет собой нечто совершенно иное, нежели некую угрожающую ценностям общества малую прослойку, которую следует принуждать к уважению государственных принципов.

Мы знаем из собственного опыта, что основная суть заключается не в параграфах и предписаниях. Для нас всё зависит от степени владения и умелого применения на практике искусства ведения успешной борьбы за души всех наших соплеменников, которые мы стремимся оберегать, видя в них своё самое величайшее достояние.

В настоящий момент наша борьба посвящена воспитанию. Для её ведения у нас есть великолепные средства: сияющий щит нашей чести, чистота наших поступков и благородство помыслов. А насколько эта борьба окажется успешной – зависит от поданного лично живого примера.

От самих себя мы требуем гораздо большего, чем от кого бы то ни было другого. Мы являемся полноправными представителями народной общности. Нам нет больше никакой необходимости утруждать себя наклейкой ярлыков: это – буржуазный обыватель, а это – пролетарий! Вот – академик, а вот – рабочий! Мы несём ответственность за претворение в жизнь лозунга, провозглашающего: «Все германцы являются камрадами по отношению друг к другу!» Мы должны проявить себя подлинными помощниками Фюрера и постараться добиться того, чтобы во всех сферах нашей жизни никому не могла быть отравлена любовь и радость общего дела чьим-либо неправильным к нему отношением и самонадеянностью. Перед нами стоит несказанно трудная задача. Но мы справимся с ней, коль скоро мы, ведя речь о воспитании, прилагаем все усилия к тому, чтобы воспитать, прежде всего, себя самих.

Радикализм

Когда в 1918 году мы возвращались с фронта домой, мы молча пожимали протянутые нам на прощание руки и молча расходились. Зато другие драли нещадно своё горло, наполняя душную атмосферу того времени своим криком. Среди этой публики преимущественно были те, кто ни разу за годы войны так и не увидев, как взрывается граната, с важным видом усаживался за стол в пивной и начинал вести хвастливые речи о совершённых им подвигах. Росла также куча тех, кто наслушавшись напутствий из редакционных комнат марксистских газет, называл себя сторонником радикализма и разыгрывал на улице приверженность крайне решительным мерам. Это были большие мастера молоть языком и в короткий срок «радикализовали» Германию до основания. Необходимо почаще напоминать о том, насколько печально и отвратительно всё это было, поскольку мы подобными вещами «балуемся» легко, а плохое забываем слишком быстро.

Ложный радикализм, словно призрак, незримо бродил в мозгах людей. Быть радикальным и быть революционным означало для них лишь одно: крушить вокруг себя буквально всё. Нужно ли было возводить на месте разрушенного нечто лучшее и каким образом это осуществить – меньше всего заботило тех, кто строил из себя «радикала». На деле же их радикализм, имея лишь отрицательную направленность, оборачивался слепой ненавистью и бешеной яростью.

Одичавшая толпа обывателей ведет себя как сборище унтерменшей: если ослабить над ними контроль, отпустив, так сказать, поводья, то их вмиг захлестнёт «радикализм». С таким радикализмом мы, солдаты Гитлера, совершенно не имеем ничего общего.

И, тем не менее, мы должны быть радикальны. Радикализм хорош, когда он несёт в себе определенный позитив. Мы яростно возмущаемся не против тех явлений, которые не устраивают нас по какой-либо отдельной причине или совершенно для нас неприемлемы. Если бы это было именно так, то наши действия можно было бы охарактеризовать как всего лишь проявление свирепой ярости и негодования, но никак не радикальностью. Добраться до самых корней зла и со всей решительностью их вырвать, чтобы лишить зло возможности развиваться дальше – вот что для нас значит быть

радикальным, ибо даже само слово «радикализм» несёт в себе значение слова «корень» (латинское: radix = корень – авт.).

Вскрывать причину происхождения мешающих и угрожающих достижению нашей цели явлений и вести с ними непримиримую борьбу – это нечто иное, нежели «донкихотство» тех, кто сражается против всего того, что имея место в нашей жизни, не соответствует их взглядам.

Активно противостоять определённому порядку вещей, когда речь идет только о противодействии, как о таковом, способен практически каждый. Но политическая близорукость может лишить человека возможности знать предпосылки, приведшие к возникновению ситуации, требующей его вмешательства. И поэтому этот человек оказывается не в состоянии устранить порожденное этими предпосылками и ставшее очевидным зло. Мы же хотим досконально исследовать каждую причину, которая дала о себе знать, вылившись со временем во вредоносное следствие.

Поскольку далеко зашедшие последствия в большинстве случаев являются отражением совершенно незаметных на первый взгляд причин, мы стремимся принимать близко к сердцу все, что касается нас самих. Весьма вероятно, что от нерадивости, халатности и недостатков характера отдельного человека может зависеть возникновение такого неприемлемого и причиняющего ощутимый ущерб состояния дел, когда принятие необходимых для исправления ситуации мер превышает полномочия, входящие в сферу деятельности и компетенцию этого человека. Поэтому мы предотвращаем появление подобных причин в нашем собственном кругу, благодаря, прежде всего, верному исполнению возложенных на нас обязанностей и благодаря правильному обращению с вверенными нам людьми!

Но, иной раз, мы можем обнаружить и такие негативные последствия, виной которых стало нечто иное. И в этом случае это может значить для нас лишь одно – сделать всё для того, чтобы уничтожить в срочном порядке сам их повод. В подобной ситуации мы должны будем набраться мужества беспощадно заменить все подвергнувшееся недугу на здоровое. Дом, деревянные стены и несущие конструкции которого поражены плесенью, не может довольствоваться мелким косметическим ремонтом, лишь скрывающим от глаз серьёзные повреждения. Мы не спасем его от разрушения, прибывая новые доски на изъеденные грибом балки. Нет! Должны быть убраны сами эти никуда не годные балки и

заменены на те, что не имеют ни единого дефекта! При этом мы можем позволить себе несколько не смущаться тем, что владельцы жилья станут вдруг жаловаться, например, на временное нарушение своего комфорта.

Подходить к своим поступкам и образу жизни с самыми строгими критериями и решительно менять, там где мы это сочтём нужным, всё дряхлое и прогнившее на полное сил и энергии – вот что на самом деле значит быть радикальным. И в этом мы точно так же не позволим втереть себе очки тем, кто на словах выражает своё согласие с нашими действиями, как и не потерпим создания препятствий со стороны тех, кто нам открыто себя противопоставляет.

Мы знакомы со звучащими в наш адрес придирками. Выслушивать их неприятно. Хуже, когда этим придиркам даётся обоснованная причина. Но хуже всего, если мы эту причину не устраняем.

Вы возразите: «Это должно идти сверху. Отдельному человеку это не под силу!» Я Вам отвечу: «От повседневного поведения и поступков каждого из нас в отдельности зависит, существует ли внутренняя жизнеспособность дальнейшего развития нашего общего дела или нет. И Ваш штурмфюрер, как Ваш непосредственный руководитель, мог бы проводить чрезвычайно ценную в этом отношении воспитательную работу».

Если все мы – солдаты Гитлера – радикальны по отношению к самим себе и, когда это от нас требуется – революционны, если мы храним свою верность окружающим нас соратникам, если мы остаемся скромными и простыми, если мы являемся образцом в своей работе и службе, если мы противостояем искушению расслабиться, короче – если мы живём так, как к этому стремится наш Фюрер – в этом случае нам будет легко определить, где пускает свои ростки поражённый болезнью корень.

При исполнении этих требований даже наша состоящая из такого огромного количества людей формация, в которую мы превратились, будет прозрачна настолько, что каким-либо изъянам в наших рядах не удастся остаться незамеченными. Как раз от нашего радикализма и зависит возможность взглянуть на наши собственные ошибки сверху и самым решительным образом навсегда с ними покончить.

Тот, кто вдруг сочтёт, что сделанного им для Адольфа Гитлера за время, проведённое в наших рядах в период борьбы вполне достаточно, и теперь можно спокойно позволить себе отдых и почитать

на лаврах былых заслуг – будет глубоко не прав. Мнение о прохождении солдатом Гитлера испытания на стойкость складывается из двух показателей. Прежде всего, конечно же, оценивается мужество, которое было столь необходимо в то нелёгкое время для того, чтобы выстоять в волнах красного потопа. Но наряду с этим принимаются во внимание и те человеческие качества, на проявление которых своими людьми после победного перелома рассчитывал и продолжает каждый день рассчитывать Адольф Гитлер.

Тому, кто оказался в состоянии соответствовать только первому условию, не стоит удивляться, видя теперь в наших рядах людей, чья активность пробудилась несколько позднее, и которые в данный момент всемерно стараются соответствовать второму требованию. И, уж тем более, глядя на относящихся с полной серьёзностью к прохождению сегодняшних и грядущих испытаний, он совершенно не имеет никакого права бросать на них косые взгляды.

Чем дальше время отодвигает от нас минувшие события, тем больше мы должны будем видеть во всех наших соратниках свойственное им усердие, нравственную чистоту и верность. Чем дальше мы продвигаемся, тем меньше нам следует задавать вопросов о том, что было Раньше, и тем внимательней мы будем должны видеть то, что происходит Сейчас.

Мы возводим здание новой Германии. Каждый из нас должен, принеся на строительную площадку свой кирпич, вручить его в руки Фюрера. И если мы не нуждаемся в тех, кто способен лишь драть глотку, то мы ни в коем случае не вправе отказываться ни от одного соплеменника, который охотно и с радостью берётся за дело. Более того, мы стремимся проявлять заботу о том, чтобы ничто не смогло отравить ему эту радость. И так должно быть по всей Германии! И это всё больше и больше будет зависеть от личных деловых качеств и характера тех, кто готов служить лучшей Германии.

Штурмфюрер

Если бы господа референты, занимавшие посты в высоких штабных инстанциях, вдруг поменялись местами с ротными командирами, то многое имело бы совершенно иной вид. На войне командир роты оказывался, без преувеличения, самым задёрганным существом на этой земле. Казалось, что в тот момент, когда высокие посетители из штабов прибывали с визитом в траншеи, «томми» (прозвище английских солдат – прим. перев.) словно нарочно не открывали стрельбу. И вот тут-то из раза в раз вновь находилось то одно, то другое, за что приходилось сполна держать ответ одному лишь командиру роты. Здесь, например – повсюду валялись стреляные гильзы, а там – над входом в блиндаж отсутствовала табличка с соответствующей надписью, ну и, непременно: «Вон у того солдата расстегнута третья пуговица сверху!»... Когда стихал вихрь шквального огня противника, всюду разгорался ураганный огонь нескончаемой писанины! О, эта проклятая бумажная волокита! Совершенно не удивительно, что от полученных в её ходе тысяч язвительных уколов кожа «фронтовых свиней» задубела и по прочности не уступала слоновьей!..

Когда память возвращает меня в годы минувшей войны, и перед моими глазами встает сомкнутая шеренга старых фронтовых друзей – всегда в самой середине их строя я вижу командира нашей штурмовой роты – нашего штурмфюрера... Случалось, что того или иного солдата могло по какой-либо причине вдруг не оказаться на месте. У штурмфюрера же каких бы то ни было причин для отсутствия не существовало никогда, и всегда его видели именно там, где он был нужен. Этому ему никто не приказывал. Но иначе для него просто и быть не могло. Над этим, собственно, никто тогда особенно и не задумывался – для всех нас не было ничего столь более очевидного, чем то, что наш штурмфюрер всегда находится среди нас.

Нам было достаточно того, что он есть, и что он исполняет свои служебные обязанности, которым вряд ли бы кто из нас позавидовал. Был ли он достоин носить больше звёзд на погонах и занимать более высокую должность? – Мы зачастую и не задавались подобными вопросами. Для нас это абсолютно ничего не меняло и от этого ничего не зависело. Дело было совсем в другом – он один брал на себя заботу о всех остальных. За всё, что Вы – наши командиры – вынесли в то

грозовое время на своих плечах во имя нас всех – Вам принадлежит вечная признательность и благодарность Ваших старых камрадов!

Война была окончена, но всё, чем Вы жили и чем дышали, продолжало определять одно слово – «штурм». Куда бы ни лежал Ваш путь – сердце стучало в такт: «Штурм, штурм, штурм!» Когда, не имея возможности найти себе работу, Вы оказывались без малейших средств к существованию, всё вокруг вообще превращалось в один бесконечный штурм. Когда работа в конце концов находилась, Вы трудились так, будто перед Вашими глазами стоял, не исчезая, всё тот же непрекращающийся штурм.

На что ни взгляни – практически всё, что с Вами случилось – происходило вследствие этой установки на «штурм», иной раз заканчиваясь препровождением в полицейский участок. Когда по вечерам Вы возвращались оттуда домой, то времени на жену и детей у Вас не было, поскольку опять приходилось срочно уходить по делам – следы сапог на лежащем под дверью коврик указывали на то, что в Ваше отсутствие многие искали встречи с Вами. Ваши жёны, прекрасно знавшие, с кем имеют дело, порой лишь успевали завернуть Вам на дорогу пару бутербродов. А когда и находилось полчаса свободного времени, оно уходило на всевозможные объяснения необходимости той или иной встречи и причин, по которым она не состоялась своевременно. Сегодня уже и не вспомнить всего того, что Вы тогда говорили своим жёнам...

Мысленный взор каждого, кто с гордостью или светлой грустью вспоминает годы, предшествующих нашей победе, неизменно останавливается на своём штурмфюрере, чей образ был олицетворением мужественной радости, которую мы испытывали, ведя нашу борьбу...

Когда штурмфюрер находился в зале, где проходило политическое собрание, ему постоянно приходилось буквально разрываться на куски, чтобы суметь дать ответы на так и сыпавшиеся со всех сторон вопросы. К нему было приковано всеобщее внимание, и, оказавшись под перекрёстным огнём взглядов, он словно превращался в спаренный громоотвод, который, нейтрализуя опасность напряжения, идущего «снизу», одновременно принимал на себя молнии, летящие «сверху».

Когда отправлявшиеся на выездную политическую акцию бойцы штурмового отряда тесно набивались в кузов грузовика, окружённый своими людьми штурмфюрер воочию убеждался в том, что вокруг

него сомкнулся круг, разорвать который будет не под силу абсолютно ничему, даже если весь мир покатится ко всем чертям. В такой поездке можно было послушаться многого. Здесь все общались между собой на одном языке, нисколько не стесняясь своих «речевых оборотов». Приверженцев салонных замашек тут не наблюдалось, и всё высказывалось напрямую и без затей. Штурмфюрер участвовал в этих разговорах наравне со всеми и лишь тихо посмеивался, слыша слишком уж крепкое «народное» словцо. Он прекрасно знал честные сердца своих людей, и совершенно спокойно позволял им «ворчать», сколько вздумается. Эта «прусская» привычка была ему знакома: стоит ругань, но то, что надо делать, делается! И, до тех пор, пока его люди по своему обыкновению не утруждали себя выбором выражений, всё было в порядке. Но вот когда они вдруг затихали, штурмфюрер тут же обострял всё своё внимание и довольно быстро понимал, с какой стороны ему следует взяться за решение внезапно возникшей проблемы...

Наши камрады вряд ли представляют себе сегодня, что на самом деле значило быть штурмфюрером в те минувшие дни... Да и те старшие по возрасту из нас, кому не привелось лично исполнять обязанности штурмфюрера, знают об этом ненамного больше молодёжи.

В мирное время командир роты имел в качестве помощников несколько офицеров и в совершенстве знающий службу унтер-офицерский корпус. Под его командованием в стенах казармы находилось около ста двадцати призванных на два года солдат. На фронте штурмфюреру приходилось гораздо сложнее – ведь личный состав его подразделения чуть ли не каждый день нёс потери или принимал пополнение. Выучка его младших командиров также полностью зависела лишь от него одного. Бюрократическая волокита – мы называли её «бумажной войной» – предъявляла к нему, как к офицеру, совершенно те же самые требования, что и война в траншеях, пожирая лучшие его силы. Но, вопреки всему, он всегда оставался фронтовиком, а не канцелярской крысой.

Камрады, коль скоро Вы гордитесь своим подразделением, Вам следует испытывать гордость и за своего лучшего камрада – за своего штурмфюрера!

И если Вы, молодые камрады, находящиеся на командных должностях, можете сегодня смело носить свою элегантную униформу безо всякой опасности подвергнуться преследованиям,

оскорблениям и нападению – не забывайте, что способность вести людей за собой определяется не мундиром, но полностью зависит от того, кто этот мундир носит!

Постарайтесь же почаще вспоминать своих предшественников, в тяжёлое время проложивших Вам надёжную дорогу в сегодняшний день!

Боевое товарищество

В каждом из нас найдётся место тем или иным низменным инстинктам. Преодолеть и победить их – самое первое требование, которое Ты должен предъявить самому себе, коль скоро действительно хочешь быть камрадом по отношению к окружающим тебя соратникам. Выполнить это требование довольно нелегко.

Однажды, во время минувшей войны, русские подвергли один из участков, обороняемых моим подразделением, страшному обстрелу из гаубиц. Ад был кромешный, но я всё же заметил, что в траншее среди моих людей находился солдат занимавшего позиции по соседству полка, который, как мне было известно, пошел на войну добровольцем. Когда огонь противника затих, я, несколько удивленный тем преимущественно радушным и даже заботливым приемом, что ему оказали мои боевые товарищи, подошёл узнать, что этот солдат, собственно, у нас делает. Выяснилось: сказать, что он в прямом смысле дезертировал из своего полка, было нельзя – он просто по-мальчишески решил удрать из своей части, поскольку старослужащие и унтер-офицеры не слишком по-доброму с ним обращались. Этому парню было всего-то лет семнадцать, но на груди у него уже красовалась черно-белая ленточка (её ношение свидетельствовало о награждении Железным крестом II-го класса – прим. перев.). Я счёл нужным отвести его в сторону и спросил: «Как я вижу, ты уже успел получить в награду Железный крест? Скажи – там, где ты его заслужил, уж наверняка пришлось натерпеться страху? Тех, кто был рядом с тобой, погибло много? Что же получается – ты доказал однополчанам, что оказался в состоянии выстоять среди мира смерти, а теперь готов сломаться перед тем, что порой случается в жизни?!» Отправив его назад, я дал ему с собой записку, адресованную командиру его роты, в которой просил в будущем быть повнимательней к этому молодому солдату. А ему самому я дал такой совет: если когда-нибудь «старики» вновь задумают его «погонять», то он должен тут же дать им отпор – взять и засадить первому попавшемуся из них прямо по морде, к примеру, котелком с горячей перловкой. «Вот увидишь, – сказал я, – это вмиг пробудит к тебе уважение в их глазах!..» Я оказался прав, что подтверждали письма, которые впоследствии этот парень посылал мне из Сербии, куда была переведена его часть.

Но разве довоенная жизнь в казармах проходила совершенно безо всяких трений? И разве не случалось ссор? В мирное время сплошь и рядом можно было наблюдать, как служившие в разных полках далеко не всегда жили друг с другом душа в душу. Кирасиры, например, терпеть не могли драгунов. Тем не менее, те и другие вставали плечом к плечу, когда, принимая участие в манёврах, занимали позиции против условного противника. Когда же пробил час отправляться в поход по вражеской земле, нами и подавно было забыто всё ранее представлявшееся таким важным, ибо в действительности оказалось несущественным и смешным. Вот типичная ситуация фронтовых лет: на пути конного разъезда лежит кто-то, укрытый брезентовой плащ-палаткой. Тут же, без промедления, один или несколько кавалеристов спешиваются, чтобы проверить: а вдруг этот «кто-то» – один из нас?.. И чувство скорби, заставлявшее их понурить головы, если под пропитанным кровью покрывалом они видели серую германскую шинель, было искренним, ведь – действительно – в этой шинели спал мёртвым сном один из нас! Теперь было абсолютно всё равно – был ли это такой же, как и они, кавалерист, или выбравшийся из окопа пехотинец. Служил ли он в гвардейской части или был нестроевым из подразделения материального обеспечения – эта разница утрачивала всякое значение. Один из нас... Так пробуждалось понимание тесной связи между всеми нами и зарождалось великое чувство фронтового товарищества. Здесь лежал не «кто-нибудь». Здесь лежал отдавший свою жизнь за наш народ павший камрад!..

Некая необъяснимая и таинственная загадка сокрыта в самых глубинных основах фронтового товарищества... Ещё вчера вечером этот молодой солдат, заступая со своим отделением в караул, битый час никому не давал покоя и вызывал нешуточное раздражение своими нескончаемыми вопросами. А сегодня он, тяжело раненый, лежит перед вражеской колючей проволокой, и те, у кого совсем недавно он чуть было не выпросил хорошую затрещину, слыша его стоны, готовятся сделать вылазку и на себе вытащить его из под огня противника обратно в свой окоп, не взирая на то, что некоторым из них, скорее всего, придётся самим расстаться с собственной жизнью, что в подобных ситуациях произошло уже со многими их предшественниками...

Совместно пережитое связывает крепкими узами. Мундир единого образца воспитывает гордость за нашу единую общность. Но только реальная опасность позволяет проявить со всей отчётливостью такие

качества души, которым в иных ситуациях не даёт развиваться мелочный эгоизм. Когда дела предельно плохи и во весь рост поднимается вопрос о жизни и смерти, с нас спадает всё ложное и несущественное. Если мы действительно хотим правильно понять, что такое настоящее товарищество, то нам необходимо научиться самостоятельно, не прибегая к исключительным воспитательным мерам, подавлять в себе эгоистичные порывы, и наша жизнь в результате обретёт гораздо более ценное содержание. Марширующие в ногу слышат не только лишь мерную поступь своих шагов. Они вслушиваются и во внутреннюю сущность друг друга. Иначе между настоящими камрадами и быть не может. У идущего рядом с тобой в одной шеренге ты открываешь всяческие сильные и слабые стороны. Может быть – ты у него чему-нибудь научишься, и с его помощью тебе удастся собраться с духом в трудную минуту, а, может, и наоборот – ты сам в нужный момент дашь ему свою поддержку и опору. Многие из идущих в одной с нами колонне оказываются гораздо лучше и сильнее нас, как бы ни было нам трудно это признать. Но вместе с ними найдутся и те, кому нам следует в решительной или, напротив, мягкой форме протянуть руку помощи. То, что мы обязаны друг с другом делиться последним куском хлеба – всего лишь естественное и само собой разумеющееся средство для достижения нашей общей цели. Поэтому, мой Камрад, никогда не забывай о последствиях всего сделанного тобой машинально и не совершай необдуманных поступков! Если ты просишь оказавшегося рядом дать тебе глоток из его фляги, то не вздумай выпить всё до дна! Когда вы совместными усилиями наводите порядок на территории походного лагеря – никогда не старайся увильнуть от порученной тебе работы, и в особенности – если на занимаемой в гражданской жизни должности ты отдавал распоряжения другим!

Если бы все германцы по-настоящему обладали чувством правильного понимания товарищества, мы навряд ли бы нуждались в устанавливаемых законами нормах. Если бы каждый проявлял свою преданность по отношению к окружающим – дисциплина самым естественным образом стала бы неотъемлемой частью наших товарищеских взаимоотношений.

Возможно, что и духовность всего нашего Движения неизменно берёт своё начало из той самой марширующей колонны – вряд ли в наши ряды смогло бы незаметно проникнуть нечто, явившееся вдруг из чуждого мира. Но знай, камрад: в тех краях, где властвуют львы, к

жизни удаётся приспособиться и шакалам! Рядом со сплотившимися в революционном порыве германцами идут, стараясь не привлекать к себе пристального внимания, рвачи и мародёры. Они, подобно стервятникам, едва лишь заметив где-либо проявление слабости, вмиг устремляются туда в расчёте извлечь для себя выгоду. Как правило, они скрывают своё истинное лицо под маской обывателя или маскируются, выдавая себя за опоздавших к началу борьбы – но при этом, не желая испытывать абсолютно никаких трудностей, они старательно избегают встречи с любой опасностью.

Когда Вы будете участвовать в массовом торжественном построении на стадионе, взгляните-ка на зрительские трибуны!... Да, действительно, почему бы стоящим на них элегантно и респектабельно одетым людям и не полюбоваться с радостью на разворачивающуюся перед их глазами картину нашего самообладания, дисциплины и силы! Но если мы обратим внимание на очевидную двойственность окружающего нас – когда здесь, вдыхая запахи крепкого пота и слыша скрип кожаной амуниции, мы ощущаем атмосферу сконцентрированной воли и стремления к действию, а поодаль – наблюдаем царящее среди ароматов свежего белья и душистого мыла настроение ожидания и выжидания – то нам при этом, прежде всего, приходится с практически стопроцентной уверенностью отметить, что среди тех зрителей, что приветствуют нас возгласами искреннего ликования, везде и всюду найдутся те, кто, точно так же празднично вырядившись, стоял на трибунах и бурно демонстрировал свой восторг при виде выносимых некогда на парадах флагов Веймарской республики. А сколько среди них затесалось тех, кто поднимал в приветствии сжатый кулак, глядя на проходившие незадолго до нас по улицам и площадям колонны Рот-Фронта?! Ханжество и лицемерие этих не имеющих к нашему товариществу никакого отношения типов позволяет им извлекать выгоду, чуть только они увидят какую-нибудь возникшую лазейку в наших сплочённых рядах. Как правило, вследствие этого в отношениях между людьми возникает непреодолимая пропасть. Тот, кто не смог быть нашим камрадом, всегда будет для нас врагом. Однако, мы неустанно заботимся о крепости уз нашего товарищества. Тот, кто шёл вместе с нами в одной шеренге и вдруг был назначен на вышестоящую должность, всё равно продолжает оставаться нашим камрадом. И как бы ни сложилось, мы не станем висеть у него на плечах и хватать за рукава, мешаясь у него на пути. Отойдя в сторону,

мы не будем загораживать открывшиеся перед ним перспективы. Но и Ты – наш ставший командиром или руководителем камрад – будь добр не забывать, кто Ты и откуда Ты пришёл!

Каждая сущность должна быть связана с подобной себе. Чужеродное подрывает нашу волю и силу. Чужеродное окутывает туманом нашу цель. И поэтому мы обязаны среди самих себя оставаться германцами. Всё расовочуждое являет собой реальную опасность. И поэтому наше товарищество – наипервейшая предпосылка сохранения нашей расы.

Существуют люди, для которых вся их жизнь превратилась в нескончаемо длинный марш. Им суждено вечно нести за плечами свой походный ранец. Среди них, марширующих нога в ногу и плечом к плечу, вне всякого сомнения, немало тех, кто мог бы, благодаря своим способностям, иметь более высокое звание и занимать командную должность. Знать это и продолжать дальше идти вперёд без малейшего недовольства – вот поистине величественная песнь нашего боевого товарищества! Сколь многого мир не знает, не будучи даже частично знаком с историей наших подлинных достижений, добиться которых нам удалось лишь благодаря нашему товариществу! За блеском немногих довольно часто находится самоотверженная работа всей жизни множества других, оставшихся незамеченными и безымянными. Здесь в большинстве случаев и проявляется наше святое товарищество, о котором не говорится ни в одном сказании о подвигах героев и о котором не написано ни в одной книге о героических деяниях. Но именно в знак преклонения перед этими людьми мы обнажаем свои головы!

А теперь, камрад, постарайся посмотреть на своего соседа совершенно иными глазами. Как часто Ты даже не догадываешься, что происходит с тем, кто рядом с Тобой одет в точно такой же мундир, как и Ты. Проявляй терпение в общении с ним, если он порой не бывает настолько расторопен, насколько это – по Твоему мнению – требуется! И, если вследствие этого будет необходимо прийти ему на помощь, будь снисходителен! Учись понимать мотивацию окружающих! Может быть, Твои камрады в чём-то и отстают от Тебя, имеющего перед ними какие-либо определённые преимущества. Но не забывай и о том, что рядом с Тобой обязательно найдётся тот, кто окажется гораздо лучше Тебя!

Если в мире и существует что-то неизменное на все времена, так это то – что Твой камрад является разделяющим Твою судьбу

спутником, чья жизнь пересеклась с Твоей. Частичка его души принадлежит Тебе, и за него Ты несёшь такую же ответственность, как и за самого себя!

Когда мы подобным образом строим отношения со своими камрадами, мы, тем самым, прежде всего, занимаем правильную позицию по отношению к соратникам, которым уготовано быть сражёнными во имя свободы Германии и сохраняем искреннюю благодарность тем, кто отдал свои жизни, веря в будущее нашего Отечества...

«Камрады, сражённые пулями Рот-Фронта и Реакции, маршируют вместе с нами! Их дух незримо присутствует в наших рядах!» – Для нас, солдат Гитлера, сложенная Хорстом Весселем героическая песня навечно стала святым призывом вечно хранить наше нерушимое боевое товарищество.

Народная общность

Все Вы знаете о небольших садовых участках, расположенных по окраинам наших крупных городов. Вам знакомы любовь детей большого города к маленькому клочку родной земли и желание принять фактическое участие в его возделывании, радость от созерцания растущих цветов и полезных растений, что посажены на этом арендуемом Вами или Вашими близкими участке. Можно было бы высказать мнение, что, по крайней мере, хотя бы в этом находит своё постоянное подтверждение глубокий смысл, заложенный в нечто общее для всех нас. Ведь мы уже почти забыли, насколько плохо выглядело понимание того, что такое «общность», всего лишь несколько лет назад. Да, мы и тогда отмечали праздники урожая, собираясь вместе, но ощущением нашей внутренней общности эти торжества сопровождалась далеко не всегда.

Мне приходит на память завершение одного из них... Вот уже один за другим гаснут огни разноцветных фонарей и смолк последний смех, как вдруг в ночной тишине какой-то припозднившийся музыкант протрубил: – Германия превыше всего...!

Какое мужество! Ибо в то время подобный поступок германца в Германии считался – ни более и ни менее того – предосудительным! Присутствующие шумно возмущаются... Они всерьёз посчитали, что их «провоцируют». Несколько тактов национального гимна Германии прозвучали для них объявлением войны... Это было людским горем, и это было горем Германии. Германия была накануне своего смертного часа: германские сердца и души разъедало бесчинство всевозможных политических партий. Их приверженцы на каждом шагу проповедовали всеобщее равенство между всеми, внешне имевшими человеческий облик, но своему родному брату проламывали череп! Когда по рабочим дням люди стояли у заводских станков – ощущение радости и воодушевления от шума исправно работавших механизмов было им чуждо. Издаваемые машинами звуки были для них ничем иным, как нескончаемой песней неизмеримо лютой ненависти.

Эти люди чувствовали себя не хозяевами, но прислуживающими этим машинам рабами. В них не было совершенно никакой гордости от ощущения того, что они являлись теми, кто усмирять силу железа и стали. Колеса и шестерни возымели господство над людьми, ибо сами люди собой не владели, потеряв себя на пути исканий мысли, неизменно упирившейся в ненависть – в ненависть против точно таких

же, как и они, германских соплеменников и против изначально созданных с единственной целью – служить людям – механизмов машин. (В марше штурмовиков, исполняемого на мотив советского «Марша авиаторов» и фрагмент которого можно услышать в фильме Лени Рифеншталь «Триумф воли», первый куплет начинается словами: «Herbei zum Kampf, ihr Knechte der Maschinen, nun Front gemacht der Sklavenkolonie...») («Вы, рабы машин, поднимайтесь на борьбу! Только единым фронтом мы не дадим превратить себя в рабскую колонию!») – прим. перев.)

Каким же коренным образом изменилась с тех пор жизнь германцев! И за какое короткое время! Не будем же никогда забывать этого, дабы не допустить вины перед свершившимся, заново создавая ему былую угрозу! Германский Человек – стоит, возвышаясь над Техникой. Сами же германские люди стали по отношению друг к другу камрадами. Вновь обретя власть над машинами, они заново ощущают искреннюю радость при виде сверкающих рычагов системы управления механизмами. Теперь они твёрдо знают: именно они приказывают машинам; и результат этих команд и повиновения машин служит не какому-то отдельно взятому предпринимателю, но всей германской нации!

Всего лишь несколько лет назад людям верилось, что находящиеся в заводских цехах машины или какая-либо производственная деятельность – это, будто бы, и есть промышленное предприятие. В действительности же, одни лишь машины и их работа еще не являются в полном смысле промышленным предприятием. Предприятие – это процесс творческого созидания, осуществляемого общностью руководства и подчиненных. Такое предприятие образует гармонию духа, мыслей, созидательных сил и ожидающего их приложения материала. Рассудительный ум и искусные руки, подвергая тот или иной материал обработке, производят из него определённый товар, который реализует потребителю коммерческий представитель. Такое предприятие имеет душу, в нём заложен живой смысл, который гораздо выше одного лишь получения денежной прибыли от производства и продажи товаров!

Солдаты Гитлера! Сейчас многие из Вас несут свою трудовую вахту – в заводском цеху среди шума приводных ремней или в тишине канцелярий. И от Вас зависит, что в созидании будут принимать участие не только мозги и руки, но и сердца творцов, что каждое дело будет выполняться с любовью, и радость сможет заметно облегчить

любую трудную работу. Речь сейчас идёт не о бессмысленной попытке всеобщей уравниловки, но об искреннем признании достоинств каждого – ибо каждый из нас одинаково важен. Никто не вправе считаться лишь с самим собой – тем самым он отравляет радость совместного труда и подрывает веру других. Важен генеральный директор предприятия. Но важна и уборщица, наводящая чистоту в его рабочем кабинете.

Предприятия – крупные и малые, размещённые в цехах фабрик и организованные на дому производства – взятые все вместе, они в итоге образуют общность трудящихся германцев, условия жизни в которой являются общими для всех. Теперь эта общность пустила в Германии крепкие корни. Наша страна ныне принадлежит созидателям, и в ней больше не осталось места тем, кто мог бы присвоить результаты их труда. Эта общность включает в себя весь германский народ, и ни один из нас не вправе ограничиваться одними лишь рассуждениями по поводу её становления и укрепления. Каждый должен понимать её сущность и полностью отдавать отчёт о своей сопричастности с ней. Лучше всего степень этого понимания можно проверить, оценив действия человека. Но действие – это Ты, солдат Гитлера! Что значит для Тебя эта общность, Ты обязан продемонстрировать своим соплеменникам на примере своей собственной жизни. Тех же, кто полагает, что сможет справиться с поставленной перед ним задачей одними лишь громкими словами и красивыми жестами, солдатами Гитлера назвать ни в коем случае нельзя. Послушайте, что эти люди говорят и посмотрите на их поступки! Они разрушают то, что создал Гитлер, и калечат души тех, за кого мы боремся и кого мы больше не вправе потерять, ибо для нас каждый германец является ближним, и нам важны жизнь и судьба каждого мужчины и каждой женщины в отдельности.

Никто из нас не принадлежит лишь самому себе. Любой человек прочно связан с другими, в чём мы до недавнего прошлого отдавали себе отчёт не полностью. Каждый точно так же принадлежит другому, как и другой принадлежит ему. И, хочешь – воспринимай ты это в штыки, а хочешь – делай вид, что это тебя не касается, но с этим ничего не поделаешь. Все вместе мы составляем единое целое, даже, если встречаясь на улице, мы тысячи раз проходим мимо друг друга, обходясь без взаимных приветствий. Нас связывает воедино народная общность – отвергаем мы её или признаём. Да! Она продолжает по-прежнему крепко связывать нас, даже когда мы отправляемся в свой

последний путь! Если бы эта общность погибла, вместе с ней погиб бы и народ. Мы часто соглашаемся с этим неизбежным фактом, не постигая до конца всю глубину его смысла. И всё же, очень жаль, что мы не всегда ощущаем эту общность, хотя она живёт, охотно подтверждая нам своё существование буквально на каждом шагу.

Скажи: смог бы кто-нибудь из нас налить себе хотя бы один стакан воды, для чего ему стоит лишь открыть на кухне кран, если бы сначала одни наши соплеменники не изготовили водопроводные трубы, а другие затем не уложили эти трубы в землю и не ввели в действие насосные станции? Задумывался ли Ты, садясь завтракать, о том, насколько долог был путь хлеба, оказавшегося на Твоём столе? Вспоминал ли Ты о том, что кто-то один – неизвестный Тебе соплеменник – распахал поле и засеял его пшеницей, другой – когда пришло время, убирал урожай, а третий – выпекал хлеб из смолотых в муку зёрен? У Тебя, вернувшегося домой в ненастный день, не была бы сухой обувь, если бы кто-то другой не вымостил улицу булыжником и не позаботился об отводе дождевой воды. Кто сшил для Тебя твой костюм и кто построил для Тебя железные дороги? В людской толчее Ты встречаешься с теми, кто построил для Тебя дом, в котором Ты живёшь. Ты не знаком с ними лично и не приветствуешь их при встрече. Ты с большим интересом читаешь книгу, которая наполняет Тебя возвышенными чувствами и помогает расширить Твой кругозор. Но вспоминаешь ли Ты о том, кто длинными ночами писал её для Тебя? Или о тех, кто её верстал, печатал и переплетал? Телефонная связь стала для нас само собой разумеющимся явлением, но сможешь ли Ты, не пользуясь тем, что сделано другими, совершить хотя бы один телефонный звонок? Кого Ты с надеждой зовёшь к постели заболевшего родственника? Врача, соплеменника, то есть, опять-таки – кого-то другого из окружающих тебя... Везде и всюду Ты встречаешь безмолвных свидетелей созданного для Тебя другими людьми. Их настолько много, что Ты перестаёшь ощущать их постоянное присутствие в своей жизни, которая, тем не менее, полностью от них зависит. Знай: Твоей жизни наступил бы конец, если бы Твои соплеменники прекратили трудиться для Тебя! И ни один человек, каким бы упрямым и сумасбродом он ни был, не в силах разорвать эти накрепко связавшие всех нас тесные узы...

И всё же здесь нам хочется прибавить к сказанному самую малость, а именно – показать нашу любовь и верность этим буквально

осязаемым нами узам, дав тем самым услышать созвучие биения наших сердец.

Германская народная общность являет собой нечто совершенно иное, нежели воплощение марксистских грёз о всеобщем равенстве. Наша общность покоится на нерушимых связях образующих единый народ людей одной крови. Но невозможно себе представить, что теперь все были бы абсолютно такими же, как Ты или я. Предрасположенности и способности – слава Богу! – у всех разные. Один обладает превосходством в интеллектуальной сфере, у другого – золотые руки. Скрипачу-виртуозу ни к чему заниматься доставкой почты, а умелому ремесленнику сидеть в кресле председателя судебной коллегии. Профессиональные требования усиливают требования, предъявляемые к образованию. Для получения соответствующего образования иной раз необходимы немалые средства, которые многие затрачивают, испытывая лишения и даже голодая. Поэтому – справедливо, когда судья имеет более высокую заработную плату, чем его секретарь или делопроизводитель, поскольку, когда эти двое уже регулярно получали своё жалованье, он, занимаясь изучением юриспруденции, долгое время не имел никаких доходов вообще.

Генеральный директор предприятия должен и, более того – он обязан! – одеваться иначе, чем находящийся под его руководством конторский служащий. Он должен – и обязан – подчёркивать этим свою принадлежность к определённом культурному кругу, соответствующему его интеллектуальному уровню.

Как бы то ни было, но никакого вреда для народной общности в том, что по случаю праздника человек надевает фрак – если в этот день не предусмотрено быть одетым в униформу – безусловно, нет. Ущерб народной общности наносится, когда мы начинаем придирается к своему соплеменнику во фраке. Мелочное критиканство и подначки, порождённые завистью к тем, кто получает более высокое жалование, разлагают народную общность. И поэтому мы стремимся прилагать больше стараний к тому, чтобы внимательнее смотреть на окружающих нас, чтобы лучше понимать их и не упустить возможности уделить им свою заботу. Наряду с этим мы обязаны, поскольку это именно в наших руках, воспитывать в наших собственных детях прилежание и усердие, чтобы они, став однажды мастерами своего дела, могли получать достойное вознаграждение за свои знания и труд.

Нет! Различия должностных званий, сословий, духовных и интеллектуальных интересов внутри народной общности являются не препятствием, но объективной необходимостью. Но существует нечто дающее поддержку и общее для всех – это искренность убеждений и прямота характера. Это – понимание окружающих, это – гордость каждого мужчины и каждой женщины за то, что они являются значимыми членами германской общности. Труд, коль скоро он выполняется на совесть, облагораживает. Поэтому, если кто-то говорит: «Я – «всего лишь» простой рабочий!» будет неправ. Тем самым он унижает сам себя. Никаких «всего лишь» в народной общности не существует. Если «простой» дворник, подметая улицу, занимается своим делом исправно и добросовестно – он самым благородным образом служит своей нации. Этот «маленький» человек стоит бесконечно выше того, кто умудрился занять какую-либо высокопоставленную должность, являясь при этом по складу своего характера негодяем и подлецом.

И никакие фраки и рабочие спецовки не вправе препятствовать тому, чтобы сердце одного соплеменника дарило своё тепло другому. Всё остальное вытекает из этого само собой, и в жизни наступает конец такому положению вещей, при котором одни, не будучи ни в чём виноваты, вынуждены голодать и замерзать, а другие, совершенно не имея на то никаких заслуг, живут, окружённые роскошью и изобилием.

Соратники Гитлера! Проходя становление в своих партийных подразделениях, мы решаем взятые на себя задачи и растаем в народную общность. В наших руках находятся процесс придания фундаменту этой общности несокрушимой прочности и её дальнейшее формирование на принципах справедливости. Каковы мы сами, такими будут и другие. И каждый из нас обязан действовать в соответствии с высшим смыслом служения Германии всеми своими силами. Всё зависит исключительно от того, как мы к своему служению относимся. Материальные средства являются лишь средствами для достижения цели. Целью же и смыслом жизни для нас является служение Народу и Отечеству. Так мы понимаем, что такое «общность германского народа», так мы понимаем, что такое «Германия». И не от кого-то, а именно от нас будет зависеть, что люди больше никогда не станут браниться, услышав, как горнист трубит в ночи: «Германия превыше всего!...»

Жизненная позиция – Долг – Отечество

Большинство германских людей прошло школу солдатского становления. И поэтому нам совершенно ни к чему заниматься праздными рассуждениями по поводу того, какими должны быть манеры внешнего поведения. Каждому из нас, да что там говорить, уже каждому германскому ребёнку известна солдатская привычка к прямолинейности. Каждый знает, что обладающий твёрдым характером и чистой душой человек – в отличие от втихомолку обделяющего свои гешефты проходимца – уверенно ступает по жизненному пути. Следовательно, определённое обыкновение германского человека подать себя является для нас само собой разумеющейся. Однако, это умение держать себя на людях, которое мы в особенности ожидаем от находящихся на руководящих постах, есть ничто иное, как проявление ими своей внутренней зрелости.

Воспитание этой зрелости имеет важное значение. Однако не только оно одно является решающим фактором, ибо должно изначально существовать нечто такое, с чего можно было бы это воспитание начать и в процессе формирования личности человека добиться соответствия между образом его мыслей и образом его действий. И здесь вновь необходимо отметить, что вышеуказанными предпосылками для этого являются живущие в нас древние законы нравственности, чувство ответственности и понятие долга.

Если эти достойные качества в нас отсутствуют, то наше предположительно хорошие манеры поведения и внешнее умение держать себя являются ничем иным, как результатом «дрессировки» или маской. Проявляемая аристократически благородная сдержанность должна отличаться от пустого высокомерного безразличия тем, что демонстративную дистанцию от низменного надлежит соблюдать не ради одной лишь выставляемой напоказ эффектной позы, но использовать в качестве действенной защиты подлинных ценностей!

Часто приходится сталкиваться с искажённым представлением о понятии долга. Мы иногда даже самих себя невольно ловим на том, что мы – разговор у нас идёт совершенно откровенный! – уклоняемся от исполнения своих обязанностей, прикрываясь при этом ничем иным, как понятием долга. В жизни не избежать ситуаций, когда мы иной раз устаём, бываем рассержены, совершенно разочарованы или ожесточены. Вот тут и выплывает избитая фраза, примерно наподобие

такой: «Я исполняю свой долг, и всё остальное меня совершенно не волнует. Пусть другие делают, что считают нужным! Мне совершенно нет до этого никакого дела!»

Тот, кто говорит подобные вещи, достиг грани, за которой наступает забвение своего долга. «Всё остальное меня не касается!...» Иначе говоря, что это – готовность капитулировать? А как прикажете понимать: «Кроме своих дел, меня ничего больше не волнует!» – как уклонение от исполнения служебных обязанностей, как трусость или дезертирство? Не увиливай, камрад! Не Ты ли сам, в конце концов, виновен в своих неприятностях?

Может быть, Тебе с полным на то правом указали границы Твоего умения и способностей? Или, может, рядом был кто-то «другой», оказавшийся вдруг лучше Тебя? А не собирался ли Ты пробить головой стену, не обращая внимание на то, что разобьёшься при этом, скорее всего, сам? И теперь не в состоянии понять, что делаешь из мухи слона? В таком случае – Ты получил лишь то, что заслужил, и Твои жизненные принципы правильными никак не назовёшь.

Но, давайте предположим, что, действительно, с чьей-то стороны был дан повод для Твоей досады. У Твоего начальника было плохое настроение? Тут нам, разумеется, сказать нечего и остаётся лишь пожалеть плечами. Твои действия не получили ожидаемой поддержки? И только-то? Утомили житейские мелочи? А не является ли причиной всему ревность и злость? – Ты оказался слабее, хотя и предполагал, что будешь лучшим. Тебя разочаровали люди, которым ты поверил? – Это, определённо, плохо. Однако, отвечают ли все окружающие Тебя за допущенную кем-то одним из них осечку? Лучше посмотри вокруг себя на тех порядочных людей, которых Ты со своей стороны не вправе разочаровывать! Задумайся – заявляя, что Тебя «больше ничто не волнует», Ты порываешь свои с ними отношения! Мы любим Германию такой, какая она есть. Но теперь это ни в коем случае не означает, что мы безмолвно принимаем имеющие порой место в её жизни дефекты и пороки. Всему хорошему мы стремимся оказать помощь, ведя борьбу и подавляя всё ущербное и неполноценное, где бы оно нам ни встретилось. Наличие противоположностей – это закон природы. Без света нет тени, и где-то рядом с отрицательным неизменно существует нечто позитивное. Величественное и достойное презрения тесно стоят рядом друг с другом. Даже в те кульминационные моменты человеческого бытия, когда мы сражались не на жизнь а насмерть, нашим глазам не раз открывались картины,

когда высокое и низменное шли плечом к плечу. – Вот один с чистым сердцем и незапятнанной совестью предстаёт перед Вечностью, и тут же непосредственно рядом с ним находится другой, стремящийся поживиться чем-нибудь из имущества, принадлежавшего павшему. Мы с гордостью смотрим на героические личности германской истории, но не упускаем из виду и столь часто подстерегавшие их измену и низость. Сколько замечательных людей создало новую Германию за такое короткое время своими полными веры и чести сердцами и трудолюбивыми руками, но сколько малодушия и никчёмности предстояло прежде этого убрать с пути!

Мы рассуждаем, исходя из всего того поистине великого, что не имеет ничего общего с показными блеском и сиянием, но просто и понятно являет собой сущность всего красивого, благородного, энергичного, здорового. Однако, наряду со всем этим обязательно присутствует мелкое и неприглядное. Зарождающееся где-то на невидимых глубинах и пытающееся разрастись выше, оно, тем не менее, способно вести беспечное существование лишь в тени великого. Не дай же мелкому и низменному сбить себя с толку! Оно охотно хотело бы казаться великим. Маскирующееся проявлением нахальства, сочетаемого с благоразумием, изворотливостью и обходительностью, оно легко вводит в заблуждение относительно своих подлинных заслуг и истинной значимости.

У Тебя есть выбор принять ту или иную сторону. Здесь не существует возможности каких бы то ни было половинчатых решений. И если Ты заявляешь о своей принадлежности к мелочному и эгоистичному кругу стремящихся извлечь выгоду из всего – что ж, тогда пусть всё по-прежнему останется так, как Ты говорил. Но, если Ты встаёшь на сторону верных нашему делу германцев – тогда, камрад, Ты ни при каких обстоятельствах не вправе оказаться дезертиром! Мы понимаем испытываемую Тобой досаду, поскольку искренне разделяем её. Мы видим, что Ты споткнулся, но дожидаться, пока Ты упадёшь, не будем. Мы поможем Тебе вновь обрести уверенную походку!

Но, всё-таки, что же тогда является «долгом»? И что такое «всё остальное»? Согласно пониманию того, кто на самом деле занят решением одних только «своих» задач и не считает нужным вмешиваться ни во что «остальное», долг являлся бы всего лишь необходимостью выполнения под давлением обстоятельств каких-либо профессиональных обязанностей – скажем, производственного

плана предприятия. Если же, помимо этого, требуется дополнительно сделать что-либо ещё, то в сознании такого человека где-то на заднем плане обязательно присутствует принуждение. Но такой вид «долга» на самом деле был бы лишь вынужденным преклонением перед силой. И не имеет совершенно никакого значения, какой характер носит и в какой степени это принуждение проявляется. Когда к тем или иным действиям нас побуждает угроза наказания, то наши поступки будут находиться в рамках обязанностей, необходимость исполнения которых навязывается нам извне. Однако, говоря о «долге», мы имеем ввиду нечто совершенно иное. Когда возникает идущее изнутри желание действовать – нами определённно движет какое-либо духовно-нравственное требование – наша любовь, наша убеждённость, наше жизнеутверждение, наше ощущение общности. Эти силы могут развиться в нас настолько сильно, что окажутся способными породить непреодолимое ощущение необходимости пойти на тот или иной поступок. Но ощущение этой необходимости уже будет являться ничем иным, нежели самым возвышенным долгом сердца, повинаясь которому, мы будем считать себя обязанными во что бы то ни стало достичь желаемой цели.

Здесь обнаруживается одна из тех возвышенных задач, что стоят перед всеми занимающими руководящие посты на производстве – умение проявить такую заботу о душах своих подчинённых, что обязанности, строгая необходимость исполнения которых налагается на них извне, были бы встречены их желанием, пониманием и радостью. От руководящих качеств директора предприятия будет зависеть, станет ли находящийся под его началом человек внутренне расценивать необходимость исполнения своих обязанностей как выпавшую на его долю горькую участь, или будет окрылён признанием того, что его работа является зримым отражением его духовно-интеллектуальной одарённости или сноровки его рук.

Добровольность и порождённое ею осознание необходимости пойти на совершение тех или иных поступков, готовность к действию и повиновение – всё это вместе есть основа подлинной общности, которой суждено возникнуть всюду, где германцы встали плечом к плечу, объединившись для общего дела. За спинами всех нас неизменно присутствует необходимость действовать – великая, переплетённая с нашими судьбами, непреклонная необходимость свершения всего того, от чего будет зависеть Бытие или Небытие нас самих и нашего Отечества, всего того, с чем мы будем в силах вновь и

вновь справляться, лишь являясь единой общностью, каждый из членов которой справляется с малым миром возникающей лично перед ним необходимости пойти на поступок.

Наша понимание долга подразумевает служение общему целому. Тот, кто верен – верен самому себе и окружающим. Эта верность обретает неразрывную связь со служением, которое каждый из нас считает своим долгом. Тот, в ком живёт чувство чести, проявляет это достойнейшее человеческое качество по отношению к своим ближним, а его усердие неизбежно сказывается на благосостоянии общего целого.

Сумма имеющих подобную направленность нравственных стремлений одного обуславливает повышение уровня культуры у всех. Поэтому государство должно брать всё то достойное и целесообразное, что присуще живущим в нём людям – иначе говоря, их положительные силы – под свою защиту, одновременно подавляя и предостерегая появление вредного и негативного.

Нравственная воля – её зарождение, её становление и укрепление, её воплощение в жизнь – имея свои корни в нашей душе, находит внешнее проявление в служении. Мы должны твёрдо придерживаться этого. И, если мы теперь возвратимся к понятию долга, то ясно определим заложенный в него смысл и поймём, что для отдельного человека границы его долга не очерчиваются одним исполнением того, что ему следует делать согласно профессиональным обязанностям или полученным распоряжениям. Мы живём для самих себя лишь самую незначительную часть нашей жизни. Чем она содержательнее, тем больше посвящена окружающим нас людям. Законы не в состоянии регламентировать все мелочи нашего бытия. Приказы и распоряжения не в силах регулировать всё происходящее в жизни. Между параграфами, определениями и предписаниями существует целое множество возможных вариантов того, что вдруг оказывается в сфере нашего долга. Кто заставлял нас в Период борьбы открыто встать на сторону сражающихся за национальную Германию? Кто принуждал нас к вступлению в ряды СА и СС? Какие параграфы определяли нашу деятельность? Напротив, очень часто существовало достаточно много таких, что напрямую её запрещали. Кто приказывал нам поставить на карту своё существование, рискуя здоровьем и самой жизнью? Нас звал наш долг, нас звал голос нашей совести!

Только внутренний голос может определить границы нашего долга, ибо он являет собой нечто гораздо большее, нежели

обязанность действовать согласно приказу. Справиться самостоятельно с этой задачей способен каждый, но при условии, что он живёт в согласии с собственной совестью. Тот, кто жертвует своим характером, например, из-за возможности занять более выгодное положение, ставит на место совести расчёт. Поэтому наш долг также велит нам нигде и никогда не поступаться германским характером.

Чем больше мы работаем с людьми, тем становимся увереннее в себе, вопреки всей осторожности совершить мучительные ошибки. Они так часто подтачивают лучшие силы, но наш долг обязывает приходить на помощь всему, что эти силы сохраняет. Эта помощь отчётливее всего проявляется в нашем собственном поведении, которым мы стремимся не допустить разочарования тех, кто верит в нас.

Гораздо убедительней, чем в какие бы то ни было времена германской истории, наша действительность доказала, что жить – значит бороться. Мы, осознавая, что со всякой обывательской созерцательностью рано или поздно будет окончательно покончено, также понимаем, что служение своей Родине – это борьба, борьба за всё лучшее в её жизни, борьба против пытающегося пустить корни мерзкого и низменного, борьба с человеческими недостатками.

Тем не менее, быть только лишь борцом – недостаточно. Мы также обязаны уметь вести людей за собой. Каждому, кто оказался к этому способен, предстояло буквально срастись – и отнюдь не только внешне! – со своим званием руководителя, которое невозможно передать на время кому-либо другому и которому никто, кроме него самого не смог бы дать более или менее чёткую характеристику. Для такого человека определяющими являлись и являются не занимаемое им положение, должностное или воинское звание и знаки отличия, но воспитание им в себе руководящих качеств и общей способности вести за собой, развитие собственной силы и подготовка ценностного резерва. Способность к ведению борьбы и ценность человека как руководителя – есть ничто иное, как его точка зрения на понятие «долг» и принципы его жизненной позиции. Наша жизненная позиция создаёт нам необходимую дистанцию от всего негатива, сопровождающего «малую войну», которую мы вынуждены вести изо дня в день. Неприятные явления, с которыми нам приходится сталкиваться, воспринимаются нами не более, чем пустое место. Они были, есть и будут. По своей сути они ничтожны, и не оказывают на

нас никакого воздействия, ибо, повторяюсь, занятая нами позиция – есть дистанция, дистанция от ничтожного.

Заявить об окончательном завершении всех своих дел мы не можем никогда. Судьба вносит свои коррективы и делает это непрерывно. То, что сегодня кажется законченным, завтра приходится сделать ещё лучше. При этом нередко приобретается приносящий боль опыт, вследствие которого может произойти столкновение противоположностей и дрогнуть человеческая дружба. Мы не должны относиться к этому ни с безразличием, ни с излишним преувеличением. Пусть наше стремление продолжать борьбу найдёт своё отражение в неизменных принципах занятой нами жизненной позиции: Прийти на помощь! Сделать лучше! Подать личный пример!

Мы неизменно придерживались принципов того, что называем подлинным умением вести людей за собой. Наши методы руководства, оставаясь простыми и бесхитростными, не имели и не имеют ничего с какими бы то ни было мудрствованиями и показным блеском. В Период борьбы, стараясь без лишнего шума и скромно объединять одно ценное качество с другими, и, ожидая, когда провидение поставит перед нами свою задачу, мы знали, что в этот час не забудем того, на что некогда рассчитывали от окружающих: остаться верными самим себе и проявлять справедливость по отношению к каждому соплеменнику.

Были времена, когда человек, говоривший о честности и бескорыстии, выставлял себя на посмешище. Об этом упадке нравов следует помнить, чтобы указать, что наше отношение к смыслу нашей жизни соответствует устоявшимся понятиям о человеческом достоинстве и добродетелях.

Внешняя приверженность занимаемой позиции при отсутствии станового хребта внутренней жизни является всего-навсего умением мастерски ломать комедию и при первом же заставляющем испытывать боль переживании она исчезает неведомо куда. Наша же способность отстаивать свои жизненные принципы формируется ничем иным, нежели силой владеть самими собой. Мы не собираемся быть рабами плохих привычек. Наше самообладание – есть результат сурового воспитания во всех сферах нашей жизни. Манеры держать себя – не униформа единого образца. Каждый придаёт им свою индивидуальность в соответствии с собственным миром мыслей и чувств, однако эти манеры всегда выделяют более духовно и

физического развитого, имеющего твёрдый характер и здорового человека из общей массы.

Твёрдая жизненная позиция не делает нас упёртыми и жёсткими. Она является само собой разумеющимся и совершенно естественным проявлением нашего архетипа. В ней выражается уравновешенность и уверенность, сказывающиеся как в отдаваемых приказах, так и в безусловном им повиновении. Она несёт в себе право честного и открытого слова, поскольку защищает нас от выхода за определённые рамки. Мы не нарушаем заповедей тактичного поведения. Наше способность владеть собой позволяет нам преодолевать страх, который порой испытывает каждый человек и защищает нас от возникновения внутренних сволочных позывов. Она даёт нам спокойную невозмутимость, поднимающую нас над теми жизненными ситуациями, в которых так легко ломается нестойкий человек. Многие из вышестоящих начальников отнюдь не являются в наших глазах идеалом, и, тем не менее, мы демонстрируем высокую дисциплину не из-за боязни возможного наказания, но потому, что действовать именно таким образом нам диктуют занятая нами позиция и стоящие перед всеми нами совместные задачи. Всё, что не убивает – учит нас. Всё, что осложняет нашу жизнь, воздвигая препятствия на нашем пути, делает нас сильнее. Случай для испытания предоставляет буквально каждый день. Так пусть же каждый день будет завершён победой!

Занимаемая человеком позиция является критерием его личности. Правильная жизненная позиция – это прямота, ясность и правда.

Тот, кого любит судьба, она берёт в свои клещи и очищает в огне. Она выковывает его своими ударами и закаляет холодом. И пусть он испытывает одно за другим такие потрясения, что, казалось бы, способны сокрушить кого угодно – его обыкновение придерживаться занятой раз и навсегда чёткой жизненной позиции будет неизменно вновь и вновь поднимать его над тягостной и мучительной болью. Вопреки всему, что бы ему ни пришлось пережить, он, среди идущих сплошной чередой разочарований и утрат, будет видеть себя звеном в цепи поколений и ощущать свою ответственность перед потомками, а берущий истоки в седой древности поток жизни, вынося его на самую свою середину, заставит продолжить ведущуюся им борьбу за неизбежно возникающие потребности текущего дня и непреходящие ценности вечного.

Какое значение сможет иметь на фоне открывающихся перед нашим взором бескрайних просторов, когда кто-нибудь один идущий рядом с тобой сбивается с ноги, другой – из-за своей ограниченности – не видит дальше собственного носа, а третьи – в которых ты верил – спотыкаются и выбывают из строя? Ничто из этого не сможет поколебать твою невозмутимость!

Настоящего борца не может смутить тот факт, что его борьбу не завершает одержанная им победа. Судьба величайших личностей германской истории учит нас: все они принимали участие в созидании нашего Отечества, но никто из них не оставил после себя ничего, что можно было бы считать окончательно завершённым. Их всех окружал один и тот же враг: человеческие недостатки. Состояния ощущения постоянного блаженства на этой земле быть не может. Полные страстей и стремлений, все мы ведём борьбу за внутреннее и внешнее содержание нашей жизни, нашей общности, нашего Отечества.

Под вражеским огнём мы были среди тех людей, кто не дрогнул и не отступил ни на шаг. Вряд ли кто-нибудь из них смог бы дать ответ на вопрос, во имя чего он подвергает смертельному риску собственную жизнь. Но, при этом, в глубине своей души он смутно ощущал и понимал смысл того, о чём именно идёт речь.

В сметающем всё на своем пути урагане уничтожения для него, видящего перед своими глазами лишь кровь и грязь, слово «Отечество» звучало бы издёвкой. Зато об «Отечестве» очень любили высокопарно пораспинаться за кружкой пива обосновавшиеся в безопасном тылу обыватели. Но у кого в те дни было то, что с полным основанием можно было бы назвать «Отечеством»? Вернувшийся с полей сражений не зная, что в действительности означает это имя, тем не менее, ощущал по этому поводу тысячи догадок, хотя, возможно, никакой надежды когда-нибудь просто взглянуть на это самое Отечество у него не было... У заседавших же на скамейках в пивной бюргеров, подвергавших беспощадной критике заслуги фронтовиков в простреленных серых шинелях, напротив – имя «Отечества» не сходило с языка. Но смысл этого слова не был понятен их сердцам ни в малейшей степени. В том «Отечестве», о котором они разглагольствовали, они жили лишь внешне, нисколько не ощущая его внутри себя.

Ведущие борьбу и верящие в своё дело люди несут Отечество в себе. Во время германского унижения лучшие задавали себе вопрос: «Неужели эта Германия и есть наше Отечество?» Они не ошибались в

столь легко возникавших противостояниях всевозможных «ДА» и «НЕТ», ибо их Отечество жило в их душах, в их вере, в их убеждениях. В их горячих сердцах начало своё становление грядущее Отечество, выглядевшее совершенно иначе, чем та действительность, которой они были вынуждены любоваться воочию.

И когда над Германией снова взошло солнце, то многие из тех, кто вместе с нами вёл борьбу за его свет и с радостью в сердце маршировал ему навстречу, полагали, что вот теперь они окончательно обрели своё Отечество. Тот, кому в этом блистательном поворотном пункте германской истории виделось нечто законченное и готовое, не понимал, что он присутствует при начале нового созидания, требующего приложения новых усилий в новой борьбе. И ему пришлось испытать чувство разочарования, поскольку он упускал из виду, что ничего окончательно завершённого не бывает, существует лишь вечное «Вперёд!»

Быть борцом – значит являться не только лишь носителем идеи, но и примером во всех посылаемых судьбой испытаниях. Взятие в свои руки руководства ещё не даёт возможности заявить об исполнении стоящих перед нами задач. Борьба продолжается. Она лишь приняла иной облик. Старые ошибки проявляются у новых людей. Сказывается человеческое, слишком человеческое. Появляются новые наслоения, и они вовсе не безупречно сочетаются с предшествующими. Но убить всё старое, чтобы по своему усмотрению породить что-то новое, нельзя, как нельзя и разрушить всё старое с целью что-то новое построить. Даже если бы это и удалось – та почва, на которой это новое было бы воздвигнуто, всё равно осталась бы прежней. Наша любовь к германскому Отечеству требует от нас самих быть той его частью, что была сама бы достойна искренней любви, наилучшим образом способствуя формированию и дальнейшему развитию всех его остальных составляющих. Там, где это требование не соблюдается, нам не дано никакого права требовать от других, чтобы они были лучше, чем они есть. И, если мы посмотрим внимательнее, то, положив руку на сердце, следует признать, что те, кто не нравятся лично нам, обладают в действительности такими преимуществами, которые для достижения процветания нашей общности совершенно незаменимы. Однако, мы смотрим не на других, мы – те кто уже в тяжёлое для нас и для всей Германии время сплотился плечом к плечу во имя нашего общего дела – смотрим на самих себя! Разве мы сами не совершали ошибок? И

разве среди нас нет таких, кто и после нашей победы ходит с поникшей головой, поскольку то или иное оказалось несколько иным, нежели он ожидал? Тех, кто считает, что для них окончательного обретения Отечества не состоялось? – Но жизнь постоянно вносит свои коррективы и вместе с ними выдвигает новые требования. Всё время приходится строить, перестраивать, вносить какие-то улучшения. Давайте вместе взвесим, к чему привело бы отсутствие этого! Застой, начавшийся с бездеятельности, завершился бы разложением и гибелью. Отечество принадлежит Вечности, а не какому-то одному временному отрезку. История, наглядно демонстрируя всё происходившее на разных этапах становления нашего Отечества, напоминает нам о необходимости служения его дальнейшему развитию. Это значит, что Отечество, живущее внутри нас, всегда иное, нежели существующее в действительности. Наши желания, наши надежды видеть его таким, как бы нам хотелось, всегда обгоняют своё время.

Собственно говоря, всякое положение вещей таково, каково оно есть и каждая эпоха отражает лишь стадию живого развития, которое совершенно не могло быть никаким иным. Она была такой, какими были действовавшие в ней силы. Отечество настолько же хорошо или плохо, как его народ – общность населяющих его людей. Только лучшие из них всегда обгоняют мысль своё время, стараясь идти навстречу грядущему.

Их участь часто была трагичной, ибо они – чьи горячие сердца и светлые умы видели далеко вперёд – в большинстве своём не доживали до того лучшего будущего, к которому они так стремились. Их самыми худшими врагами были отсутствие понимания и инертность массы.

Мы чётко осознаем, что повести за собой по правильному пути в стране своих отцов способен лишь тот, кто подлинно благороден. Живое изучение истории наших лет обучило нас этой истине. Страна всегда остаётся той же самой. Её реки продолжают своё вечное – по меркам человеческой жизни – течение. Её горы – свидетели тысячелетий. Появляясь на свет, люди обретают Родину – страну, где они родились и которая предлагает им возможность пользоваться дарами природы и плодородием своих земель. Человеку же в этом мире предоставлено создать себе в своей стране подлинное Отечество. Мы знаем страны, недра которых со всей щедростью наделены всевозможными земными благами, и, тем не менее, живущие в этих

странах люди пребывали в нищете. Мы видели, как, оказавшись буквально втоптаннами в грязь, они влачили своё жалкое существование. Мы видели их израненные души. Вопреки богатствам, лежащим под их ногами, у них была лишь скудная на заботу о своих детях «Родина», которая совершенно не являлась для них никаким Отечеством. Дух людей решает – обретут они для себя своё Отечество, или на их глазах произойдёт его гибель. И зависит это от того, что руководство страны делает из живущих в ней людей – подавляет ли оно их дух или даёт ему открытое пространство для дальнейшего развития и роста.

Благородный человек наполняет сердца своих ближних силой своей веры и своей любви ко всему, чем живёт его Отечество. Он помогает своему народу проложить путь к обретению Отечества. Он оказывает помощь в его становлении и обустройстве. Своим примером он даёт наглядный образец того, как следует жить сегодня и завтра. Как святыне, следует он своему долгу, охватывающему уже тех, кто ещё дремлет в его крови. Благодаря его верности этой ответственности перед ним раскрывается поле распространения его долга. Понимание человеком своего предназначения всегда способно указать лишь отдельные фрагменты этого долга. В чёткие же границы, очерченные должностными предписаниями и служебным званием, свой долг заключает лишь тот, чья совесть не обращает внимания на происходящее за забором его компетентности, кто не в состоянии выбраться из глубоко разъезженной привычной колеи или тот, кто пуст внутри и в чьей скудной душонке нет ничего от ощущения личной ответственности за необходимость предотвратить превращение в вязкое болото берегов величественного потока всей нашей жизни.

Утверждать, что наши обязанности полностью регламентированы на все сто пятьдесят процентов, нельзя. Для достойного поступка, совершаемого во благо Отечества, всегда найдётся место и время. А скромная, но, в то же время, уверенная жизненная позиция, порождённая непоколебимой верой в Отечество, может оказать этому достойному поступку весьма действенную помощь.

Пределы ответственности благородного человека способна определить лишь его собственная совесть. В своей искренности и верности он обретает веление своего долга, поле которого постоянно расширяется, превышая возможности его сил. Как правило, для подобного человека очень скоро наступает момент, когда перед ним

открывается пространство, вне которого уже никто больше не сможет ему что-либо диктовать. Если всё предписываемое нашим долгом вращается вокруг нашей совести, то в нас будут присутствовать как непоколебимая воля, так и опирающиеся на занятую нами жизненную позицию внутреннее спокойствие и уверенность в своей способности до конца исполнить свой долг перед Отечеством, перед Вечностью, перед Богом!

Солдаты Гитлера

О национал-социализме уже написано достаточно много. Есть люди, которые, вооружившись лупой, старательно выискивают в каждой напечатанной строке всевозможные «ЕСЛИ» и «НО». Есть другие – для которых все гораздо проще. У них совершенно нет никакой необходимости заниматься подобными «литературными» изысканиями. – И дело даже не в том, что рассуждая о национал-социализме, они придерживаются выраженного в печати мнения о данной проблеме. Дело в том, что для них национал-социализм не представляет из себя никакой проблемы. Многие, читая «Мою Борьбу» Гитлера, внезапно обнаружили, что они и сами, в общем-то, являются национал-социалистами, и, причём, издавна. По всей видимости, прежде, чем осуществить свое внешнее проявление, сущность национал-социализма уже жила в глубине нас. Германцу может быть свойственно всё то, что, являясь следствием складывающихся так или иначе обстоятельств окружающего нас мира, повсюду омрачает наш взгляд и суживает кругозор. Но если хорошенько отчистить всю эту шелуху, то мы сразу же обнаружим перед собой национал-социалиста. Как много мы встречали тех, кто в течение всей своей жизни полагал, что является стойким, неподдающимся переубеждению марксистом, и вынужден был в итоге проникнуться мыслью, что он шёл по ложному пути! До этих людей в один прекрасный день доходило, что они были вовсе не приверженцами марксизма, но являлись национал-социалистами. И так же в точности наоборот: человек, в глубине своей души являющийся сволочью и подлецом, может обвешаться свастиками с ног до головы, но национал-социалистом он не станет никогда. Отсюда получается, что национал-социалистом можно быть, даже и не подозревая об этом. И далее: национал-социалистом, исходя из самой глубинной сути нашего мировоззрения, надо уже изначально быть, что стать национал-социалистом решительно невозможно. В контексте этой последовательности рассуждений нами, конечно же, не подразумевается тождественность понятий «национал-социалист» и «член партии». Человек, по всем признакам характеризующийся с позиции нашего мировоззрения как национал-социалист, в силу сложившихся определенным образом обстоятельств, может еще находиться в стороне от НСДАП.

Качествами, обладать которыми и означает быть национал-социалистом, тебя, по сути, наделил сам Господь Бог, зародив их в твоём сердце и в твоей душе в час твоего появления на свет.

Солдатом Гитлера, тем не менее, человек стать может, но при условии, что человек этот является национал-социалистом – и не только с точки зрения его принадлежности к партии.

К находящемуся на службе Германии солдату Гитлера предъявляются наивысшие требования: безусловная преданность великой, святой идее национал-социализма и безоговорочная самоотдача всех человеческих сил и способностей.

Это лучше всего соответствует германской сущности, и именно по этой причине армия Гитлера возросла на миллионы. Поэтому старые борцы – ветераны движения – могут оставаться спокойными: эти требования не удастся выдержать длительное время тем недостойным, что благодаря разным уловкам затесались в наши ряды. Пусть им и удастся довольно долго прятаться за ширмой своего лицемерия; они даже могут пытаться, сооружая различные платформы для демонстрации своей собственной важности и подчёркнутой необходимости, занять влиятельное положение. Но коль скоро у них отсутствует твердый и надёжный фундамент национал-социалистической спаянности: моральная чистоплотность, честь, отвага, мужественность и бескорыстие, их, рано или поздно, в один прекрасный день поглотит собственная же пустота и никчёмность, ибо они не являются солдатами Гитлера и не станут ими никогда.

Всё то, о чем достаточно кратко сказано выше, предоставляет основательную базу для организации духовной работы в партийных подразделениях. О воспитании же физической культуры, нам, собственно, не стоит и заводить разговор – требования, предъявляемые к солдату Гитлера, прекрасно известны всем. Германская кровь определяет движение к достижению успешных результатов. Германская мужественность воспринимает напряжение усилий и преодоление опасностей с радостью. Даже затхлая, буквально вызывающая размягчение костей, атмосфера сгинувшей «Системы» оказалась не в состоянии подавить этот инстинкт жизненной активности, живущий в германской крови. – Как бы иначе он смог – и особенно у германской молодежи – вновь проявить себя за столь короткое время с такой силой?!

А ведь этот инстинкт, в конце концов, не зачах и не был полностью истреблён даже под веймарским пацифистским флагом –

мы помним те толпы социал-демократических обывателей, многочисленными колоннами печатавших шаг по мостовой и проклинавших на чём свет стоит ненавистный им «милитаризм»!

Если уже сама сущность нашей практики и смысл заботы о поддержании общей физической силы отличают нас от таких «солдат», то для нас самих одни лишь силовые упражнения и развитие выносливости вовсе не являются чем-то, имеющим решающее значение. Решающее – это дух, который воодушевляет нас в трудную минуту и присутствие которого мы в состоянии сохранять в любой ситуации!

Благодаря этому духу мы обеспечиваем возможность достижения высокой цели: создания предельно развитой и закаленной человеческой личности. Поэтому мы с радостью подчиняем себя суровому воспитанию в нас Правдивости, Стойкости и Верности.

И потому наш характер остается солдатским характером.

Нашей внутренней сутью являются присущие мужественному человеку достоинства.

Наша любовь и наше повиновение на все времена принадлежат нашему Фюреру.

Нашей целью навечно остаётся Германия.

Из всего этого логично следует и высшая устремлённость, являющаяся содержанием нашей жизни. ...Некогда римские гладиаторы перед тем, как покинуть свой маленький, сузившийся до размеров арены амфитеатра мир, идя на лишённую смысла бойню, выкрикивали: «Ave Caesar, morituri te salutant!» («Аве, Цезарь! Идущие на смерть приветствуют тебя!»)– лат., прим.перев.) Мы же, в отличие от них, напротив, совершенно осознанно стремимся достойно встретить тот час, когда представ по приказу Фюрера перед германской нацией, мы вскинем в салюте руки и провозгласим: «Готовые к смерти за Отечество, приветствуют тебя, Адольф Гитлер!»